

Лао Шэ

Записки
о Кошачьем
городе

Межпланетный корабль прилетает с Земли на Марс и оказывается в удивительном государстве, где живут люди-кошки... Так начинается роман знаменитого китайского писателя Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе». В этом произведении, близком по духу «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина или «Острову пингвинов» А. Франса, автор остроумно изобразил государственные учреждения, армию, систему хозяйства и образования, схоластическую науку, официальное искусство, основанные на порядках, хотя губительных для страны, но, к сожалению, весьма живучих. Многие в этом романе напомнят читателям и о нашей действительности.

- [Лао Шэ.](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

**Лао Шэ.
Записки о Кошачьем городе**

Межпланетный корабль разбился.

От моего старого школьного товарища, который больше полумесяца правил этим кораблем, осталось лишь нечто бесформенное. А я, видимо, жив. Как случилось, что я не погиб? Может быть, это знают волшебники, но не я.

Мы летели к Марсу. По расчетам моего покойного друга, наш корабль уже вошел в сферу притяжения Марса. Выходит, я достиг цели? Если это так, то душа моего друга может быть спокойной: ради чести оказаться первым китайцем на Марсе стоит и умереть! Но на Марс ли я попал? Могу лишь строить догадки, никаких доказательств у меня нет. Конечно, астроном определил бы, что это за планета, но я, к сожалению, понимаю в астрономии ничуть не больше, чем в древнеегипетских письменах. Друг, без сомнения, просветил бы меня... Увы! Мой добрый старый друг...

Корабль разбился. Как же я теперь вернусь на Землю? В моем распоряжении одни лохмотья, похожие на сушеный шпинат, да остатки еды в желудке. Дай бог как-то выжить здесь, не то что вернуться. Место незнакомое, и вообще неизвестно, есть ли на Марсе существа, похожие на людей. Но стоит ли подрывать свою смелость печалью? Лучше успокаивать себя мыслью, что ты «первый скиталец на Марсе»...

Конечно, все это я передумал уже потом, а тогда у меня очень кружилась голова. Рождались какие-то обрывочные мысли, но я помню только две: как вернуться и как прожить. Эти мысли сохранились в моем мозгу, словно две доски от затонувшего корабля, прибитые волной к берегу.

Итак, я пришел в себя. Первым делом нужно было похоронить останки моего бедного друга. На обломки корабля я даже не решался смотреть. Он тоже был моим добрым другом – верный корабль, принесший нас сюда... Оба моих спутника погибли, и я чувствовал себя так, будто сам виноват в их смерти. Они были нужны и полезны, но погибли, оставив жить меня, беспомощного. Дуракам счастье – какое это печальное утешение! Друга я похороню, пусть мне придется копать могилу голыми руками. Но что делать с останками корабля? Я не смел взглянуть на них...

Нужно было копать могилу, а я лишь тупо сидел и сквозь слезы глядел по сторонам. Поразительно, но все, что я тогда увидел, я помню до мельчайших подробностей, и, когда бы я ни закрыл глаза, передо мной снова встает знакомый пейзаж со всеми красками и оттенками. Только одну картину я помню так же отчетливо: могилу отца, на которую я впервые пошел в детстве вместе с матерью. Теперь я смотрел на все окружающее с испугом и растерянностью, точно маленькое деревце, каждый листочек которого чутко вздрагивает под ударами дождевых капель.

Я видел серое небо. Не пасмурное, а именно серое. Солнце грело весьма сильно – мне было жарко, – но его свет не мог соперничать с теплом, и мне даже не приходилось зажмуривать глаза. Тяжелый, горячий воздух, казалось, можно было пощупать. Он был серым, но не от пыли, так как я видел все далеко вокруг. Солнечные лучи словно растворялись во мгле, делая ее чуть светлее и придавая ей серебристо-пепельный оттенок. Это было похоже на летнюю жару в Северном Китае, когда по небу плывут сухие серые облака, но здесь воздух был еще мрачнее, тяжелее, унылее и словно прилипал к лицу. Миниатюрным подобием этого мира могла бы служить жаркая сыроварня, в которой мерцает только огонек масляной лампы. Вдалеке тянулись невысокие горы, также серые, но более темные, чем небо. На них виднелись розовые полосы, точно на шее дикого голубя.

«Какая серая страна!» – подумал я, хотя еще не знал тогда, страна ли это, заселена ли она какими-нибудь существами. На серой равнине вокруг не было ни деревьев, ни домов, ни полей – одна гладкая, тоскливо ровная поверхность с широколистной, стелющейся по земле травой. Судя по виду, почва была тучной. Почему же на ней ничего не сеют?!

Невдалеке от меня летали серые птицы с белыми хвостами, напоминавшие коршунов. Белые пятна их хвостов вносили некоторое разнообразие в этот мрачный мир, но не делали его менее унылым. Казалось, будто в пасмурное небо бросили пачку ассигнаций.

Коршуны подлетели совсем близко. Я понял, что они почуяли останки моего друга, заволновался и начал искать на земле какой-нибудь твердый предмет, но не нашел даже ветки, «Надо пошарить среди обломков корабля: железным прутом тоже можно вырыть яму!» – подумал я. Птицы уже кружили над моей головой, опускаясь все ниже и издавая протяжные, хищные крики. Искать было некогда, я подскочил к обломкам и, словно безумный, начал отрывать какой-то кусок – не помню даже от чего. Одна из птиц села. В ответ на мой вопль ее жесткие крылья задрожали, белый хвост взметнулся вверх, а когти снова оторвались от земли. Однако на смену спугнутой птице прилетели две или три другие с радостным стрекотом сорок, нашедших вкусную еду. Их собратья, летавшие в воздухе, закричали еще протяжнее, словно умоляя подождать, и вдруг все разом сели. Я тщетно пытался отломить кусок от исковерканного корпуса; по моим рукам текла кровь, но я не чувствовал боли. Накинувшись на коршунов, я стал кричать, пинать их ногами. Птицы разлетелись, но одна все-таки успела клюнуть человеческое мясо. С этого момента они перестали обращать внимание на мои пинки: только норовили клюнуть мою ногу.

Я вспомнил, что в кармане у меня лежит пистолет, судорожно нащупал его и вдруг – что за наваждение! – в каких-нибудь семи-восьми шагах от себя увидел людей с кошачьими мордами!

«Выхватить пистолет или подождать? – заколебался я, но в конце концов вынул руку из кармана и молча усмехнулся. – Я прилетел на Марс по собственному желанию. Еще неизвестно, убьют ли меня эти кошки – может быть, они самые милосердные существа на свете. С какой стати мне хвататься за оружие!» Добрые помыслы прибавляют храбрости, и я совсем перестал волноваться. Посмотрим, что из этого выйдет, во всяком случае, мне не следует первому нападать.

Увидев, что я не двигаюсь, пришельцы сделали два шага вперед: медленно, но решительно, как кошки, выследившие мыш. Птицы тем временем разлетелись со своей добычей... Я закрыл глаза от ужаса. И в ту же секунду меня схватили за руки. Кто бы мог подумать, что эти люди с кошачьими мордами действуют так быстро, ловко и бесшумно!

Может, я совершил ошибку, не вынув пистолета? Нет, они должны оценить мое благородство! Я совсем было успокоился и даже не открыл глаз – от уверенности, я вовсе не из трусости. Но хотя я не сопротивлялся, странные существа сжимали мои руки все сильнее и сильнее. «А добры ли они?» – засомневался я. Чувство морального превосходства говорило мне, что человеку унижительно меряться силой с кошками. Кроме того, на каждой моей руке лежало по четыре-пять лап – мягких, но крепких, охвативших мои руки, как эластичные ремни. Пороться бесполезно. Если я попытаюсь вырваться, они выпустят когти. Люди-кошки, наверное, всегда хватают свою добычу исподтишка, а затем причиняют ей жестокую боль – независимо от того, как ведет себя жертва. Такую боль, которая заставляет жертву забыть о своем моральном превосходстве или пожалеть о нем. Теперь я раскаивался, что ошибся в этих существах и не применил политику силы первым. Один только выстрел – и, ручаюсь, они бы все убежали. Но раскаянием делу не поможешь. Светлый мир, который я создал в своих мечтах, обернулся глубоким, темным колодцем, в котором таилась смерть.

Я открыл глаза. Все они стояли за моей спиной, не желая, чтобы я их видел. Такое коварство вызвало во мне еще большее отвращение. «Раз я попался к вам в лапы, убейте меня. К чему прятаться!»

– Ну зачем так... – невольно начал я, но тут же остановился: ведь они не понимают нашего языка.

Единственным следствием моих слов было то, что лапы мучителей сжались еще крепче. Да если б они и поняли меня, то вряд ли подобрили бы. Уж лучше они связали бы меня веревками, потому что ни моя душа, ни тело не могли больше выдержать этих мягких, крепких, жарких, отвратительных объятий.

В воздухе летало все больше коршунов, которые, распластав крылья и склонив головы, выжидали удобный момент, чтобы вернуться вниз и снова полакомиться.

Интересно, что задумали проклятые кошки, торчащие за моей спиной? Нет хуже, когда тебя медленно пилят тупым ножом. Я неподвижно стоял и глядел на коршунов. Эти жестокие твари за несколько минут расправились с моим бедным другом. За несколько минут? Но тогда их нельзя назвать жестокими. «Ты легко умер, – позавидовал я товарищу. – Ты во много раз счастливее меня, обреченного на медленную пытку!»

«Хватит же, хватит!» – чуть было вновь не сорвались с моих губ ненужные слова. Нравов и повадок людей с кошачьими мордами я не знал, но за прошедшие минуты на собственном опыте убедился, что они самые жестокие существа во вселенной. А для палачей не существует слова «хватит»: медленно мучить жертву для них своего рода наслаждение. Какой же толк говорить с

ними! Я уже приготовился к тому, что мне будут загонять иголки под ногти или вливать в нос керосин – если на Марсе вообще существуют иголки и керосин.

Тут я заплакал – не от страха, а от тоски по родине. Светлый, великий Китай, где нет ни жестокостей, ни пыток, ни коршунов, поедающих мертвых, – наверное, я уже никогда не вернусь на твою райскую землю и не смогу больше вкусить справедливой человеческой жизни! Даже если я выживу на Марсе, самое большое наслаждение здесь будет для меня страданием!

Тем временем существа с кошачьими мордами ухватили меня за ноги. Они по-прежнему не издавали ни звука, но я ощущал на своей спине их горячее дыхание. Мне было так противно, будто всего меня обвили змеи.

Внезапно раздался отчетливый звон, который, казалось, нарушил долгие годы безмолвия. Я и сейчас иногда еще слышу его. Это защелкнулись кандалы на моих ногах, такие тесные, что я перестал чувствовать лодыжки.

Какое преступление я совершил? Что они собираются сделать со мной? Впрочем, что рассуждать: в кошачьем обществе человеческий разум вряд ли нужен, не говоря уже о чувствах.

Затем они надели мне наручники, но лап все-таки не разжимали. Чрезмерная осторожность (из нее всегда рождается жестокость), видимо, является необходимым условием жизни в сумраке.

Напротив, теперь две потные лапы вцепились мне еще и в шею. Это означало, что я не должен оглядываться, – как будто мне хотелось смотреть на них!

Может быть, из той же чрезмерной осторожности над моей шеей уже занесены сверкающие клинки? «Сейчас поведут!» – подумал я, и словно в ответ люди с кошачьими мордами дали мне пинок под зад. Я чуть было не свалился с ног, но лапы мягкими крючками удержали меня. За спиной послышалось фырканье, какое обычно издают коты, – очевидно, мои мучители смеялись. Конечно, они радуются, что могут издеваться надо мной!

Я надеялся, что быстроты ради они понесут меня, но снова жестоко ошибся: они заставили меня идти самого, будто догадавшись, насколько это для меня мучительно.

Пот заливал мне глаза, но я не мог смахнуть его ни руками, скованными за спиной, ни даже простым движением головы, так как меня цепко держали за шею. С усилием выпрямившись, я шел – нет, не шел, не могу подобрать слово, способное выразить, что я делал: прыгал, полз, извивался, ковылял...

Пройдя несколько шагов, я услышал – к счастью, они еще не заткнули мне уши – яростное хлопанье крыльев: это коршуны разом, как на поле боя, ринулись в атаку... Я не мог простить себе, что не успел выкопать могилу и похоронить своего товарища. Почему я столько времени тупо сидел на месте?! Если я уцелею и когда-нибудь вернусь сюда, то, наверное, и костей твоих не найду. Ничто и никогда отныне не заглушит моего стыда, и каждый раз, вспоминая эти печальные минуты, я буду чувствовать себя самым никчемным человеком на свете!

Все тело ныло, а мысли, точно в дурном сне, по-прежнему устремлялись к погибшему другу. Закрыв глаза, я представлял себе коршунов, клюющих его останки. Мне чудилось, будто они клюют мое собственное сердце. Куда меня ведут? Открыть глаза имело бы смысл в том случае, если бы я надеялся на побег и хотел запомнить дорогу, а просто глядеть по сторонам ни к чему. Мое тело уже не принадлежало мне, я его не чувствовал, как человек после тяжелого ранения. Моя жизнь была в чужих руках, но это уже не печалило меня.

Когда я открыл глаза, то почувствовал себя точно после похмелья. Закованные ноги ломило, боль отдавалась в сердце. Не сразу я понял, что нахожусь в лодке. Как я попал в нее, когда? Но это все пустяки – главное, что нет горячих лап и вообще никого вокруг. Надо мной серебристо-пепельное небо, внизу – маслянистая темно-серая поверхность реки, которая беззвучно, но быстро несет мою лодку.

Я не думал ни о каких опасностях, в моей душе не было никакого страха. Жара, голод, жажда, боль – ничто не могло побороть усталости: ведь я больше полумесяца летел в межпланетном корабле. Лечь на спину мне мешали наручники, поэтому я улегся на бок и заснул, вверив свою жизнь маслянистому потоку. Может быть, мне по крайней мере приснится хороший сон?

Вновь я очнулся в углу не то колодца, не то маленькой хижины без окон и дверей. Пол ей заменял кусок травянистой лужайки, а крышу – клочок серебристо-пепельного неба. Мои руки уже были свободны, но на пояснице прибавилась толстая веревка. Другого конца веревки я не видел – наверное, он был привязан где-то наверху. Не иначе как меня спустили сюда на веревке. Пистолет по-прежнему лежал в кармане. Странно! Чего они хотят от меня? Выкупа? Слишком хлопотно, потому что им придется тогда слетать на Землю. А может быть, они решили выдрессировать пойманное чудовище и выставить в зоопарке? Или отправить в клинику на препарирование? Во всяком случае, это было бы не лишено целесообразности. Я усмехнулся: кажется, я начинаю сходить с ума.

Во рту пересохло. Почему они не отобрали у меня пистолет? Этот странный и успокаивающий факт, однако, не утолил моей жажды. Я стал озираться и увидел в углу каменный кувшин. Что в нем? Чтобы заглянуть внутрь, мне придется прыгать в своих кандалах. Превозмогая боль, я попробовал подняться, но ноги по-прежнему не слушались меня. Колодец был неширок, и стоило мне лечь на землю, как до кувшина осталось бы несколько вершков. Но веревка на поясе предостерегла меня от бесполезной попытки. Если бы я лег на живот, вытянул руки и дернулся, веревка поставила бы меня на ноги.

Запекшееся горло помогло мне изобрести гениальный план: надо лечь на спину и двигаться ногами вперед, словно жук, который опрокинулся и не может перевернуться. Несмотря на то, что веревка была завязана очень туго, я все-таки сдвинул ее вверх, на грудь, чтобы она не помешала мне достать до кувшина. Лучше боль, чем жажда! Веревка глубоко, до крови врезалась мне в тело, но я двигался, не обращая на это внимания, и наконец дотянулся до драгоценности.

К несчастью, кандалы не позволяли мне раздвинуть ноги, чтобы обхватить ими кувшин, а когда я разводил носки, я не мог дотянуться до него. Безнадёжно!

Оставалось только лежать навзничь и глядеть в небо. Машинально нацупав пистолет, я вынул его и залюбовался изящной вещицей. Потом приставил его блестящее дуло к виску: стоит шевельнуть пальцем – и с жаждой покончено навсегда. Но тут меня осенила новая мысль. Перевернувшись на живот, я дважды выстрелил по веревке. Она обуглилась. Лихорадочно работая руками и зубами, я оборвал ее и в безумной радости, забыв про кандалы, вскочил на ноги, но тут же упал. Когда я дополз до кувшина и заглянул внутрь, там что-то блеснуло. Может быть, вода, а может быть... Но мне было не до сомнений. Первый же прохладный глоток показался мне вкуснее волшебного нектара. Усилия всегда вознаграждаются: я наконец понял эту простейшую заповедь.

Воды было совсем немного, и я не оставил ни капли.

Обняв своего спасителя – кувшин, – я размечтался о том, что обязательно захвачу его с собой, когда полечу обратно на Землю. Но тут же помрачнел: увы, надежды нет... Долго я сидел не шевелясь, глядя в горлышко кувшина. Надо мной с отрывистыми криками пролетела стая птиц. Я очнулся, поднял голову и увидел розовую полоску зари. Серое небо сделалось как будто выше и яснее, стены тоже украсились розовой каймой. «Скоро стемнеет, – подумал я. – Что же

делать?»

Все действия, которые были бы уместны на Земле, здесь не подходили. Я не знал своего противника и не представлял, как с ним бороться. Даже Робинзон, наверное, не испытывал ничего подобного: он был свободен, а мне предстояло освободиться из лап людей с кошачьими мордами, о которых доселе никто ничего не знал.

Но что же все-таки делать?

Прежде всего хорошо бы снять кандалы. До этого я не рассматривал их, думал, что они железные, но теперь выяснил, что они свинцового цвета. Вот почему мучители не отобрали у меня пистолет: на Марсе, должно быть, нет железа, и из чрезмерной осторожности люди-кошки не решились дотронуться до незнакомого вещества. На ощупь кандалы были твердыми. Я попробовал сломать их – не поддаются. Из чего же они сделаны? К острому желанию спастись добавилось любопытство. Я постучал по кандалам дулом пистолета, они зазвенели, но не как железо. Может, это серебро или свинец? Все, что мягче железа, я перепилю – стоит только разбить кувшин и выбрать поострее осколок (я уже забыл о своем намерении привезти каменный кувшин на Землю). Но грохнуть кувшин о стену я не решался, боясь привлечь сторожей. Нет, они не услышат: ведь я только что стрелял из пистолета, и никто не появился. Осмелев, я отбил от кувшина тонкую острую пластинку и принялся за работу.

Конечно, даже железную балку можно упорным трудом сточить в иглу для вышивания, но тут дело было еще сложнее. Опыт по большей части дитя ошибки, а мне оставалось только заблуждаться, потому что мой земной опыт здесь ничего не значил. Хотя я пилил очень долго, на кандалах не появилось даже царапины, как будто я пытался камнем сточить алмаз.

Я ощупал свои лохмотья, туфли, даже волосы, надеясь найти хоть что-нибудь способное мне помочь. Неожиданно я обнаружил в часовом карманчике бренок спичечный коробок в металлическом футлярчике. Я не курю и обычно не ношу с собой спичек. Этот коробок мне сунул за неимением другого подарка один знакомый перед отлетом. «Надеюсь, что спички не перегрузят межпланетный корабль!» – пошутил он тогда.

Играя коробком, я предавался пустяковым, но приятным воспоминаниям. Стемнело. Я чиркнул спичкой, потом зажег вторую. Машинально, дурачества ради, поднес ее к своим кандалам, и вдруг – пшш! – от них осталась лишь горстка белого пепла, а все вокруг наполнилось зловонием.

Оказывается, эти кошки знакомы с химией. Вот уж не ожидал!

Когда все потеряно, в избавлении от кандалов мало проку, но теперь я хоть не должен стеречь этот кошачий колодец. Спрятав пистолет и спички, я ухватился за висящий конец веревки и полез на стену. Кругом царила серая мгла, какая бывает скорее в парильне, чем на открытом воздухе. Перевалившись через край, я спрыгнул на землю. Куда же идти? Храбрости у меня сильно поубавилось. Ни домов, ни огонька, ни звука. Вдалеке (а может быть, невдалеке – я не мог определить расстояние) темнело что-то вроде леса. Не пойти ли туда? Но кто знает, какие звери меня там ожидают!

Я посмотрел на звезды: сквозь серое, чуть розоватое небо виднелось лишь несколько самых крупных звезд. Меня снова начала мучить жажда, на этот раз вместе с голодом. Ночная охота, да еще на неведомых зверей и птиц, занятие не для меня. Хорошо еще, что не холодно; наверное, здесь можно и днем и ночью ходить голым. Я сел, прислонившись к стенке своей бывшей тюрьмы, и уставился на звезды, стараясь ни о чем не думать. Самые обычные мысли могли сейчас вызвать у меня слезы. Одиночество еще страшнее, чем боль.

Глаза слипались, но заснуть было бы слишком опасно. Поклевав некоторое время носом, я вдруг вздрогнул и широко открыл глаза: мне показалось, будто впереди мелькнула человеческая тень. «Наверное, это галлюцинация!» – выругал я себя и закрыл глаза. Но едва я снова открыл их, как впереди опять мелькнула тень. У меня волосы встали дыбом: ловить на Марсе призраков не входило в мои намерения. Я твердо решил бодрствовать.

Долгое время ничто не появлялось. Тогда я нарочно сощурился, оставив между ресницами крохотную щелку. Тень тотчас появилась!

Теперь я уже не боялся ее. Совершенно ясно, что это не призрак, а существо с кошачьей мордой. Оказывается, у него такое острое зрение, что оно даже издали видит, закрыты ли у меня глаза. Я радостно сдержал дыхание и стал ждать. Если оно кинется на меня, я с ним расправлюсь! Неизвестно почему, но я считал себя сильнее человека-кошки. Может быть, потому, что у меня пистолет? Смешно!

Время здесь не имело никакой цены. Мне показалось, что прошло несколько веков, прежде чем незнакомец приблизился. На каждый шаг он тратил по четверти часа, а может быть, по часу; в каждом шаге чувствовалась осторожность, накопленная поколениями. Ступит сначала правой, затем левой ногой, согнется, тихо выпрямится, оглянется, подастся назад, неслышно, как снежинка, ляжет на землю, поползет, снова выгнет спину... Наверное, так котенок ночью учится ловить мышей.

Если бы я шевельнулся или открыл глаза, он, без сомнения, тотчас бы отпрянул. Но я не двигался, внимательно следя за ним сощуренными глазами.

Я чувствовал, что он вовсе не желает мне зла, а, наоборот, боится меня.

В руках у него ничего не было, к тому же он пришел один. Как мне дать ему понять, что я совсем не собираюсь нападать на него? Пожалуй, лучший способ – не двигаться, тогда он по крайней мере не убежит.

Человек-кошка приблизился ко мне вплотную, я уже чувствовал его горячее дыхание. Отклонившись в сторону, словно спринтер, готовый принять эстафетную палочку, он дважды махнул лапой перед моим лицом. Я еле заметно кивнул головой. Он быстро убрал лапу, но остался на месте. Я снова кивнул, затем медленно поднял руки и показал ему пустые ладони. Он как будто понял этот язык жестов, тоже кивнул головой и выпрямился. Я поманил его пальцем. Он снова кивнул, давая понять, что бежать не собирается. Так продолжалось примерно с

полчаса, после чего я наконец привстал.

Если никчемную трату времени можно назвать работой, то люди-кошки – самые трудолюбивые существа на свете. Битый час мы с ним обменивались жестами, кивали головами, шамкали губами, пофыркивали носами – словом, двигали буквально каждым мускулом тела, подтверждая, что не хотим причинить друг другу вреда. Разумеется, мы могли провести за этим занятием еще час, а скорее всего целую неделю, если бы вдалеке не появилась новая тень. Мой приятель первым заметил ее, отпрянул в сторону и призывно махнул лапкой. Я побежал за ним. От голода и жажды у меня рябило в глазах, но я чувствовал, что если нас настигнут, то мне и моему спутнику несдобровать. Я не хотел терять нового знакомца: он будет прекрасным помощником в моих скитаниях на Марсе.

Люди-кошки наверняка гнались за нами, потому что мой проводник прибавил шагу. Сердце мое было готово выпрыгнуть – сзади раздался пронзительный вой. Видимо, люди-кошки расsvирепели, если решились подать голос. Еще шаг – и я упаду от изнеможения или у меня горлом пойдет кровь...

Собрав последние силы, я выхватил пистолет и наугад выстрелил. Сам я даже не слышал звука выстрела, потому что тут же лишился чувств.

Очнулся я в какой-то комнате. Серое небо, красный свет... Земля... Межпланетный корабль... Лужа крови, веревка... Я снова закрыл глаза.

Только спустя некоторое время новый приятель рассказал, что втащил меня, как дохлую собаку, к себе домой. Почва на Марсе такая мягкая и нежная, что при падении я даже не наставил себе синяков. А наши преследователи, напуганные моим выстрелом, наверное, бежали три дня без оглядки. Маленький пистолет с какими-нибудь двенадцатью патронами прославил меня на весь Марс.

Я спал без просыпу и, наверное, заснул бы вечным сном, если бы не мухи. Впрочем, я не знаю, что это за насекомые. Они больше похожи на маленьких зеленых бабочек, такие прелестные мотыльки, но еще несноснее наших мух. Их на Марсе ужасно много – тряхнешь рукой, и с нее сразу слетает целая стайка живых зеленых лепестков.

Тело затекло, потому что я всю ночь проспал на земле: люди-кошки не знают кроватей. Одной рукой отгоняя мух, а другой почесываясь, я оглядел хижину. Собственно, смотреть в ней было не на что. Я надеялся найти таз для умывания, но безуспешно. Раз не оказалось вещей, пришлось смотреть на стены и потолок. Они были из глины, без каких-либо украшений. Воздух в хижине отдавал затхлостью. Лишь в одной из стен имелось отверстие аршина в три высотой, которое служило и дверью, и окном одновременно.

Пистолет был по-прежнему при мне, это прекрасно. Хорошенько спрятав его, я вылез через отверстие и тут понял, что окна были бы бесполезны: хижина находилась в лесу – наверное, том самом, который я видел вчера вечером. Листья на деревьях росли так густо, что через них не пробился бы и самый яркий солнечный свет, а здесь он к тому же рассеивался в сером неподвижном воздухе.

Я оглянулся по сторонам, но вокруг меня были толь ко густые листья, сырость и вонь.

Впрочем, нет! Под одним из деревьев сидел человек-кошка. Он, конечно, давно видел меня, но, поймав мой взгляд, бросился на дерево и исчез в листве. Это меня разозлило. Разве так принимают гостей: ни еды, ни питья, только ночлег в вонючей хижине! Решив не церемониться, я полез за хозяином на дерево и, ухватившись за ветку, стал ее раскачивать. Человек-кошка жалобно пискнул и остановился. Убежать ему было некуда, и он с прижатыми, как у побитого кота, ушами начал медленно спускаться.

Я ткнул пальцем себе в рот, вытянул шею и несколько раз шевельнул губами, объясняя, что хочу есть и пить. В ответ он показал на дерево. «Может, он советует мне поесть плодов?» – сообразил я, мудро предположив, что люди-кошки не едят риса. Но плодов на ветках не было. Между тем человек-кошка взобрался на дерево, бережно сорвал несколько листьев, взял их в зубы и вновь спустился, показывая то на меня, то на листья.

Когда он увидел, что эта скотская пища меня ничуть не привлекает, его лицо исказилось – вероятно, от ярости. Почему он злился, я, конечно, понять не мог, а он не мог понять, чем недоволен я.

Наконец я решил взять листья, но пусть он сам протянет их мне. Он снова, казалось, ничего не понял. Мой гнев сменился сомнением: а может быть, передо мной женщина? Может быть, на Марсе мужчины и женщины тоже общаются, не приближаясь друг к другу? ^[1] Или – страшно вымолвить – это правило здесь распространено на общение между всеми людьми (через несколько дней выяснилось, что моя догадка была верна)? Ладно, не стоит ссориться с тем, кого не понимаешь. Я подобрал листья и обтер их рукой – по привычке, потому что руки у меня были грязные и кровоточили. Потом откусил кусочек листа и поразился его приятному запаху и сочности. Из рта у меня закапал сок, и человек-кошка дернулся, словно желая подхватить капли. «Видно, эти листья очень дороги, – подумал я. – Но почему он так трясется над одним листом, когда вокруг целый лес? Впрочем, здесь все странно!»

Съев один за другим два листа, я ощутил легкое головокружение. Душистый сок как бы растекся по всему телу, наполняя его приятной истомой. Потянуло спать, и все-таки я не заснул, потому что в этом озере дурмана таилась капля возбуждающего, как при легком опьянении. У

меня в руке был еще один лист, но я не мог поднять руку. Смеясь над собой (не знаю, отразился ли этот смех на моем лице), я прислонился к дереву, закрыл глаза и покачал головой. Вмиг чувство опьянения прошло, теперь уже все мое тело, каждая пора смеялась. Голода в жажды как не бывало, мыться больше не хотелось: грязь, пот и кровь ничуть меня больше не тяготили.

Лес, как мне показалось, посветлел, серый воздух стал не холодным в не душным, а таким, что лучше и не надо; зеленые деревья приобрели какую-то мягкую поэтическую прелесть. Промозглая вонь сменилась крепким сладковатым ароматом, словно от перезрелой дыни. Нет, это была не нега, а восхитительное опьянение. Два листа влили в меня неведомую силу, и в сером воздухе Марса я теперь чувствовал себя точно рыба в воде.

Я присел на корточки, хотя раньше не любил так сидеть, и начал внимательно разглядывать своего кормильца. Обида на него прошла; теперь он стал мне симпатичен.

Человек-кошка оказался не просто большой кошкой, которая ходит на задних лапах и одевается. Одежды на нем как раз не было. Я засмеялся и тоже снял с себя рубаху и туфли: если не холодно, зачем таскать на себе всякую рвань? Но брюки я оставил – не из стыдливости и не ради пистолета (его я мог носить прямо на ремне), а потому, что без карманов мог потерять спички. Вдруг люди-кошки снова попробуют надеть на меня кандалы?

Итак, у него было длинное тонкое туловище и короткие конечности с короткими пальцами (не удивительно, что люди-кошки быстро бегают, но медленно работают; я вспомнил, как долго они связывали меня). Шея нормальная, но очень подвижная: голова могла поворачиваться почти за спину. Лицо большое, глаза круглые, очень низко посаженные, над ними широкий лоб, поросший такой же короткой шерстью, что и макушка. Нос и рот слиты вместе, но не так красиво, как у кошки, а грубо, как у свиньи. Уши маленькие и торчат очень высоко. Туловище округлое, покрыто тонкой и блестящей шерстью серого цвета, который издали отливает зеленым, словно птичье оперение. На животе восемь черных точек – сосков. Каково внутреннее строение людей-кошек, я не знаю до сих пор.

Движения моего нового знакомца казались замедленными, но на самом деле были очень проворны, так что я ни разу не смог заранее догадаться о его намерениях. Единственное, что я наверняка определил в нем, – крайнюю подозрительность. Его руки и ноги не бездействовали ни минуты, причем ногами он двигал так же проворно, как руками. Чаще всего он пользовался осязанием: здесь пощупает, там потрет или просто прикоснется. Словом, он был похож на суеющегося муравья.

Зачем он привел меня сюда да еще накормил листьями? Мне очень хотелось поговорить с ним, но как? Ведь языка-то я не знаю.

Месяца через три я уже говорил по-кошачьи. Малайский язык можно изучить за полгода, а кошачий еще быстрее. В нем всего четыреста-пятьсот слов, и, употребляя их так или эдак, можно сказать что угодно. Конечно, многие понятия и мысли выразить столь скудным запасом слов невозможно, но люди-кошки придумали на этот случай прекрасный способ – вовсе не говорить. Прилагательных и наречий очень мало, с существительными тоже небогато. Например, все, что связано с дурманным деревом, ограничивается следующими понятиями: большое дурманное дерево, маленькое дурманное дерево, круглое дурманное дерево, тонкое дурманное дерево, заморское дурманное дерево, большое заморское дурманное дерево, хотя в действительности это совершенно различные растения. Местоимения не очень употребительны, ибо существительные предпочитают не заменять. Так иногда говорят дети. Запомнишь несколько существительных – и объясняйся, а глаголы можешь выражать жестами. Есть у них и письменность: смешные значки, похожие на маленькие башенки или пагоды, но их очень трудно изучить. Обычные люди-кошки знают от силы два десятка таких значков.

Большой Скорпион – так звали моего нового друга – помнил очень много башенок и даже умел слагать стихи. Поставишь в ряд несколько красивых слов без всякой мысли – и получается кошачье стихотворение: драгоценный лист, драгоценный цветок, драгоценная гора, драгоценная кошка, драгоценный живот... Так звучало стихотворение Большого Скорпиона «Чувства, возникшие при чтении истории». У людей-кошек была своя история и двадцатитысячелетняя цивилизация.

Научившись разговаривать, я понял все. Большой Скорпион был важной персоной в Кошачьем государстве: крупным помещиком и в то же время политическим деятелем, поэтом и военным. Крупным помещиком он считался потому, что владел целой рощей дурманных деревьев. Дурманные листья являются самой изысканной пищей людей-кошек, а это, в свою очередь, тесно связано с историей дурманных листьев. Вытащив для доказательства несколько исторических скрижалей (вместо книг у людей-кошек употребляются каменные плиты длиной в два аршина и толщиной в полвершка, на каждой из которых вырезано десятка полтора очень сложных знаков), он сказал, что пятьсот лет назад они еще кормились земледелием и дурманные листья завез в Кошачье государство какой-то иностранец. Сначала их могли есть только высокопоставленные лица, а потом листьев стали ввозить больше и к ним пристрастились все. Не прошло и пятидесяти лет, как граждане, не употреблявшие их, стали исключением. Есть дурманные листья очень приятно и выгодно, после них разыгрывается воображение, но руки и ноги перестают двигаться. Поэтому землепашцы вскоре забросили свою землю, а ремесленники свои ремесла. Видя, что все предаются безделью, правительство издало указ, запрещающий есть дурманные листья. Однако в первый же день после запрета императрица от тоски дала императору три пощечины (Большой Скорпион продемонстрировал мне очередную историческую скрижаль), отчего император заплакал горячими слезами. Поэтому к вечеру того же дня вышел новый указ: считать дурманные листья «государственной пищей». Большой Скорпион сказал, что во всей кошачьей истории не было более славного и милосердного деяния.

После возведения дурманных листьев в ранг государственной пищи кошачья цивилизация стала развиваться во много раз быстрее, чем прежде: дурманные листья отбили охоту к физическому труду, что позволило сконцентрировать энергию на духовной деятельности. Особенно прогрессировали поэзия и искусство: за последние четыреста лет кошачьи поэты ввели в поэтический язык множество новых словосочетаний, не употреблявшихся за всю

предшествующую двадцатитысячелетнюю историю, например, такое, как «драгоценный живот».

Но это не значит, разумеется, что в обществе не возникали известные разногласия. Триста лет назад дурманные листья выращивались повсюду, но чем больше люди ели их, тем ленивее становились. В конце концов некому даже стало сажать дурманные деревья. И тут вдруг случилось грандиозное наводнение (Большой Скорпион немного побледнел, когда сказал мне это: оказывается, люди-кошки больше всего на свете боятся воды). Наводнение унесло множество дурманных деревьев. Без чего-нибудь другого жители еще могли обойтись, но без дурманных листьев они не могли предаваться праздности и лени, поэтому всюду начался разбой. Судебных дел стало так много, что правительство издало еще один в высшей степени гуманный указ: не считать кражу дурманных листьев преступлением. Последние триста лет были периодом разбоя, но это совсем неплохо, так как разбой свидетельствует о свободе личности, а свобода всегда была высшим идеалом людей-кошек. (Примечание. Слово «свобода» в кошачьем языке не совпадает по своему значению с аналогичным китайским словом. Люди-кошки называют свободой насилие над другими, отказ от совместной деятельности, произвол... Отсюда разобщенными оказываются не только мужчины и женщины, но и все люди. Свободный человек не позволяет окружающим касаться его. Встретившись, люди-кошки выражают почтение друг другу не рукопожатием или поцелуем, а отворачиваясь друг от друга.)

– Тогда почему же вы продолжаете сажать деревья? – спросил я. На правильном кошачьем языке эту фразу следовало произнести так: повернуть голову налево (означает «тогда»), ткнуть пальцем в собеседника («вы»), дважды сверкнуть белками глаз («почему») и дважды повторить слово «дерево» (в первом случае оно выступает в роли глагола). Слово «продолжаете» опускается за ненадобностью.

Большой Скорпион закрыл рот. Рот у людей-кошек постоянно открыт, и когда его на время закрывают, это означает удовлетворение или глубокое раздумье. Он ответил, что сейчас дурманные деревья сажают лишь несколько десятков человек, исключительно сильные мира сего: политические деятели, военные и поэты, которые одновременно являются помещиками. Они не могут не сажать дурманных деревьев, так как иначе потеряют всю свою власть. Для политических деятелей дурманные листья – единственный способ увидеть императора. Военные используют их как армейский провиант, а поэтам они дают возможность грезить среди бела дня. В общем, дурманные листья всемогущи, благодаря им можно всю жизнь бесчинствовать. Слово «бесчинствовать» в устах высокопоставленных людей-кошек – самое изысканное понятие.

Охрана дурманных рощ – основная функция Большого Скорпиона и других помещиков. На свою армию они не могут положиться, потому что кошачьи солдаты, как приверженцы истинной свободы, могут только поедать дурманные листья и не понимают, что значит повиноваться приказу. Солдаты часто грабят собственных хозяев – с точки зрения людей-кошек (во всяком случае Большой Скорпион думал именно так), это вполне логично. Кто же охраняет дурманные леса? Иностранцы. Каждый помещик вынужден содержать несколько иностранных наемников. Страх перед иностранцами – одна из исконных особенностей кошачьей природы. Любовь к так называемой «свободе» не позволяет кошачьим солдатам прожить хотя бы три дня без убийства, а война с иностранцами для них вещь совершенно невозможная. Большой Скорпион прибавил с удовлетворением, что стремление к взаимной резне в Кошачьем государстве день ото дня возрастает, и методы убийства стали почти столь же утонченными, как законы стихосложения.

– Убийство стало своего рода искусством! – поддакнул я. В кошачьем языке не было слова «искусство», из моих долгих объяснений он ничего не понял, однако все-таки запомнил китайское слово.

В древности люди-кошки воевали с иностранцами и даже побеждали, но за последние пятьсот лет вследствие междоусобиц совершенно позабыли об этом, обратили все усилия на

внутренние раздоры и стали очень бояться иностранцев. Без иностранной поддержки их император не получил бы к своему столу ни одного дурманного листа.

Три года назад в Кошачье государство уже прилетал один воздушный корабль. Откуда – жители не знали, но запомнили, что на свете существуют большие птицы без перьев.

Когда прилетел наш корабль, люди-кошки поняли, что прибыли иностранцы, но были уверены, что я тоже марсианин: они не могли представить, что, кроме Марса, существуют другие планеты.

Большой Скорпион с другими помещиками тотчас побежал к месту приземления, чтобы добыть иностранцев для охраны своих дурманных рощ. Все прежние иностранные охранники почему-то вернулись к себе на родину, и нужно было срочно вербовать новых.

Помещики условились передавать меня друг другу по очереди, так как в последнее время нанять иностранца было очень нелегко. Увидев, что физиономия у меня отнюдь не кошачья, они страшно перепугались, но затем распознали мою наивность и решили не приглашать меня на службу, а просто схватить. Как истые граждане Кошачьего государства, они были очень хитры и иной раз способны на риск. Сейчас я понимаю, что, если бы я первым применил силу, они бы тотчас разбежались, но ни в коем случае не отказались от своей затеи. К тому же я не сумел бы найти себе пищу. В общем, я доволен, что тогда не выстрелил. Но, с другой стороны, схватив меня, они утратили ко мне уважение. Теперь можно было не говорить со мной ни о каких условиях, достаточно давать немного еды. Изменились и намерения союзников: вскоре из общественной собственности я превратился в частную. Большой Скорпион был необычайно горд своим успехом, так как измена клятве входит в их понимание свободы.

Они посадили меня закованным в лодку, а сами, страшась воды, побежали к хижине-колодцу по берегу. Если бы лодка перевернулась, виною было бы, разумеется, лишь мое собственное невезение. Лодка должна была сама уткнуться в отмель, недалеко от которой стояла хижина-колодец.

Водворив меня в хижину, они разошлись по домам есть дурманные листья. Носить подобную ценность с собой чрезвычайно опасно, поэтому они предпочитали есть дома.

Роща Большого Скорпиона находилась ближе других от моей импровизированной тюрьмы, но и он отправился за мной не сразу: после дурманных листьев необходимо немного поспать. Большой Скорпион думал, что его соперники придут не скоро, их появление было для него полной неожиданностью. «Хорошо, что это „искусство“ помогло!» – произнес он, восхищенно указывая на мой пистолет. Теперь он всякий незнакомый предмет называл искусством.

Я спросил, из чего были сделаны кандалы. Он пожал плечами и сказал, что их привезли из-за границы.

– За границей есть много полезных вещей, но нам ни к чему подражать им. Ведь наше государство самое древнее! – Большой Скорпион на секунду удовлетворенно закрыл рот. – Впрочем, когда отправляешься в путь, наручниками и кандалами запастись не мешает.

Я не понял, подсмеивается он надо мной или говорит серьезно. Сейчас меня интересовало, где он провел эту ночь, потому что в лесу не видно было других хижин. Не желая отвечать на мой вопрос, он попросил у меня какое-нибудь «искусство», чтобы показать императору. Я дал ему спичку, решив, что в «свободном» обществе каждый должен иметь какую-нибудь тайну, и спросил только, есть ли у него семья.

Он кивнул головой.

– Вот соберем дурманные листья и поедим ко мне домой.

– А где твой дом?

– В столице. Там живут император и много иностранцев. Ты сможешь увидеть своих друзей.

– Я прилетел с Земли и никого на Марсе не знаю.

– Все равно ты иностранец, а иностранцы всегда дружат.

Продолжать объяснения было бесполезно. Лучше дождаться, когда будет закончен сбор дурманных листьев, и поскорее отправиться в путь, чтобы собственными глазами взглянуть на Кошачий город.

Я считал, что никогда не смогу подружиться с Большим Скорпионом, а он, вероятно, искренне желал дружбы, но его искренность, как у всех людей-кошек, была весьма ограничена. Он дружил только с теми, кого собирался использовать в своих интересах. В течение трех или четырех месяцев меня ни на минуту не оставляло желание похоронить останки погибшего друга, однако Большой Скорпион всячески препятствовал мне. Он воображал, будто охрана дурманных деревьев – единственная цель, ради которой я прилетел на Марс. О дружеском долге люди-кошки вообще, наверное, не имели понятия. Большой Скорпион все время твердил мне: «Ведь твой приятель умер, зачем же смотреть на него?» Он скрывал от меня, в какой стороне то место, где упал корабль, и все время следил за мной. Я потихоньку искал дорогу, думая, что стоит пойти по берегу реки, как я найду обломки корабля, но каждый раз, когда я выходил из дурманной рощи, передо мной откуда ни возьмись появлялся Большой Скорпион. Он никогда не пытался принудить меня вернуться, а умел растрогать своими жалобами и причитаниями, словно слезливая вдова. Я понимал, что в душе он смеется надо мной, считает меня дураком, но ничего не мог с собой поделать. В дурманной роще, кроме меня, жили еще какие-то существа, которым он запрещал встречаться со мной. Едва я замечал их вдали и направлялся к ним, как они тут же исчезали – наверняка по приказу Большого Скорпиона.

Дурманные листья я решил больше не есть.

– Их нельзя не есть, – с мягкой настойчивостью убеждал меня Большой Скорпион. – Без них горло пересохнет, а вода далеко. Нужно мыться, купаться – сколько хлопот! Мы уж на себе испытали: их невозможно не есть. Другая пища очень дорога, но дело не в цене. Главное, что она невкусная, а иногда даже ядовитая. Если не есть дурманных листьев, можно умереть!..

Тут он начинал размазывать по лицу слезы, но я знал, что это его обычный трюк, и не поддавался. Если я буду есть дурманные листья, то стану таким же, как люди-кошки, а этого Большой Скорпион и хочет! Хватит, я и без того слишком простодушен. Я должен снова вернуться к человеческой жизни: есть, пить и мыться как люди, а не превращаться в полумертвого ленивца. Я скорее согласен прожить две недели, но разумно и полноценно, чем двадцать тысяч лет прозябать в дурмане. Все это я высказал Большому Скорпиону, но он, конечно, ничего не понял и наверняка счел меня безмозглым идиотом. Как бы то ни было, а я принял решение.

После трехдневных препирательств мне пришлось взяться за пистолет. Правда, я еще не забыл о чести и справедливости, положил пистолет рядом и сказал Большому Скорпиону:

– Если ты будешь заставлять меня есть дурманные листья, я тебя убью. Решай!

Большой Скорпион отскочил в сторону, даже не попытавшись отнять у меня пистолет. Огнестрельное оружие в его лапах было бы не опаснее соломинки. Ему нужен был не мой пистолет, а я сам.

Наконец он предложил компромисс: каждое утро я должен съесть по одному дурманному листу.

– Один листочек, всего одну крохотную драгоценность, чтобы не отравиться воздухом!

Я убрал пистолет, и мы сели друг против друга. Он обещал давать мне еду, но считал, что с питьем будет трудно: придется носить воду кувшином с реки.

– Зачем каждый день так далеко бегать, да еще таскать кувшин? Это неумно. Не лучше ли без всяких забот есть дурманные листья? Что за чудак, не понимает своего счастья! – рассуждал Большой Скорпион, однако настаивать не посмел, а лишь заявил, что должен ходить вместе со

мной. Конечно, он боялся, как бы я не убежал. Но ведь я могу убежать и при нем, если захочу. Услышав это, он закрыл рот на целых десять минут, так что я даже испугался, не помирает ли он от страха.

– Тебе незачем ходить со мной, клянусь, что я не убегу! – утешил я его.

Он тихо покачал головой:

– Клянутся только дети.

Рассерженный такой беспардонностью, я схватил Большого Скорпиона за волосы, в первый раз применив силу. Он никак не ожидал этого. Пожертвовав несколькими волосками, а может быть, и клочком шкуры, он отбежал на почтительное расстояние и объяснил мне, что прежде среди людей-кошек были распространены клятвы, однако за последние пятьсот лет их давали так часто, что теперь произносят только в шутку. Эта реформа является очевидным прогрессом. Доверие вещь неплохая, но с практической точки зрения не очень удобная. Дети любят давать клятвы именно потому, что их вовсе не обязательно соблюдать. Все это Большой Скорпион говорил печально, потирая общипанное место.

Устыдившись своей вспыльчивости, я позволил ему ходить со мной и получил в награду вкусный ужин. Люди-кошки готовят отлично, жаль только, что в их кушанья попадает слишком много мух. Я сплел из травы крышку и велел повару накрывать еду. Кошачий повар нашел это странным, даже смешным, но, получив приказ Большого Скорпиона, не посмел со мной спорить.

Нечистоплотность люди-кошки возвели в одну из самых славных своих традиций, поэтому повар все же продолжал хитрить со мной. Каждый раз, когда на еде не было крышки, мне приходилось жаловаться Большому Скорпиону. Но однажды мне вовсе не принесли еды, а на следующий день подали тарелку, покрытую вместо крышки толстым слоем мух. Оказывается, Большой Скорпион и его слуга стали презирать меня за слабость. Рукоприкладство считается привилегией высокопоставленных людей-кошек, и подчиненные принимают побои как должное. Что же делать? Пускать в ход руки мне не хотелось: я считал себя гуманным человеком и всегда гордился этим. Но, увы, я рисковал лишиться не только еды, но и безопасности. Ничего не поделаешь, пришлось и у повара выдрать клочок шкуры. С тех пор крышка уже не лежала без дела. Да, здесь трудно сохранить человеческое достоинство...

Моим главным удовольствием на Марсе было утреннее купанье. Я вставал еще до рассвета и выходил на речную отмель неподалеку от дурманной рощи. Короткая прогулка успевала лишь освежить меня; я стоял по щиколотку в воде и ждал восхода. Утренний пейзаж был удивительно спокоен и красив. На небе, еще не подернутом туманом, виднелись крупные звезды, кругом ни звука – только тихое журчанье воды по песку. Солнце поднималось, и я входил в реку. Здесь было мелко, нужно было сделать по отмели шагов двести, чтобы вода дошла до груди. Вволю поплавав, я выходил из воды и обсыхал на солнце. Рваные штаны, пистолет, спичечная коробка – все лежало на большом камне. Я стоял голый, без забот и печалей, и чувствовал себя самым свободным человеком в этом сером мире. Но вот солнце начинало пригревать, над рекой поднимался туман, и мне становилось немного душно. Все-таки Большой Скорпион не лгал, говоря, что здесь можно отравиться воздухом. Пора было возвращаться и есть свой дурманный лист.

К сожалению, мои купанья продолжались недолго – по вине того же Большого Скорпиона. Примерно через неделю, едва ступив на отмель, я увидел вдалеке снующие тени. Я не обратил на них внимания и продолжал любоваться восходом. Восток медленно розовел, рассеянные облака превращались в багровые цветы, звезды пропали. Затем облака вытянулись цепочкой, став темно-оранжевыми, с серебристо-белыми краями там, где они смыкались с серым небом. На оранжевом фоне выступили темные пятна, словно окаймленные золотыми нитями. Из них, неуверенно дрожа, выпрыгнул кроваво-красный, не очень круглый диск, превративший облака в

сверкающую чешую. Река посветлела и залилась золотым блеском. Облака становились все тоньше, а вскоре совсем исчезли, сменившись легкой розовой пеленой. Солнце поднялось. Теперь уже все небо приобрело серебристо-серый оттенок, в некоторых местах даже голубой.

Я смотрел на это как зачарованный, а когда наконец обернулся, увидел на берегу, всего в каких-нибудь десяти сажнях, толпу людей-кошек. «Наверное, они заняты чем-то своим», – подумал я и решил продолжать купанье. Но едва я зашел поглубже, как толпа передвинулась к отмели. Когда я бросился в воду, на берегу поднялся пронзительный вой. Я несколько раз окунулся и вышел на отмель; вопящая толпа попятилась. Я понял, что людей-кошек привлекло сюда мое купанье.

«Пусть себе глазают, – подумал я. – Ведь их интересует не мое тело – они сами ходят голыми, – а как я плаваю. Может быть, поплескаться еще немного, чтобы расширить их кругозор?» Но тут я увидел Большого Скорпиона, который стоял впереди всех, почти у самой воды. Видимо, желая показать, что он не боится меня, он скакнул еще ближе и сделал лапой знак, чтобы я прыгнул в воду. Четырехмесячный опыт подсказал мне, что, если я ему подчинюсь, он совсем заважничает. Этого я уже не мог стерпеть: всю жизнь не любил, чтобы мною помыкали. Я вышел на отмель, достал пистолет и прицелился в него.

Я еще никогда не видел, чтобы Большой Скорпион так смеялся. Чем больше я свирепел, тем сильнее он корчился от хохота, как будто смех у людей-кошек был главным средством избежать расправы. Я спросил, зачем он собрал толпу. Он не отвечал и по-прежнему хохотал. Мне было противно связываться с ним, поэтому я предупредил, что ему несдобровать, если он еще раз устроит что-либо подобное.

На следующее утро, еще не дойдя до отмели, я вновь увидел снующие тени; их было больше, чем вчера. Надо выкупаться, чтобы понять, в чем же все-таки дело, а с Большим Скорпионом рассчитаюсь потом! Я зашел в воду и, делая вид, будто моюсь, начал следить за толпой. Позади Большого Скорпиона стоял человек-кошка с большой охапкой листьев, которая доходила ему до самого подбородка. По знаку Большого Скорпиона слуга пошел вдоль толпы, и охапка листьев в его лапах стала постепенно уменьшаться. Тут мне стало ясно, что Большой Скорпион пользуется случаем, чтобы торговать дурманными листьями, причем наверняка по повышенной цене.

Я люблю посмеяться, но тут мне было не до смеха. Люди-кошки очень боялись меня, иностранца; значит, всю эту комедию затеял Большой Скорпион. Следовало проучить его, иначе я никогда уже не смогу наслаждаться утренним купаньем. Конечно, если бы люди-кошки захотели поплавать вместе со мной, я не имел бы ничего против, река принадлежит не мне одному. Но когда один купается, а сотни глазеют да еще занимаются куплей-продажей – это мерзко!

Я хотел схватить не Большого Скорпиона (он вряд ли сказал бы мне правду), а одного из зевак, чтобы узнать, в чем же все-таки дело. Поэтому я стал медленно пятиться задом, намереваясь незаметно выйти на берег и помчаться к ним.

Но едва я побежал, как раздался дикий вопль – противнее визга свиньи, которую режут. Землетрясение не произвело бы большей паники, чем моя неожиданная атака. Люди-кошки мчались сломя голову, давя друг друга, падая, снова вскакивая... Берег в одно мгновение опустел, лишь кое-где валялись раненые, которые уже не могли бежать. Я поднял одного из них: глаза закрыты, дыхания нет! Поднял другого – жив, хотя нога сломана. Впоследствии я не раз бранил себя за то, что допрашивал раненого. Если прощать себе все, что сделал, не подумав, люди никогда не станут гуманными.

Заставить полумертвого от страха человека-кошку говорить, да еще говорить с иностранцем, – самое трудное дело на свете. Я понял наконец, что это убьет его, и оставил свои попытки. Двое пострадавших по-прежнему лежали на земле, а остальные быстро ползли в сторону. Я не стал догонять их.

Вот и нарвался на крупную неприятность! Кто знает, что представляют собой кошачьи законы? Правда, я убил этих несчастных не собственными руками, но, говоря откровенно, был всему причиной. Впрочем, пусть эту кашу расхлебывает Большой Скорпион, а пока лучше воспользоваться случаем и сходить к месту крушения корабля. Опомнившись, Большой Скорпион побежит искать меня, вот тут-то я его и прижму. Если он не согласится помочь, я к нему не вернусь. Шантаж? Но с таким лживым и презренным существом невозможно обращаться иначе.

Спрятав пистолет, я с поникшей головой побрел вдоль реки. Солнце палило немилосердно, и я чувствовал, будто мне чего-то не хватает. Проклятые дурманные листья! Без них я не мог противостоять палящему солнцу и ядовитому туману, поднимающемуся с воды.

Кошачьих святых я не знал, поэтому, чтобы скрыть собственную беспомощность, мне

оставалось проклинать только людей-кошек. Я подумал, что дурманные листья легче всего добыть на «поле боя». Конечно, я мог бы сходить в рощу и отломить там целую ветку, но мне было лень шагать так далеко. Поэтому я вернулся на берег, подобрал несколько листьев, брошенных разбежавшимися, пожевал один из них и снова отправился вдоль реки.

Вскоре передо мной показались серые холмы. Я помнил, что корабль упал недалеко от них, хотя и не знал, в какой стороне. Жара стояла невыносимая. Два новых листа не принесли мне облегчения. Кругом ни деревца, отдохнуть все равно негде. Я решил идти до тех пор, пока не найду корабль.

Вдруг сзади послышались крики. Я различил среди них голос Большого Скорпиона, но продолжал идти, не оборачиваясь. Вскоре он догнал меня – бегал он очень быстро. Я хотел схватить его за шиворот и вытряхнуть из него душу, однако рука не поднялась: слишком уж у него был жалкий вид – морда вспухла, на голове и туловище ссадины, шерсть слиплась, словно у водяной крысы. Кто его избил, мне было все равно, но к напуганному и израненному Большому Скорпиону я проникся сочувствием. Он похватал разинутым ртом воздух и наконец выдавил:

– Скорее, дурманную рощу грабят!

Я рассмеялся; моего сочувствия как не бывало. Если бы Большой Скорпион попросил меня защитить его жизнь, я, как истинный китаец, тотчас откликнулся бы. Но кто станет защищать добро помещика? Грабят так грабят, я тут ни при чем.

– Скорее, дурманную рощу грабят! – повторил Большой Скорпион, отчаянно тараща глаза.

– Расскажи мне сначала, зачем ты устроил утреннюю комедию, – потребовал я.

Большой Скорпион задергал шей от ярости и с трудом выдохнул:

– Дурманную рощу грабят!

Он задушил бы меня, если бы посмел. Но я тоже стоял на своем и решил не трогаться с места до тех пор, пока он не скажет мне правды. В конце концов мы пошли на сделку: я отправляюсь за ним, а он объяснит все по дороге.

Оказалось, что глазевшие на меня люди-кошки были представителями высшего общества, которых он пригласил из города. Богачи никогда не встают так рано, но мое купанье было слишком редким событием; кроме того, Большой Скорпион обязался поставить им лучшие дурманные листья. Каждый посетитель платил ему за зрелище десять национальных престижей (основная денежная единица в Кошачьем государстве), а дурманные листья – два прекрасных, сочных листа – давались бесплатно.

«Ну и тип! Выставляет меня напоказ, как свою собственность!» – подумал я, но Большой Скорпион, не дожидаясь, пока я выскажу свое возмущение, уже принялся мягко оправдываться:

– Видишь ли, национальный престиж есть национальный престиж. Когда чужой национальный престиж забираешь в свои руки, это считается очень благородным поступком. Хотя я и не посоветовался с тобой, – Большой Скорпион шел очень быстро, но это не мешало ему изъясняться все мягче и изысканнее, – я знал, что ты не будешь против такого высоконравственного шага. Ты, как всегда, купаешься, я получаю горсточку национальных престижей, зрители расширяют свой кругозор, и никто не остается в убытке. Это очень выгодное дело!

– А кто будет отвечать за умерших?

– Это пустяки! – пыхтя, отвечал Большой Скорпион. – Когда я кого-нибудь убиваю, мне достаточно выложить несколько дурманных листьев. Законы – только знаки, вырезанные на камне, а листья – это все. Никто не станет интересоваться, убил ты кого-нибудь или нет. За тебя даже ни одного дурманного листа платить не придется, потому что наши законы на иностранцев не распространяются. Я жалею, что сам не иностранец. Если ты убьешь кого-нибудь здесь, в деревне, брось его там, где убил, чтобы белохвостые коршуны могли полакомиться, а если в

городе, то зайди в суд и сообщи. Судья тебя очень вежливо поблагодарит.

Большой Скорпион мне завидовал, а я чуть не плакал: «Бедные люди-кошки! Вот и кончена ваша жизнь! Где же справедливость?!»

– Ведь те двое убитых были богатыми людьми. Разве их родственники не захотят тебе отомстить?

– Конечно, захотят. Это они напали на мою рощу. Они давно уже послали шпионов, чтобы следили за каждым твоим шагом. Как только ты отошел от рощи, они сразу же налетели на нее. Идем скорей!

– Неужели человек ценится меньше дурманного листа?

– Мертвые – это мертвые, а живым нужно есть дурманные листья. Идем!

Может быть, я заразился стяжательством от людей-кошек, а может быть, меня надоумила последняя фраза, брошенная Большим Скорпионом, но я вдруг сообразил, что должен потребовать у него национальных престижей. Если в один прекрасный день я покину его – а мы с Большим Скорпионом, наверное, никогда не станем друзьями, – то чем мне кормиться? Я имею право получить долю из денег, заработанных с моей помощью. В других условиях я бы никогда не додумался до этого, но здесь необходимо предусматривать все. Мертвые – это мертвые, а живым нужно есть дурманные листья. Разумно.

Невдалеке от рощи я остановился и спросил:

– А сколько ты заработал за эти дни?

Большой Скорпион оторопел и вытаращил глаза.

– Всего пятьдесят национальных престижей, да еще два из них оказались фальшивыми.

Идем скорее!

Я решительно повернулся и пошел назад. Он догнал меня:

– Сто! Сто!

Поскольку я продолжал идти, он довел цифру до тысячи. Я знал, что самих зевак была почти тысяча, но не хотел торговаться с ним.

– Ладно, дашь мне пятьсот, а иначе прощай.

Большой Скорпион понимал, что каждая минута промедления стоит ему дурманных листьев, и со слезами на глазах согласился.

– А если ты еще когда-нибудь тайком будешь зарабатывать на мне, я сожгу твою рощу! – добавил я, похлопав по спичечному коробку.

Он снова поддакнул.

В роще уже никого не оказалось: наверное, грабители выставили дозорного, который и сообщил им о моем приближении. Два или три десятка деревьев на опушке стояли почти голыми. Большой Скорпион вскрикнул и упал без чувств.

Дурманная роща выглядела очень красиво. Листья были уже больше ладони: толстые, темно-зеленые, с золотисто-красными прожилками. На самых сочных листьях появились разноцветные пятнышки, которые превратили рощу в огромный пестрый цветник. Солнечный свет, пробиваясь сквозь серый воздух, делал листья еще более яркими и привлекательными. Они не слепили глаз, а радовали, словно древняя картина, на которой краски почти не поблекли, но благодаря прошедшим годам утратили ненужную пестроту.

Возле рощи с утра до вечера стояло множество зрителей. Впрочем, нет, не зрителей, потому что глаза у них были блаженно закрыты, а носы втягивали волшебный аромат. Из разинутых ртов текла слюна. Когда задувал ветер, все продолжали стоять неподвижно – вытягивались и поворачивались только их шеи, подобно рожкам улиток. Какой-нибудь созревший лист падал. «Нюхатели» не видели и не слышали его мягкого падения, но, казалось, чуяли носом: они мгновенно открывали глаза, шевелили губами, однако Большой Скорпион всегда опережал жаждущих. Он подкатывался, точно клубок шерсти, и подбирал свою драгоценность. Вокруг раздавались тяжелые вздохи.

Для охраны рощи Большой Скорпион нанял пятьсот солдат, расквартировав их больше чем в километре отсюда, потому что они первыми начали бы грабить рощу. Не приглашать их нельзя, так как охрана дурманных деревьев была самым важным делом в Кошачьем государстве. Все понимали, что солдаты ничего не могут защитить, но отказаться от них значило оскорбить генералов, а Большой Скорпион был гражданином благонамеренным и не хотел, чтобы его в чем-нибудь обвинили. Однако во избежание соблазна он ставил свое войско подальше. Когда ветер дул слишком сильно и притом в сторону солдат, хозяин приказывал им отойти еще на полкилометра. Они ни за что не послушались бы его приказов и восстали, если бы рядом не было меня. Недаром в Кошачьем государстве существует поговорка: «Иностранец чихнет – сто солдат упадет».

Войском Большого Скорпиона командовали двадцать генералов. Эти генералы были мудрыми, справедливыми, верными и надежными, но в любую минуту вполне могли связать хозяина и тоже кинуться грабить рощу. Только благодаря моему присутствию они не грабили, а оставались верными и надежными.

Забот у Большого Скорпиона было хоть отбавляй: шпионить за генералами, следить за направлением ветра, отгонять солдат, присматривать за зеваками. Недавно ему одним духом пришлось съесть тридцать валявшихся листьев, иначе бы они пропали. Говорят, что после сорока листьев можно три дня не спать, но зато на четвертый день отправишься к праотцам. Такая уж это штука, дурманные листья: если съешь мало, чувствуешь себя неплохо, но ничего не хочешь делать; если много съешь, способен горы свернуть, но скоро помрешь. Большой Скорпион был очень труслив, знал, что объедаться листьями нельзя, однако сдержать себя не мог. Бедный Большой Скорпион!

Он урезал мне ужин, потому что при малых порциях можно всю ночь бодрствовать. Ведь я фактически один охранял его рощу – значит, меня нужно морить голодом. Чем выше заслуги человека, тем больше он должен страдать – такова кошачья логика. Но я не стерпел и разбил свою миску. На следующий день меня снова ждал нормальный ужин. Теперь я знал, как следует поступать с людьми-кошками, хотя и испытывал угрызения совести.

Целый день дул ветер. С того дня, когда я впервые попал в эту рощу, такой погоды не бывало. Слабый ветерок поднимался, и то не на целый день. Дурманные листья тогда едва

начинали алеть. А сейчас они все время дрожали и переливались целой гаммой красок. Ночью Большой Скорпион с генералами воздвигали в середине рощи какой-то деревянный каркас: это оказалась сторожевая вышка для меня. Они объяснили, что ветер называется дурманым и сулит перемену погоды. В Кошачьем государстве всего два сезона: первая половина года – спокойный сезон, а вторая – бурный, с ветром и дождем.

Утром до меня сквозь сон донеслись странные звуки. Я вылез из своей хижинки и увидел Большого Скорпиона, стоящего перед генеральским строем. За ухом у него красовалось перо из хвоста коршуна, в лапах – длинная палка. Генералы держали нечто вроде музыкальных инструментов. Завидев меня, Большой Скорпион ткнул палкой в землю, и генералы разом подняли свои инструменты. Когда он ткнул палкой в небо, инструменты зазвучали. Первый генерал дул, второй колотил – словом, все двадцать инструментов стали издавать разные звуки: высокие, низкие, но в равной степени режущие слух, противные. Глаза у музыкантов вылезли на лоб, тела раскачивались, рты хватали воздух, однако отставать никто не желал. Двое, почти задохнувшись, упали на землю и все-таки продолжали дуть, потому что в Кошачьем государстве ценится только долгая и шумная музыка.

Три часа продолжался этот концерт. Наконец Большой Скорпион взмахнул своей палкой, музыка смолкла, и запыхавшиеся генералы присели на корточки.

Вытащив из-за уха перо коршуна, Большой Скорпион почтительно подошел ко мне:

– Пора! Прошу тебя подняться на священный алтарь и от лица богов наблюдать за сбором дурманного листа.

Сначала я ничего не понял, так как одурел и оглох от их музыки. Потом меня начал раздражать смех, но я все же последовал за Большим Скорпионом. Он воткнул в мои волосы перо, забрался на сторожевую вышку и стал молиться. Снова грянула музыка. Наконец он слез и пригласил меня наверх. Вспомнив детство, я ловко вскарабкался по деревянным перекладинам. Большой Скорпион взмахнул палкой, генералы разбежались и встали в почтительном отдалении. По приказу Большого Скорпиона к ним подбежало множество солдат, тоже с палками. Большой Скорпион показал им на вышку, и солдаты подняли палки, как бы отдавая мне честь. Теперь я окончательно убедился, что играю роль представителя богов, которые, без сомнения, просто обожают Большого Скорпиона. Он тем временем объяснил солдатам, что, если во время сбора урожая они спрячут или съедят хотя бы один лист, представитель богов поразит их «ручным громом». Ручной гром вылетит вон из того «искусства». А генералы назначаются надсмотрщиками; заметив кражу, они заиграют на своих инструментах, и Большой Скорпион попросит меня извергнуть ручной гром.

Солдатам было приказано разбиться по двое: один забирался на дерево, другой складывал сорванные листья. У ближних ко мне деревьев никого не оказалось, так как Большой Скорпион предупредил солдат, что они могут окаменеть от одного дыхания представителя богов. Словно загипнотизированные хозяином, солдаты принялись за работу, а Большой Скорпион сновал между ними, как челнок в ткацком станке, – наверное, опять съел штук тридцать отменных листьев. Палка его была все время нацелена на головы солдат. Говорят, что во время сбора дурманного листа помещик должен убить по крайней мере одного солдата и закопать его под деревом, чтобы обеспечить себе на следующий год богатый урожай. Но если в роли представителя богов у помещика не настоящий иностранец, солдаты могут сами убить хозяина, ободрать все листья, а из веток сделать оружие, то есть палок. Войско, оснащенное палками из дурманного дерева, считается в Кошачьем государстве самым грозным.

Я сидел на сторожевой вышке, как попугай на жердочке, и потешался сам над собой. Но мне все же не хотелось нарушать кошачьих обычаев. Я должен хорошенько узнать местных жителей, а для этого надо участвовать во всех их делах, как бы они ни были смешны. К счастью, дул

ветерок, и жара меня не очень мучила. Чтобы не получить солнечного удара, я велел Большому Скорпиону принести мне вместо шляпы сплетенную из травы крышку, которой я накрывал еду.

От обычных людей-кошек солдаты отличались только перьями за ухом да палками. Эти предметы, конечно, давали им преимущество перед рядовыми жителями, но сейчас, загипнотизированные Большим Скорпионом, они, пожалуй, страдали сильнее своих соплеменников. Они грызли рощу, точно шелкопряды после спячки, и вскоре я уже видел стволы, которые раньше были плотно закрыты листвой. Еще через некоторое время солдаты добрались до макушек и даже принялись за сравнительно близкие ко мне деревья. Но на этих деревьях они рвали только одной лапой, а другой заслоняли глаза, видимо, боясь, что я могу их ослепить.

«Оказывается, люди-кошки отнюдь не бестолковы, – подумал я. – Если бы у них был настоящий руководитель, способный покончить с дурманом, они сумели бы сделать многое. Может быть, стоит заняться ими? Прогнать Большого Скорпиона, стать для них и помещиком, и генералом... Нет, пустые мечты. Я ничего не решусь предпринять, потому что не знаю их как следует».

В этот момент я вдруг увидел (деревья вокруг меня оголились, и я отчетливо мог видеть все, что происходило внизу), как Большой Скорпион занес свою палку над головой одного солдата. Я знал, что не успею задержать эту палку, даже если спрыгну с высоты двух саженей и не сломаю ногу при прыжке, но мне очень хотелось наказать Большого Скорпиона. Я прыгнул, тотчас поднялся, подбежал, однако солдат уже лежал на земле, а Большой Скорпион приказывал закопать его.

Человек, не понимающий ближних, часто вредит им при самых благородных побуждениях. Когда я спрыгнул, солдаты решили, что сейчас грянет ручной гром, и почти все попадали с деревьев. Многие, наверное, разбились, потому что вокруг стоял сплошной стон. Но я тогда не обратил на них внимания, а схватил Большого Скорпиона. Он воспринял мой прыжок иначе, решив, что я хочу помочь ему, что я вообще стал его верным клеветом – ведь все это утро я был так послушен. Когда я его схватил, он очень удивился: он не чувствовал за собой никакой вины.

– Почему ты убил солдата? – крикнул я.

– Он отгрыз стебель от листа...

– И за это ты мог?..

Тут я вспомнил, что нахожусь среди людей-кошек, которых бесполезно урезонивать. Я сделал знак солдатам:

– Связать его!

Они смотрели на меня и, казалось, ничего не понимали.

– Связать Большого Скорпиона! – пояснил я, но никто не двинулся с места.

Сердце мое похолодело. Если я действительно встану во главе этих солдат, мне, наверное, никогда не найти с ними общего языка. Они не смеют помочь мне не потому, что любят Большого Скорпиона, а потому, что не понимают моей правоты. Им даже в голову не приходит, что можно мстить за товарища. Это поставило меня в тупик: если я отпущу Большого Скорпиона, он наверняка станет презирать меня. Но и убивать его не стоило – он еще может пригодиться мне на Марсе, по крайней мере здесь, в Кошачьей стране. При всех своих дурных качествах он для меня полезнее, чем эти жалкие вояки. Я притворился, будто гнев мой несколько утих.

– Признаешь свою вину? – спросил я Большого Скорпиона. – Или хочешь, чтобы я отдал твою рощу на разграбление?

Услышав о разграблении, солдаты оживились, протянули лапы к листьям, но я дал Большому Скорпиону два пинка, и все снова замерли. Глаза Большого Скорпиона превратились в крохотные щелки. Я чувствовал, что он ненавидит меня: ведь его наказал перед солдатами сам

посланец богов, да еще за какой-то пустяк. Однако ссориться со мной он не посмел.

Я спросил его, сколько он платит сборщикам дурманных листьев. Когда он ответил, что по два листа, солдаты снова наострили уши, видимо ожидая прибавки жалованья. Я потребовал, чтобы Большой Скорпион хорошенько накормил их после работы, и уши разочарованно опустились. Мне не было дела до их печальных вздохов – меня больше интересовала семья убитого солдата, которой я велел выплатить сто национальных престижей. Большой Скорпион согласился, но когда я начал спрашивать, где живет семья погибшего, никто не издал ни звука. У людей-кошек не было привычки утруждать свой язык ради других. Я понял это только спустя несколько месяцев, а Большой Скорпион благодаря моему неведению сэкономил национальные престижи.

После окончания сбора листьев по-прежнему дул ветерок, в воздухе похолодало, на небе стали изредка появляться черные тучи, но без дождя. Это было начало «бурного сезона», когда помещики везли дурманные листья в город. Хотя Большой Скорпион был очень недоволен мной, ему пришлось напустить на себя добрейший вид, потому что отправляться в путь без меня было равносильно самоубийству.

Высушенные листья сложили в тюки. Каждый тук тащили по очереди двое солдат, причем на головах. Впереди несли Большого Скорпиона: четверо солдат подпирали головами его тело, двое солдат повыше – ноги, а один солдат – шею. Этот способ передвижения был самым почетным в Кошачьем государстве, хотя и не очень удобным. По обеим сторонам от носильщиков шли двадцать генералов с музыкальными инструментами. Если солдаты не соблюдали дисциплину – например, запускали когти в тюки, чтобы нюхнуть дурману, – то генералы изысканнейшими звуками докладывали об этом Большому Скорпиону. Все вещи в Кошачьем государстве должны были приносить прямую пользу, искусство тоже: музыканты обычно служили шпиками.

Мне полагалось занять наиболее ответственное место в середине колонны. Большой Скорпион приготовил для меня семерых носильщиков, но я отказался от этого благодеяния и решил идти самостоятельно. Он никак не хотел соглашаться: приводил цитаты из классиков, говорил, что императора носит двадцать один человек, князя – пятнадцать, аристократов – семь, что это древний обычай, который нельзя, непозволительно нарушать. «Аристократ, ходящий по земле, позорит своих предков!» – восклицал он. Я уверил его, что мои предки не будут опозорены, если меня не понесут на головах. Тогда он чуть не заплакал и продекламировал двестише:

Тот, кто ест дурманные листья,
Всегда будет аристократом.

– Пошел ты со своими аристократами! – оборвал я его, не вспомнив подходящей стихотворной цитаты.

Большой Скорпион вздохнул и про себя, должно быть, выругался, но вслух бранить меня не посмел.

Построение колонны заняло больше двух часов. Большой Скорпион то укладывался на головы своих носильщиков, то опять вскакивал, и так до семи раз, потому что кошачьи солдаты никак не могли стоять спокойно. Теперь они знали, что я не всегда помогаю Большому Скорпиону, он не решался пустить в ход дубинку, а ругань без побоев на них не действовала. Отчаявшись построить солдат в прямую линию, Большой Скорпион сдался и велел выступать.

Но едва мы пошли, как в небе показалось несколько белохвостых коршунов. Большой Скорпион испугался дурного предзнаменования, снова соскочил на землю и отложил выступление на завтра. Вконец обозленный, я вытащил пистолет:

– Если сейчас не пойдешь, не пойдешь вовсе!

Физиономия Большого Скорпиона позеленела. Он пошамкал ртом, однако не смог выдавить ни слова. Он понимал, что спорить со мной бесполезно, и в то же время знал, как опасно не верить приметам. Понадобилось минут пятнадцать, прежде чем он, весь дрожа, вскарабкался на кошачьи головы. Мы наконец двинулись. То ли от испуга, то ли из-за шалостей носильщиков он частенько падал на землю, но мигом снова взбирался на головы – Большой Скорпион свято хранил обычай предков.

Всюду, где только можно было что-либо написать – на древесной коре, на камнях, на ветхих стенах, – всюду огромными белыми знаками были написаны лозунги и славословия: «Приветствуем Большого Скорпиона!», «Большой Скорпион отдает все силы для производства государственной пищи», «Солдаты Большого Скорпиона высоко несут дубинки справедливости», «Только благодаря Большому Скорпиону выдался богатый урожай»... Эти надписи были начертаны специальным гонцом для услаждения Большого Скорпиона в пути: он же сам и послал гонца.

Проходя небольшие селения, мы видели деревенских людей-кошек, которые сидели, прислонившись спиной к своей лачуге и зажмурив глаза. Меня очень удивило, что они даже не смотрят на нас. Если они боятся солдат, то почему не спрячутся, а если не боятся, то почему сидят с закрытыми глазами? И тут я разглядел, что на головах сидящих тоже видны мазки белой краски, из которых складываются лозунги вроде «Приветствуем Большого Скорпиона!». Хотя деревенские по-прежнему не открывали глаз, Большой Скорпион милостиво кивал им, благодаря за радушие.

Эти деревни находились под его покровительством, и жалкий, унылый, изможденный вид жителей без слов говорил о том, как нежно пекся о них заступник. Я еще сильнее возненавидел Большого Скорпиона.

Один я мог бы дойти до Кошачьего города самое большее за полдня, но поход с кошачьими солдатами требовал серьезного навыка и терпения. Вообще-то, люди-кошки умеют двигаться быстро, однако, став солдатами, теряют эту способность. Вернее сказать, они теряют ее, когда нужно идти вперед, а когда приходится отступать, снова обретают ее. Такая необходимость появляется при каждой встрече с врагом.

Было час пополудни. И хотя по небу плыли тучки, солнце припекало весьма основательно. Солдаты тащились с широко раскрытыми ртами, их шерсть слиплась от пота – я еще не видывал такой неказистой армии. Наконец вдалеке показалась дурманная роцца, и Большой Скорпион приказал идти прямо через нее. Я решил, что он жалеет солдат, хочет, чтобы они отдохнули в тени. Но когда мы добрались до этой роццы, он спросил меня, нельзя ли ее разграбить. «Листья – пустяки. Главное – обогатить армию боевым опытом!» – пояснил он.

Ничего не ответив, я взглянул на своих спутников. Они уже закрыли рты и выглядели почти бодрыми. «В конце концов, грабеж – это основное занятие кошачьих солдат, – подумал я. – Они ненавидят меня так же, как Большой Скорпион, и если я все время буду грозить им пистолетом, они рано или поздно убьют меня. Кто оценит мое благородство?» Я чувствовал, что уже начинаю заражаться кошачьей психологией; моя храбрость все чаще уступала место приспособленчеству. Но едва я согласился, как Большой Скорпион не замедлил попросить меня возглавить операцию. На этот раз мой ответ был твердым: грабьте сами, а меня не вмешивайте.

Солдаты уже давно почуяли запах добычи. Не дожидаясь приказа, они бросили тюки на землю и с палками в лапах ринулись вперед. Большого Скорпиона я тоже еще не видел таким смелым: глаза его бесстрашно округлились, шерсть встала торчком, палка взметнулась в воздух. В самую роццу воители не побежали, а как безумные стали носиться вокруг. Я понял, что они выманивают из роццы охранников. Увидев, что там нет никакого движения, Большой Скорпион засмеялся, солдаты тоже, и вся армия бросилась на дурманные деревья.

Внезапно из роццы донесся крик. Большой Скорпион заморгал своими уже не круглыми глазами, солдаты бросили палки, попятнулись и, обхватив головы лапами, завyli:

– Там иностранец! Иностранец!

Хозяин, казалось, не поверил им, но его возражение прозвучало без особой убежденности:

– Иностранец? Я точно знаю, что там нет иностранца...

Пока он бормотал, из леса вышло множество кошачьих солдат и два высоких беловолосых

существа, вооруженных блестящими палками. «Это наверняка иностранцы, – подумал я. – Как мне быть, если Большой Скорпион попросит меня драться с ними?! Я даже не знаю, что это за блестящие палки». Хотя я и не затевал грабежа, но все-таки чувствовал себя соратником Большого Скорпиона: его поражение уронило бы и мой авторитет, а с этим связано все мое будущее в Кошачьем государстве.

– Скорей задержи их! – шепнул мне Большой Скорпион.

Отбросив размышления, я вынул пистолет и двинулся вперед. К моему удивлению, беловолосые существа (они тоже были похожи на кошек) остановились. Большой Скорпион подбежал ко мне, из чего я понял, что особой опасности нет.

– Начинай переговоры! – зашептал он, прячась за мою спину.

Я слегка оторопел. Почему он больше не толкает меня в бой? О чем разговаривать с этими белыми существами? Человек всегда теряет, когда от него требуют меньше, чем он собрался дать. А один из моих соперников промолвил, обращаясь к Большому Скорпиону:

– Штрафуем тебя на шесть тюков дурманного листа, каждому по два.

Я оглянулся. Белых людей-кошек было только двое. Почему же он насчитал шесть тюков?

– Говори с ними! – торопливо шепнул Большой Скорпион.

Но что говорить? Я лишь машинально повторил:

– Штрафуем тебя на шесть тюков...

Белые существа улыбнулись и с довольным видом кивнули головами. Большой Скорпион облегченно вздохнул, а я по-прежнему не мог ничего понять. Только когда тюки принесли и белые люди-кошки предложили мне выбирать первому, я сообразил, что они включили в свою компанию и меня. Оставалось ответить такой же вежливостью и отдать им лучшие тюки. Иностранцы поклонились:

– Мы тоже скоро закончим сбор листьев, еще увидимся с вами в городе.

– Еще увидимся... – повторил я, чувствуя, что вновь столкнулся с каким-то странным обычаем. Белые существа приказали своим солдатам забрать тюки и скрылись в роще.

Прибыв в Кошачий город и поговорив с другими иностранцами, я наконец разобрался в этом приключении. Поскольку люди-кошки не могут победить иностранцев, у них остается только одна надежда – что иностранцы сами перебьют друг друга. Чтобы укрепить свою мощь, нужно ее укреплять, а кошки не любят расходовать энергию. Они предпочитают молить богов о том, чтобы иностранцы ввязались в междоусобицу, которая тотчас позволит им, кошкам, стать сильными – вернее, увидеть другие страны такими же слабыми, как Кошачье государство. Иностранцы раскусили этот замысел. Они часто конфликтовали с Кошачьим государством, но никогда не позволяли ему извлечь пользу из их собственных раздоров. Они превосходно понимали, что даже победа может обернуться для них поражением, если они будут разобщены. И, наоборот, объединившись, они смогут получить от людей-кошек немалую выгоду. Так строилась не только международная политика, но и жизнь всех иностранцев в Кошачьем государстве. Их основной профессией была охрана дурманного роща, однако охранять рощи они условились лишь от местных жителей, а не друг от друга. Преступивший это правило наказывался, благодаря чему люди-кошки ценили иностранцев все больше.

Для «защитников» такая система была совсем недурна, а для туземцев? Я невольно обиделся за Больших Скорпионов, но затем подумал: они сами виноваты, что терпят это, не стараются стать сильными и дают своих соплеменников с помощью иностранцев. Уважать можно только достойных людей, а люди-кошки утратили и честь, и совесть – не удивительно, что иностранцы с ними не церемонятся.

После разговоров на эту тему я долго пребывал в дурном настроении.

Но вернусь к Большому Скорпиону: уплата контрибуции ничуть не пристыдила его, он даже

чувствовал себя победителем, с важным видом взгромоздился на кошачьи головы и сказал, что если я не нуждаюсь в таком количестве дурманных листьев (они ведь мне не очень нравятся), то он готов выкупить их за тридцать национальных престижей. Я знал, что два тюка стоят по меньшей мере триста престижей, но не стал торговаться с ним и вообще не ответил на его предложение.

Солнце уже клонилось к западу, когда впереди показался Кошачий город.

Едва я увидел его, как почему-то решил, что эта цивилизация скоро должна погибнуть. Я еще не был знатоком кошачьей цивилизации; та ее часть, с которой я столкнулся в деревне, лишь пробудила мое любопытство, желание уяснить скрытую суть. Не верилось, что здешняя культура сводится к одним ужасам. Конечно, цивилизации иногда погибают, наша земная история тоже писана не только розовой водичкой, но если мы способны рыдать просто при чтении истории, то еще горше наблюдать гибнущую цивилизацию собственными глазами.

У человека перед смертью может быть цветущий вид; приговоренный к гибели город порою бывает шумным, оживленным, и все-таки он умирает, медленно и неотвратимо. Можно спасти отдельного человека, но не город. Кажется, будто разящий перст судьбы занесен и над дурными, и над хорошими его обитателями. Хороших обитателей немного, они торопят свою гибель или пишут завещания, но их крики, и печальные, и веселые, так же бессмысленны, как треск цикад, пытающихся заглушить вой осеннего ветра.

Этот разящий перст я увидел и над шумными и суетливыми жителями Кошачьего города – скоро от них останется лишь прах и пепел!

Кошачий город выглядел очень оживленным. Его планировка показалась мне наипростейшей, как у военного лагеря. Никаких улиц и переулков, только дома и пустыри, точнее – один большой пустырь, на котором стоит множество бесцветных домов. Все пространство между домами заполнено народом, неизвестно чем занимающимся. Ни один житель не ходит прямо, обязательно мешает другим. К счастью, пустыри весьма обширны, поэтому поток прохожих движется то вдоль, то поперек, ударяясь в дома, словно в дамбы. Я еще не знал, есть ли у этих домов номера. Если есть, то из пятого дома в десятый нужно пробираться километра два. Сначала тебя швырнут налево, потом направо, затем понесут вперед, отбросят назад и так далее. За время этого путешествия можешь случайно попасть к цели, а можешь даже домой не вернуться.

Когда-то здесь наверняка были улицы, но улицы опасны, потому что люди-кошки считают позорным уступать другому дорогу. Ходьба по разным сторонам тем более претила их свободному духу. Единственным выходом было ликвидировать улицы. Правда, от толкотни это не спасало, но по крайней мере сберегало немало жизней (как видите, иногда люди-кошки поступают весьма гуманно). Пронестись без отдыха километров шесть, а лотом вернуться не так уж опасно, хотя и утомительно. Впрочем, не всегда утомительно: ведь ты можешь ехать на соседях, точно в бесплатном поезде. Я решил обязательно проверить свои догадки и посмотреть, нет ли здесь следов бывших улиц.

В самой давке не было ничего особенного. Но вот странно: поток пешеходов то поднимался, то опускался. Увидев на дороге камешек, прохожие присаживались на корточки, затем и вовсе садились, чтобы насладиться невиданным зрелищем. Новые прохожие тоже приседали на корточки, задние напирали, и получался настоящий водоворот. Самым последним приходилось карабкаться на чужие головы. Сидящие, забыв про камешек, начинали глазеть на зевак наверху, но тут где-нибудь в стороне узнавали друг друга двое знакомых. Толпа тотчас перемещалась. Каждый из прохожих считал своим долгом помочь встретившимся в разговоре, что неизбежно приводило к драке. Возникало сразу два водоворота, а знакомые сидели на земле и играли в шахматы. Наконец оба водоворота сливались в один, на этот раз вокруг шахмат.

Между толпами, очевидно, иногда возникает безлюдье, подобно расступившимся водам Красного моря, когда его переходили иудеи. Иначе я не мог представить, как Большой Скорпион

с отрядом пройдет к своему дому, находившемуся в центре Кошачьего города. Завидев впереди людское море, я подумал, что Большой Скорпион обойдет его, но он вторгся в самую гущу. Грянула музыка, которую я сначала принял за приказ расступиться, и понял свою ошибку, когда зеваки с интересом бросились к музыкантам. Расчет Большого Скорпиона был иной: под звуки инструментов его солдаты стали бить дубинками по головам прохожих, как по барабанам. Тут-то людской поток и расступился. Самое любопытное, что интерес окружающих к нам ничуть не ослабевал, хотя дубинки солдат работали вовсю.

Городские люди-кошки несколько отличались от деревенских. На их головах белели плешины, которые, наверное, возникли благодаря длительной исторической эволюции и солдатским дубинкам. Оказалось, что солдаты бьют прохожих не просто для того, чтобы расчистить дорогу, но и из высших соображений. Стремясь пролезть вперед, зеваки толкались, дрались и даже кусались; передние отчаянно обороняли свои позиции, а солдаты колотили без разбора, стараясь умерить в соплеменниках тягу к сваре.

Я смотрел на жителей и с любопытством, и с жалостью. Окружающие дома я почти не замечал, потому что они сразу показались мне некрасивыми, во всяком случае грязными – это ощущал даже мой нос. Если красота и грязь совместимы, то мое суждение о кошачьей архитектуре неверно, хотя я по-прежнему не могу восхищаться дворцом, от которого несет нечистотами.

Итак, я смотрел только на прохожих, но вскоре и это стало мне в тягость, потому что они истошно орали, встретившись со мной взглядом. Городские жители боялись иностранцев меньше, чем деревенские; их крики были вызваны преимущественно изумлением, что не мешало им толкать нас или указывать на меня пальцами. Люди-кошки – существа прямодушные: что видят, на то и показывают. Но я все-таки не мог избавиться от земных понятий, а потому раздражался и страдал. Тысячи пальцев были направлены на меня, словно пистолеты, а за каждым пальцем торчал любопытный нос и блестели круглые глаза. Их пальцы, носы и взгляды как будто нивелировали меня, лишали всякой индивидуальности.

Теперь я не смел поднять головы. Это давало мне и некоторые преимущества, так как дорога была вся в колдобинах и зловонных лужах; я бы вывалился как свинья, если бы глазел по сторонам. Люди-кошки, наверное, не чинили дорог в течение всей своей многовековой истории, которой они бахвалились. Как бы мне вообще не возненавидеть историю, особенно многовековую!

К счастью, мы вскоре добрались до жилища Большого Скорпиона. Здесь я окончательно понял, что городские дома людей-кошек мало отличаются от жалкой хижины, которая была отведена мне в дурманной роще.

Дом Большого Скорпиона, стоявший, как уже говорилось, в центре города, представлял собой четыре высоких стены без окон и дверей. Такими же были в соседние дома, которые я разглядел только потому, что вечерняя прохлада разогнала толпу зевак.

Над стеной показалось несколько кошачьих морд. Большой Скорпион что-то крикнул, и морды пропали. Потом снова появились, спустив к нам толстые веревки для тюков. Уже стемнело, на улице не осталось ни одного прохожего. Тюки были втащены еще не все, но солдаты забеспокоились, явно ленись работать, хотя ночью они видели так же хорошо, как днем.

Большой Скорпион с величайшей осторожностью спросил меня, не соглашусь ли я ночевать здесь, на оставшихся тюках. Тут я впервые пожалел об электрических фонариках, разбившихся вместе с кораблем. Если бы у меня был фонарик, я мог бы спокойно, без назойливых сопровождающих, осмотреть Кошачий город. Что же до ночлега, то спать на открытом воздухе, судя по моему деревенскому опыту, не хуже, чем в кошачьем доме, а обзреть это жилище я еще успею. Большой Скорпион очень обрадовался, распустил солдат и, ухватившись за веревку, исчез за стеной.

Я остался один. Дул ветерок, звезды казались ярче обычного – словом, все говорило об осени. Только вонючая канава неподалеку мешала наслаждаться тишиной и ночной прохладой. Чтобы перебить этот запах, а заодно поужинать, я съел несколько дурманных листьев и стал бродить взад-вперед, размышляя над увиденным за день.

Почему люди-кошки, днем такие активные, ночью все прячутся? Может, это вызвано общественными неурядицами? Как они живут в домах, где нет ни света, ни воздуха, а только вонь, грязь и мухи?! А, понимаю, они боятся грабежей! Но ведь самый лютейший грабеж бледнеет перед болезнями, которые отнимают саму жизнь... – Мне снова почудился разящий перст, и я вздрогнул. – Если на такой город обрушится чума или холера, он опустеет буквально за неделю! Этот город становился мне все противнее: огромной черной тенью лежал он под звездным небом в полнейшей тишине, испуская одно зловоние.

Оттащив несколько тюков подальше от канавы, я лег на них и уставился на звезды. Ложе получилось совсем недурное, но мне по-прежнему было печально. Я даже начал завидовать людям-кошкам. Они живут хоть и в грязи, но со своими родными, а у меня на Марсе нет никого, кроме звезд да Большого Скорпиона. Я горько усмехнулся, в глазах у меня стояли слезы.

Уснуть мешала и мысль о том, что мне нужно стеречь дурманные листья. Когда я уже был готов пренебречь своими обязанностями, кто-то похлопал меня по плечу. Я вскочил, протер глаза и увидел двух людей-кошек. Они показались мне духами, так как минуту назад здесь никого не было. По-видимому, и на цивилизованных людей действуют первобытные суеверия.

Еще не рассмотрев пришельцев, я уже понял, что это не обычные кошки, раз они посмели дотронуться до меня. О пистолете я забыл, как и о том, что я на другой планете.

– Садитесь! – сказал я; это было единственное вежливое кошачье слово, которое я тогда вспомнил.

Они спокойно сели. Это еще больше изумило меня: за долгие дни, проведенные мной на Марсе, люди-кошки впервые так свободно принимали мои знаки внимания.

– Мы иностранцы, – сказал тот, который был полнее. – Догадываетесь, почему мы об этом говорим?

Я утвердительно кивнул.

– Вы ведь тоже иностранец, – на всякий случай добавил худой.

Они говорили непринужденно и с уважением друг к Другу – не так, как Большой Скорпион, который заранее подготавливал свои лицемерные афоризмы, предпочитая изрекать их в одиночку.

– Я прилетел с Земли.

– О! – удивленно протянули они. – Мы давно мечтали установить связь с другими планетами, но нам это никак не удавалось. Мы счастливы видеть землянина!

Оба встали, как бы выражая почтение ко мне. Я вновь почувствовал себя в человеческом обществе и так помрачнел от воспоминаний об утраченном, что забыл ответить на любезность. Они стали расспрашивать меня о Земле. Речь их была простой, ясной, лишенной церемонных красот и вместе с тем вежливой – словом, нормальной человеческой речью. Они, конечно, были во много раз умнее Большого Скорпиона, не говоря уже о прочих людях-кошках, и определенно нравились мне.

Их страна, рассказали они, называется Блестящим государством и лежит в семи днях пути от Кошачьего государства. А тут они занимаются тем же, чем и я, – охраняют рощи местных помещиков.

После того как я расспросил об их родине, толстяк сказал:

– Земной господин! – Вероятно, он решил, что это самое лестное для меня обращение. – У нас есть для вас предложение: берите эти тюки и переходите жить к нам.

Я чуть не подпрыгнул от испуга.

– Объясни, пожалуйста, если не трудно, – попросил толстяк худого. – Земной господин, кажется, не понял наших намерений.

– Мы вас напугали? – улыбнулся худой. – Успокойтесь, мы ведь только предложили. Большой Скорпион все равно не оценит вашей преданности и не удивится, если вы ему измените. Разве вам не известны нравы Кошачьего государства?

«Но ведь они тоже кошки!» – мелькнуло у меня в голове.

Он угадал мои мысли:

– Да, наши предки были кошками, как ваши...

– Обезьянами, – подсказал я.

– Совершенно верно. Все мы произошли от животных. – Он испытующе взглянул на меня, как бы проверяя, действительно ли я похож на обезьяну. – Но вернемся к дурманным листьям. Большой Скорпион не будет опечален их пропажей. Напротив, он повсюду раззвонит, что обворован, и повысит цену на оставшийся товар. Когда богатого грабят, страдают только бедные.

– Вот именно. Кроме того, я обещал стеречь листья и не хочу поступаться своей совестью.

– Правильно, земной господин. На своей родине мы тоже так рассуждаем, но здесь, в Кошачьем государстве, честность бессмысленна. Говоря откровенно, это просто позор, что на Марсе существует такая страна. Мы не считаем ее жителей за людей.

– Тогда мы тем более должны быть честными. Пусть они не люди, но мы-то люди! – твердо сказал я.

– Земной господин, – вмешался толстяк. – Мы совсем не хотим, чтобы вас терзали угрызания совести, мы пришли предостеречь вас, научить, как не остаться в дураках. Ведь иностранцы должны помогать друг другу.

– Может быть, Кошачье государство потому так и ослабело, что иностранцы объединились против него? – возразил я.

– Отчасти да. Но у нас – я имею в виду на нашей планете – недостаток военной силы никогда не был причиной ослабления международного авторитета. Главной причиной обычно становится утрата достоинства и чести. С таким государством никто не желает сотрудничать. Мы знаем, что во многом виноваты перед Кошачьей страной, однако вряд ли захотим ссориться

из-за нее с другими странами. Хотя на Марсе еще немало слабых государств, они не лишились уважения соседей. Ведь слабость порождается разными причинами: географическое положение, стихийные бедствия – все играет роль. Но ни одно из этих государств не утратило собственного достоинства, – это зависит от самих жителей. Вы гость, прилетевший с Земли, вы не раб Большого Скорпиона, а разве он пригласил вас к себе в дом? Разве угостил? Нет, он интересовался только тем, чтобы вы стерегли ему дурманные листья! Я вовсе не подстрекаю вас, а пытаюсь объяснить, почему мы, иностранцы, презираем Кошачье государство.

Толстяк остановился, чтобы перевести дух, и в разговор вступил худой:

– Даже если вы завтра сами попроситесь в дом к Большому Скорпиону, он снова вас не пустит. Почему? Еще узнаете. Сейчас я сообщу вам только одно: здешние иностранцы живут вместе в западной части города, без всяких национальных различий, как большая семья. На нас двоих возложен прием гостей. Бывалые посетители сами идут к нам, а для встречи новичков мы каждый день посылаем в город дозорных. Почему мы создали отдельную колонию? Потому что отучить местных жителей от грязи совершенно невозможно. Их пища – настоящая отравка, их врачи... Ах, у них вообще нет врачей! Есть и другие причины, о которых сейчас не время распространяться. Словом, мы пришли позаботиться о вас. Можете нам поверить!

Я верил и даже немного догадывался о причинах, обойденных молчанием. Но я попал в Кошачий город и должен заняться прежде всего им. Вполне возможно, что другие страны еще интереснее; скажем, Блестящая страна наверняка культурнее Кошачьей. И все-таки важнее изучить гибнущую цивилизацию. Я не собирался смотреть на историю глазами пессимиста, а надеялся хоть немного помочь местным жителям. Да, я верил в искренность собеседников, но не мог допустить, что все жители здесь такие же, как Большой Скорпион.

Гости снова угадали мои мысли.

– Давайте сейчас ничего не решать, – промолвил толстяк. – Когда бы вы ни пришли к нам, мы будем рады. Идти лучше ночью – это не так утомительно! – прямо на запад. До свиданья, земной господин!

Они ничуть не рассердились, а по-прежнему вели себя открыто и приветлива. Я был очень благодарен им за понимание.

– Спасибо. Я обязательно приду к вам, но сначала хочу все увидеть собственными глазами.

– Будьте осторожны со здешней едой. До свиданья! – повторили они, а я утвердился в своем решении.

Местных жителей можно воспитать, они такие наивные: солдаты бьют их, а они смеются! Чуть стемнеет, ложатся спать и ни гугу. Да разве такой народ нельзя цивилизовать?! Если у них появится хороший руководитель, они наверняка станут мирными и достойными гражданами.

Я не мог уснуть. В моем воображении рисовались радужные картины: Кошачий город перестроен, превращен в огромный цветник. Кругом чистота, порядок, стоят красивые скульптуры, щебечут птицы, играет музыка...

Большой Скорпион даже не сказал спасибо за то, что я сберег ему тюки, и не поинтересовался, где я буду спать следующую ночь. Во всяком случае, не в его доме.

– Нет, нет! Если ты будешь жить с нами, тебя перестанут уважать. Ведь ты иностранец. Почему бы тебе не пойти в иностранный квартал?

Какая бесстыдная наглость! Предсказания жителей Блестящей страны сбывались.

Сдержав гнев, я попробовал объяснить, почему мне хочется остаться здесь. Потом намекнул, что готов не жить в его доме, а только посмотреть и уйти. Он вновь не согласился. Этого следовало ожидать: за несколько месяцев, проведенных в роще, я даже не узнал, где он ночует. Сейчас он, наверное, боится, что я проникну в его склад дурманных листьев. Но если бы мне хотелось их украсть, я сделал бы это еще вчера вечером.

Большой Скорпион отрицательно покачал головой: он не может принять меня потому, что у него в доме женщины. Логичный довод, хотя от моего взгляда женщины не пострадают. Впрочем, что тут рассуждать!

В эту минуту над стеной выросла голова старого кота – вся седая, похожая на высушенную тыкву с усами. Это появился отец Большого Скорпиона.

– Нам не надо иностранцев! Не надо! Не надо! – замяукал он.

Я чуть не рассмеялся и в то же время испытал уважение к этому старому коту с тыквенной головой: он, по крайней мере, не боялся сильных, даже презирал их. Презрение, наверное, при스테кало от невежества, но мне он все равно показался благороднее Большого Скорпиона.

Тут меня отозвало в сторону какое-то молодое существо, а Большой Скорпион, воспользовавшись случаем, улизнул за стену.

Молодой человек-кошка был сыном Большого Скорпиона. Я очень обрадовался этой встрече: теперь я знаком сразу с тремя поколениями. Хотя старшие поколения еще живы и, по-видимому, сохраняют значительную силу, они все-таки принадлежат прошлому. Пульс Кошачьего государства надо щупать на молодежи.

– Ты издалека? – спросил меня Маленький Скорпион.

На самом деле у него было свое имя, но для простоты я буду называть его так.

– Издалека! – воскликнул я. – Скажи, этот старик – твой дедушка?

– Да. Он считает, что все беды происходят от иностранцев, поэтому очень боится их.

– Он тоже ест дурманные листья?

– Представь себе, ест, хотя они и завезены из-за границы. Он думает, будто позорит этим иностранцев.

Вокруг уже толпилось немало прохожих, которые смотрели на меня, разинув рты и округлив глаза, словно на чудище.

– Нельзя ли нам найти для беседы местечко поспокойнее?

– Куда мы ни пойдем, они двинутся за нами, так что давай говорить здесь. Они совсем не слушают нас, только глазуют на тебя.

Прямота Маленького Скорпиона мне очень нравилась.

– Ладно, останемся здесь. Расскажи о своем отце.

– Он прогрессивная личность, по крайней мере был ним до двадцати лет. Тогда он выступал против дурманных листьев, но потом унаследовал дедовскую рощу. Еще он ратовал за свободу для женщин, а сейчас не пускает тебя к нам, потому что у него в доме женщины. Дед часто говорит, будто я тоже таким стану: в зрелые годы все вспоминают заветы предков. Дед, кроме

заветов, ничего не знает. Отец – тот немного другой. В молодости он даже подражал иностранцам, а сейчас использует свои знания, чтобы на всем наживаться. Когда надо применить новинку, он ее применит ради выгоды, но в главном они с дедом одинаковы.

Рассказ собеседника ошеломил меня, и я зажмурил глаза. Мне показалось, будто он нарисовал картину общественного круговорота. Вне круга что-то мерцает, но внутри царит крошечная, все сгущающаяся тьма. Развеется ли когда-нибудь тьма – это целиком зависит от таких, как Маленький Скорпион, думал я, хотя еще не знал ни его подлинных взглядов, ни его возможностей.

– А ты ешь дурманные листья? – вдруг спросил я, точно в этих листьях крылись истоки всех бед.

– Ем, – ответил Маленький Скорпион.

Картина общественного круговорота еще больше затуманилась.

– Почему? Извини за бесцеремонность.

– Потому что без них нельзя бороться.

– Бороться? Может быть, приспособливаться?

Маленький Скорпион долго молчал.

– Да, пожалуй, приспособливаться... – ответил он наконец. – Я был за границей, повидал мир, но среди народа, который ничего не желает делать, можно только приспособливаться, иначе не проживешь.

– А сам ты разве не способен действовать?

– Бесплезно! Что значу я один против глупой, наивной, жалкой и переменчивой в своих настроениях толпы; против солдат, которые умеют только махать дубинками, грабить дурманные роци да насиловать женщин; против многомудрых, корыстолюбивых, близоруких и бесстыдных политиканов? В конце концов, своя голова дороже...

– И так думает большинство молодежи?

– Что? Молодежи? У нас такой нет. Вернее, она определяется только возрастом, а вслед за ней идут старые... – Он, наверное, выругался, но я не понял. – Наши молодые иногда древнее стариков, похуже моего папаша...

– Надо помнить о влиянии дурной среды, – попытался я его смягчить. – Не будем чересчур строги.

– Дурная обстановка, конечно, мешает, но ведь она способна и пробуждать! Молодежь должна быть живой, а мои сверстники с самого рождения какие-то полумертвые. Они всем недовольны, однако стоит им почуять малейшую выгоду для себя, как их сердца черствеют...

Теперь я уже встревожился.

– Ты, наверное, преувеличиваешь. Не обижайся на мои слова, но стоит ли превращаться в рассудочного пессимиста, которому не хватает смелости? Свое неумение действовать ты объясняешь чужими грехами, поэтому в видишь все в мрачном свете. Оглянись вокруг, мир не покажется тебе таким уж безнадежным.

– Возможно, – усмехнулся Маленький Скорпион. – Но эту исследовательскую работу я предоставляю тебе. Ты прибыл издалека и, наверное, увидишь все яснее меня.

Окружавшие нас зеваки, в свою очередь, уже изучили, как я моргаю и открываю рот. Теперь их любопытство сосредоточилось на моих штанах. У меня была еще масса вопросов к Маленькому Скорпиону, но вокруг не осталось ни глотка свежего воздуха. Я попросил собеседника найти мне какое-нибудь пристанище. Он сначала тоже посоветовал идти в иностранный квартал, причем его доводы были более вескими, чем у кошачьих иностранцев. Наконец он сказал:

– Я не думаю, чтобы ты всерьез занялся изучением нашей жизни, твоя горячность скоро

испарится. Но если ты в самом деле решил жить здесь, я могу подыскать тебе место. Правда, оно хорошо лишь тем, что в том доме не едят дурманных листьев.

– Главное, чтобы было место, а остальное пустяки! – воскликнул я, стараясь отогнать от себя мысль об иностранном квартале.

Я поселился в доме посланника. Сам хозяин давно умер, а его вдова имела одну особенность (помимо того, что съездила за границу): не ела дурманных листьев и твердила об этом раз сто на дню. Как бы там ни было, я наконец обрел пристанище и с гордостью молодого котенка полез на стену, чтобы увидеть внутренность городского дома.

Когда я прикоснулся к этой стене, мое сердце слегка екнуло: мне показалось, что стена качается и осыпается под моими руками. Вообще стена походила на сыроватую глиняную лепешку, в чем я окончательно убедился, добравшись до верха.

Крыши не было никакой. Что же они делают во время дождя? Любопытство еще больше укрепило меня в намерении пожить здесь. Аршинах в пяти от стены начинался деревянный помост с дырой, из которой выглядывала вдова посланника.

Ее широкое лицо и пронзительный взгляд меня не удивили. Но сквозь толстый слой пудры у нее пробивались серые волоски, как у тыквы, подернутой инеем. Это немного смущало.

– Вещи можешь класть на помост, весь верх твой, а вниз не спускайся. Кормлю два раза – на рассвете и в сумерках, не опаздывай. Дурманных листьев мы не едим, плату вперед! – Посланица знала толк в дипломатических переговорах.

Я отсчитал деньги – из тех пятисот национальных престижей, которые еще в деревне получил с Большого Скорпиона. Весь мой багаж был на мне, это следовало считать преимуществом, потому что как-то глупо везти мебель в дом, состоящий из помоста и четырех стен. Хорошо бы мне не свалиться в дыру на этом помосте, и все будет в порядке. Правда, кроме дыры, на помосте был еще слой глины, запах которой совсем не вязался с моим представлением о посольской резиденции. Сверху будет припекать, снизу смердить... В общем, я понял, почему люди-кошки весь день толкуются на улице.

Не успел я последовать их примеру, как из дыры снова показалась мадам, а вслед за ней – восемь кошек помоложе. Нерешительно озираясь на меня, они попрыгали на стену. Вдова тоже оглянулась, уже со стены.

– Мы уходим, до свиданья! – сообщила она. – Ничего не поделаешь, после смерти мужа все эти дуры свалились на мои плечи. Ни денег, ни мужа, а только восемь молоденьких тварей, за которыми я должна присматривать. Дурманных листьев мы не едим. Муж был посланником, я – его женой, и вот теперь я должна с утра до вечера следить за этими распутницами!

После этой тирады оставалось только убраться, иначе у нее просто не хватило бы бранных слов. К счастью, она оказалась сообразительной и тотчас исчезла.

Я терялся в догадках. Кто эти молодые женщины? Дочери посланника, сестры или наложницы? Конечно, наложницы! Они, наверное, есть и у Большого Скорпиона, поэтому он и не пустил меня к себе. Представляю, что за грязь, неразбериха и вонь царят там, под помостом, где старая кошка стережет восьмерых «распутниц», как она выражается. Напрасно я поселился в таком доме... Но деньги уже уплачены, и мне надо взглянуть, что делается внизу. Может быть, воспользоваться отсутствием хозяев? Нет, пожалуй, неловко. Пока я колебался, над стеной опять показалась голова посланицы:

– Скорее выходи из дома, а то знаю вас: подсматривать полезешь!

Смущенно повинувшись, я перелез через стену. Куда же идти? Поговорить можно только с Маленьким Скорпионом, хотя он и скептик. Но где его сейчас найдешь! Дома его, конечно, нет, а искать на улице все равно что искать иголку в море. Я протискивался сквозь толпу и видел вдали дома, которые, наверное, принадлежали аристократии или правительственным учреждениям,

потому что они были гораздо выше остальных. Чем дальше от центра, тем меньше и хуже строения – по-видимому, лавки да обиталища бедноты. Сообразив это, в Кошачьем городе очень легко ориентироваться.

Из толпы выбросило стайку женщин-кошек (они обычно светлолицы), которые направились прямо ко мне. Я снова смутился: Большой Скорпион и посланница дали мне понять, что местные женщины очень забиты, а эти бродят где хотят, – должно быть, легкого поведения. Новичку лучше вести себя осторожнее. Но не успел я ретироваться, как услышал голос Маленького Скорпиона:

– Уже приступил к изучению?

Оказалось, что женщин ко мне вел он. В одно мгновение я был окружен.

– Ну как, подарить одну? – смеялся Маленький Скорпион, поглядывая на своих спутниц. – Это Цветок, это Дурман – почище дурманных листьев, – это Звездочка...

Он назвал всех, но я не запомнил всех имен. Дурман подмигнула мне, и я растерялся. Если это женщины легкого поведения, то мне не мешает подумать о своей репутации, а если порядочные, то как бы их не обидеть. Говоря откровенно, я не очень люблю женщин. Их привычка мазаться, по-моему, свидетельствует о фальши и неискренности. Конечно, некоторые женщины не мажутся, но они тоже притворщицы. В общем, я старался держаться от женщин подальше и уважать их на расстоянии.

Маленький Скорпион, видимо, понял меня и стая шутя отталкивать девушек:

– Идите, идите! Дайте нам пофилософствовать!

Девушки засмеялись, втиснулись в толпу, а я по-прежнему стоял растерянный.

– Старые деятели предпочитают брать наложниц, новые деятели – жениться, а мы, пресыщенные старым и ненавидящие новое, не любим ни наложниц, ни жен, – задумчиво сказал Маленький Скорпион. – Лучше уж просто веселиться. Приспособленчество. Но кто устоит от приспособленчества к женщинам?

– Твои спутницы похожи на... – Я не знал, как лучше выразиться.

– Они похожи на всех женщин. Их можно и притеснять, в любить, и уважать, и кормить – кто как хочет. Сами женщины никогда не меняются. Еще моя прабабушка пудрилась, то же делают и бабушка, и мать, и сестры, и эти девушки, да и внучки этих девушек будут пудриться. Запри их в комнату, они станут пудриться, выпусти на улицу – то же самое.

– Вот именно! – воскликнул я.

– Ну и что же? Признавая их слабости, мы как раз и проявляем уважение к женщинам. Ради них мужчины врут без передышки, превращаются то в святых, то в зверей. А женщины всегда чисты, всегда задорны и пудрятся, если не очень красивы от природы. Если бы мужчины чувствовали, что их собственные лица недостаточно красивы, они бы тоже пудрились.

Я задумался, не понимая, верит ли он сам в свою забавную теорию. А Маленький Скорпион продолжал:

– Сейчас ты видел так называемых новых женщин, смертельных врагов посланницы и моего отца. Это совсем не значит, что отец готов подраться с ними; он просто ненавидит их за то, что не может продать их как собственных дочерей, либо запереть в доме, как наложниц. И нельзя сказать, чтобы они были умнее или сильнее посланницы или моей матери. Нет, они истинные женщины, они еще ленивее, еще меньше склонны к размышлениям, зато пудрятся лучше. Они очень милы: даже такой мизантроп, как я, не может не увлечься ими.

– Их что, воспитали в новом духе?

– Воспитали?! – вскричал Маленький Скорпион в каком-то странном возбуждении. – У нас всюду воспитывают, кроме школ. Дед бранится – воспитание, отец торгует дурманными листьями – воспитание, посланница заживо хоронит восьмерых наложниц мужа – воспитание,

вонючая канава на улице – воспитание. Этому служат и солдаты, бьющие людей по головам, и те женщины, которые умеют пудриться лучше других. Когда мне говорят о воспитании, я съедаю лишней десяток дурманных листьев, иначе меня тошнит.

– А здесь много школ?

– Много. Ты разве не видел?

– Нет.

– Надо посмотреть. У нас тут всюду культурные учреждения. Имеют ли они отношение к культуре, это еще вопрос, а учреждения есть, – усмехнулся Маленький Скорпион и вдруг вскинул голову. – Плохо дело, дождь собирается!

Туч на небе было еще мало, но ветер дул все сильнее.

– Пора домой! – сказал Маленький Скорпион, явно побаиваясь дождя. – Когда прояснится, встретимся здесь.

Людской поток понесся словно подхваченный ураганом. Я тоже бежал, хотя понимал, что в доме без крыши все равно промокну. Мне просто хотелось тоже бежать и смотреть, как весь город словно безумный карабкается на стены.

Ударил порыв ветра, небо сразу потемнело, огромная красная молния долетела до самой земли и скрестилась с линией домов. Грянул гром, а за ним посыпались крупные, как куриные яйца, капли дождя. Вдалеке что-то зашелестело, дождь на мгновение утих, небо немного прояснилось – и вдруг опять ветер, новый удар молнии, дождевые капли слились в мощные струи. Небо исчезло. Затем струи дождя внезапно изогнулись, задрожали и тоже пропали. Исчезло все, кроме вспышек молнии.

Но я был уже мокрым насквозь и, главное, не мог понять, где мой дом. Отступив от какой-то стены, я ждал новых молний. Мне казалось, что в небе поблескивает глазами гигантский черный дьявол – неудивительно, что этот блеск не помог мне. А, все равно чей дом, полезу, там видно будет! Уже на стене по знакомому шатанию я почувствовал, что случайно попал к дому посланника. Но в этот миг вспыхнула особенно яркая молния, гром обрушился прямо на меня, стена накренилась, и я, зажмурив глаза, полетел неведомо куда.

Громовые раскаты стали отдаляться. Во сне я слышу это или наяву? Я пытаюсь открыть глаза, но не могу, потому что вся глина посольского дома, кажется, облепила мне лицо. Да, это настоящий гром, я действительно очнулся. Ни руками, ни ногами тоже не могу пошевелить – они завалены камнями, глиной, как будто кто-то воткнул меня в землю вместо семени.

Наконец высвобождаю руки и голову: дом посланника превратился в бесформенную грудку глины. Я приподнимаюсь и зову на помощь, беспокоясь не о себе, а о хозяевах, которые наверняка погребены заживо. Дождь еще капает, на мой крик никто не отзывается. Ведь люди-кошки боятся воды и ни за что не придут, пока небо совсем не прояснится.

Окончательно выбравшись из глины, я начал как сумасшедший разгребать ее, даже не посмотрев, ранен ли я. Тем временем дождь кончился, и все жители высыпали на улицу. Я снова позвал на помощь, люди-кошки прибежали и встали в стороне. Думая, что они не понимают меня, я объяснил, что спасать нужно не меня, а женщин, погребенных в земле. Кошки подоодвинулись ближе и снова застыли. Тут я вспомнил, что умолять их бесполезно, и стал искать деньги, которые, к счастью, оказались в кармане.

– Каждый, кто поможет откапывать, получит по одному национальному престижу!

Они оживились, хотя и не очень поверили мне. Я повертел монетой. Зеваки бросились вперед, как осиный рой, но каждый брал лишь по одному камню или кирпичу, явно стараясь на мне нажить. Ладно, черт с ними, лишь бы помогли откопать. К тому же работа у них, как ни странно, спорилась, точно у муравьев, которые растаскивают кучку риса. Буквально через минуту я услышал из-под земли голос, успокоился и тут же снова разволновался, потому что кричала одна хозяйка. Она сидела прямо в дыре (это мы увидели, когда разобрали развалины), а остальные женщины были придавлены помостом и не двигались. Я хотел помочь ей подняться, но она с возмущением оттолкнула мои руки:

– Не трогай меня, я вдова посланника! Сейчас же верните мне все кирпичи, а то я пойду жаловаться Его Величеству!

Глаза у нее были залеплены глиной, но она догадалась, что ее дом растаскивают, зная привычки своих добрых соплеменников.

Впрочем, искать кирпичи было уже бесполезно: некоторые помощники уносили горстями и землю. «Вот до чего доводит людей нищета, – подумал я. – Они считают, что лучше вернуться домой с горстью земли, чем с пустыми руками».

Посланница соскребла со своей головы глину, обнажив поцарапанные щеки, большую шишку на темени и горящие яростью глаза. Внезапно она бросилась, прихрамывая, за одним из грабителей и с проворством настоящей кошки вцепилась ему зубами в ухо. Тот заорал и начал отбиваться, колотя лапами по ее животу. Долго они крутились на одном месте. Наконец взгляд мадам упал на одну из погибших девиц, она отпустила обидчика, и тот стрелой пустился наутек. Остальные помощники с испуганными вздохами расступились. Обняв труп девушки, старуха горько заплакала.

«Оказывается, она не лишена чувства жалости!» – подумал я, но утешать ее не стал, опасаясь за собственные уши.

Вволю наплакавшись, она взглянула на меня:

– Это ты во всем виноват! Ты обрушил мой дом, а они разграбили его. Но вы от меня не убежите! Я пожалуюсь Его Величеству, и он всех вас казнит!

– Я не собираюсь убежать, – тихо сказал я. – Наоборот, я хочу помочь вам.

– Верю тебе, потому что ты иностранец. А на этих мерзавцев придется жаловаться Его Величеству. Пусть он устроит у них обыск и казнит каждого, у кого окажется хоть один кирпич! Я вдова посланника!

Изо рта у нее от ярости брызгала слюна. Я не был уверен, действительно ли мадам посланница имеет доступ к императору, но стал успокаивать ее, боясь, что она сошла с ума:

– Давайте сначала похороним их...

– А ты знаешь, как их хоронить? Мне хватало возни с живыми распутницами. Можешь сам ими заниматься.

Я умолк, потому что не имел ни малейшего представления о кошачьих похоронах. Взгляд посланницы стал еще страшнее: слезы в глазах, казалось, высохли от безумного огня, белки излучали какой-то фосфорический блеск.

– Дай хоть тебе пожалуюсь! – закричала она. – Я вдова посланника, дурманных листьев не ем, не имею ни денег, ни мужа, дай хоть тебе пожалуюсь!

Я понял, что старуха действительно сошла с ума: она уже забыла, что считает меня виновником всех бед, и собиралась излить мне свою душу.

– Вот эту чертовку, – она ткнула пальцем в один из трупов, – мой муж взял, когда ей было всего десять лет. Тельце еще не окрепло, а муж уже лакомился им. Помню, в первый месяц, едва стемнеет, как эта чертовка плачет, зовет папу, маму, меня хватает за руки, умоляет, чтобы я от нее не отходила. Но я добродетельная жена и не могла ссориться с посланником из-за какой-то десятилетней паршивки. Если муж наслаждается, я не мешаю, я жена. А эта чертовка орала благим матом при одном приближении хозяина: «Госпожа посланница, госпожа посланница! Милая, спасите меня!» Но разве я похожа на нее, разве я способна мешать господину наслаждаться? А потом она лежала как мертвая – может, притворялась, а может, и в самом деле теряла сознание. Мне не было до этого дела. Я пичкала ее лекарствами, едой, а эта тварь даже ни разу не поблагодарила меня! Потом она выросла и так развилась, что сама была готова проглотить посланника. Когда он брал новую девочку, эта чертовка с утра до вечера рыдала, опять уговаривала меня помешать, но я жена посланника, если он не будет покупать девочек, кто его станет уважать? Она еще винила меня в том, что я не берегу мужа, позволяю ему изнашиваться!

Старуха оттолкнула от себя мертвую кошачью голову и схватила за волосы другую.

– Эта тварь была из проституток. Целыми днями ела дурманные листья и моего мужа пыталась приучить. А разве посланника, который ест дурманные листья, пустят за границу? Я не запрещала мужу якшаться с проститутками, но не могла позволить ему потерять место. Ты даже не представляешь, как трудно быть женой посланника! Днем я наблюдала, чтобы эта распутница не воровала дурманных листьев, вечером следила, чтобы она не кормила ими мужа... Проклятая тварь! Она еще удрать хотела все время. Если бы у посланника сбежала наложница, мы были бы навсегда опозорены!

Глаза посланницы снова вспыхнули, она схватила следующую голову.

– А эта стерва была самой зловредной! Из современных. Не успела еще в дом войти, как потребовала, чтобы посланник всех нас выгнал, одну ее своей женой сделал. Ха, ха, ха! Но где там! Мой муж понравился ей только своим званием. Других наложниц он купил, а эта сама отдалась ему, даром. Она весь женский род опозорила! Когда она здесь появилась, муж не смел с нами даже слова молвить. И все время таскалась за ним на улицу, в гости, будто законная жена. А я тогда зачем? Я не мешала посланнику покупать девок, это необходимо, но женой была я, и потому следовало ее проучить. Связала раза три, оставила под дождем, вот она и скисла. Стала просить господина, чтобы он отпустил ее домой, говорила, будто он обманул ее... Разве я могла освободить эту стерву да еще позволить ей снова замуж выйти? Нет уж...

Трудно, очень трудно быть женой посланника. Ни днем, ни ночью я с нее глаз не спускала. К счастью, муж вскоре купил вот эту девку. – Старуха повернулась и ткнула пальцем в другой труп. – Она ко мне довольно неплохо относилась, даже заключила со мной союз против той стервы. Но женщины все одинаковы, без мужчин жить не могут. Когда посланник спал с новой наложницей, та стерва всю ночь ревела, а я тут как тут. «Ты хотела быть законной женой? – спрашиваю. – Жить и посланником неразлучно? Посмотри на меня! Настоящая жена не пытается захватить мужа целиком, тем более посланника: это тебе не мелкий торговец, который всю жизнь довольствуется одной женщиной!»

Мадам снова схватила голову своей соперницы, несколько раз брякнула ее о землю и взглянула на меня. Я в страхе попятился.

– Когда муж был жив, я даже не отдыхала: одну девку надо бить, другую ругать, третью остерегаться. Они растранижирили все деньги посланника, высосали из него все силы, а сына ни одного не оставили. Рожать-то рожали, но никто не выжил. Как родится у одной мальчишка, так семеро остальных днем и ночью мечтают его извести, чтобы та не завоевала особую любовь хозяина, не стала его главной наложницей. Я-то им не завидовала и не мешала: пусть губят собственных детей, это их дело. Я законная жена, у меня свое положение... После смерти посланника эти восемь мерзавок достались мне вместо денег и сыновей! Но позволить им убежать или снова выйти замуж я не могла. Я с утра до вечера до хрипоты урезонивала их, учила величайшим премудростям жизни. Ты думаешь, они что-нибудь поняли? Вряд ли! Однако я не унывала и продолжала свой благородный труд. На что я надеялась? А ни на что, разве только на то, что мои высокие душевные качества, моя добродетель станут известны Его Величеству и он пожалует мне пенсию, а также большую доску с надписью: «Верная и стойкая жена». Но... ты слышал, как я сейчас плакала, слышал?

Я кивнул.

– А почему я плакала? Ты думаешь, из-за этихдохлых тварей? Еще чего! Я оплакивала свою судьбу, судьбу вдовы посланника, которая не ест дурманных листьев и у которой только что обвалился дом. Все, что я создавала, рухнуло. Если Его Величество примет меня и, сидя на своем драгоценном троне, спросит: «Госпожа посланница, в чем твои заслуги?» – что я смогу ответить ему? Я пролепечу, что стерегла восьмерых наложниц умершего мужа, не дала им пасть или убежать. «А где они?» – спросит Его Величество, и тут мне придется сказать, что они умерли. «Где же доказательства твоего подвига?» – снова спросит Его Величество...

Посланница уронила голову на грудь. Я хотел подойти, но боялся, что она примется за меня. Внезапно старуха вскинула голову:

– Вдова посланника ездил за границу, отказалась от дурманных листьев!.. Пенсия!.. Большая доска!..

Глаза ее остекленели, голова поникла, и она медленно опустилась между двумя мертвыми кошками.

Я был подавлен жалобой посланницы, потому что в ее рассказе мне открылась женская доля в Кошачьем государстве за многие столетия, словно моя рука перелистала самые мрачные страницы истории, и я не мог больше читать.

Напрасно я не пошел в иностранный квартал, теперь я снова бездомен. Куда же идти? Люди-кошки, помогавшие мне откапывать засыпанных, по-прежнему смотрели на меня, явно ожидая денег. Да, они растащили резиденцию посланника, но ведь это не могло лишить их обещанного вознаграждения. Запустив руку в карман, я достал пятнадцать национальных престижей и швырнул на землю, пусть сами делят. Страшно трещала голова – наверное, я заболел. Хозяев моих не воскресить, под старухой виднелась лужа крови, а глаза ее были широко раскрыты, как будто она и после смерти следила за наложницами мужа. У меня не хватило бы сил похоронить их, соседям было все равно, в общем, я задыхался от омерзения и отчаяния.

Но что же тогда здесь сидеть? Я с трудом поднялся и заковылял, изрядно подорвав веру жителей в силу иностранцев. Улица опять была полна народу. Несколько молодых людей-кошек писали мелом на стенах. Стены уже почти просохли, и едва подул ветерок, как надписи стали необычно яркими: «Движение за чистоту», «Все помыто»... Несмотря на головную боль, я не мог удержаться от смеха. Ловко они работают: после того как дождь вымыл весь город, наведение чистоты не потребует ни малейших усилий! Даже в вонючей канаве вода стала прозрачной. Движение за чистоту! Ха, ха, ха! Может, я свихнулся? Мне очень хотелось вытащить пистолет и пристрелить тех, кто писал лозунги.

Тут я вспомнил шутку Маленького Скорпиона насчет культурных учреждений и свернул в сторону – не для того, чтобы посмотреть на них, а просто чтобы найти укромный уголок. Мне всегда казалось, что дома на улице должны стоять лицом друг к другу, но тут были видны только задние стены. Этот новый порядок градостроительства отвлек меня от головной боли, хотя я понимал, что он вполне естествен для людей-кошек, которые не любят свежий воздух и солнечный свет. Между домами никакого просвета – в общем, это не улица, а фабрика эпидемий. Голова опять разболелась, и я совсем помрачнел, потому что болезнь на чужбине могла лишить меня всякой возможности вернуться в Китай.

Найдя первое попавшееся место в тени, я лег и тотчас потерял сознание.

Очнулся я уже в комнате, причем чистой. Это показалось мне настолько невероятным, что я потрогал свой лоб, вообразив, будто от высокой температуры у меня начались галлюцинации. Но лоб был не очень горячим. Я еще больше удивился и решил опять заснуть, потому что чувствовал себя слабым. Послышались легкие шаги, я приоткрыл глаза – а, это Дурман, которая почище дурманских листьев! Она подошла и тоже потрогала мой лоб, потом тихо сказала:

– Ему уже лучше.

Совсем открыть глаза я не решался, так как не мог понять, зачем я нужен этой девушке. Но тут вошел Маленький Скорпион, и я успокоился.

– Ну как он? – спросил мой приятель.

Не дожидаясь, пока Дурман ответит, я открыл глаза.

– Тебе лучше? – обрадовался Маленький Скорпион.

Я сел и постарался тотчас удовлетворить свое любопытство.

– Это твоя комната?

– Наша с ней. – Маленький Скорпион показал на Дурман. – Я с самого начала хотел

поселить тебя здесь, но боялся, что отец разозлится. Он ведь думает, будто ты его собственность, и не позволяет мне с тобой дружить. Говорит, что у меня и так много иностранных замашек.

– Спасибо вам, – промолвил я, оглядывая комнату.

– Ты, наверное, удивляешься, почему здесь чисто? Это в есть иностранные замашки, о которых говорит мой отец.

Маленький Скорпион и Дурман рассмеялись, а я подумал, что юноша действительно похож на иностранца. Даже его словарь раза в два богаче, чем у отца; по-видимому, многие слова Маленького Скорпиона заимствованы из других кошачьих языков.

– Это ваш собственный дом? – спросил я.

– Нет, одно из культурных учреждений; мы просто заняли его. Высокопоставленные люди могут захватывать учреждения. Не уверен, что этот обычай хорош, но мы по крайней мере сохраним комнату в чистоте, иначе от культуры и следа бы не осталось. В общем, приспособляемся, как ты однажды сказал. Дурман, дай ему еще листьев!

– Я уже ел их?!

– Если бы мы не напоили тебя соком дурманских листьев, ты бы никогда не очнулся. Здесь это универсальное средство. Если уж оно не вылечивает, значит, пропал человек. У дурманских листьев есть только один изъян: больных лечит, а страну губит! – сказал Маленький Скорпион со своей скептической усмешкой.

Я выпил еще немного сока и действительно приободрился. Но делать ничего не хотелось. Жители Блестящего государства и другие иностранцы проявляют большую мудрость, когда поселяются отдельно. С кошачьей цивилизацией шутки плохи: стоит приблизиться к ней, как она обволакивает тебя, словно масло, или затягивает, будто водоворот, из которого никогда не выбраться. Лучше не приезжать в Кошачье государство, но если приехал, неминуемо превратишься в кошку. Вот я не хотел есть дурманских листьев, и что же? Все равно ем! Альтернатива поистине жесткая: либо ты не здесь и не ешь, либо ты здесь и ешь. Если бы эта цивилизация охватила весь Марс – а многие жители Кошачьего государства наверняка лелеют такую мечту, – то марсиане вскоре вымерли бы от грязи, болезней, беспорядка, глупости, темноты. Конечно, в кошачьей цивилизации есть и светлые стороны, но они не способны выдержать борьбу с мраком. Я предчувствовал, что в один прекрасный день этот мрак будет побежден настоящим светом или каким-нибудь ядом вроде тех, которыми травят микробов. Однако сами люди-кошки о подобном и не задумываются. Маленький Скорпион, может быть, и задумывался, но теперь считает, что шахматная партия проиграна, беспечно смешивает фигуры и смеется над собственным поражением. А остальные люди-кошки просто спят.

Я хотел расспросить Маленького Скорпиона и о политике, и об образовании, и об армии, и о финансах, и о хозяйстве, и о семье...

– В политике я мало понимаю, – сказал он. – Об этом нужно спросить отца, он специалист. Остальное мне более или менее известно, но лучше тебе все-таки самому понаблюдать, а потом уж меня спрашивать. По-настоящему я разбираюсь только в культуре, потому что отец не может за всем уследить и выделил эту область мне. Если ты хочешь осмотреть школы, музеи, библиотеки, тебе достаточно только сказать...

Я почувствовал себя еще лучше, чем после дурманного сока: благодаря двум Скорпионам я познакомлюсь едва ли не с самыми главными областями жизни в Кошачьем государстве – политикой и культурой! Но могу ли я остаться жить в этой чистенькой комнате? Честно говоря, у меня не было ни малейшего желания покинуть ее и в то же время не хотелось унижаться перед хозяевами. Ладно, подожду, пусть сами решат.

Маленький Скорпион осведомился, что я намерен осмотреть прежде всего. К моему стыду, мне по-прежнему было лень двигаться, поэтому я попросил его рассказать о своей жизни. Он

усмехнулся. Эта усмешка всякий раз казалась мне и милой и неприятной: он явно чувствовал свое превосходство над другими людьми-кошками, но не желал ничего делать, боясь испачкать лапы! Он, наверное, страдал из-за того, что родился в Кошачьем государстве, воображал себя единственной розой среди чертополоха, а я не люблю зазнайства.

– О детстве моем рассказывать неинтересно, – начал Маленький Скорпион, сидя рядом с Дурман, которая глядела на него во все глаза. – Родители меня любили, но я тут ни при чем. Дед тоже любил – в этом нет ничего удивительного, потому что все дедушки обожают своих внуков. – Он задумался, поднял голову, и Дурман последовала за ним взглядом. – Впрочем, есть одна деталь, о которой тебе стоит знать, хотя мне не очень приятно о ней говорить: моей кормилицей была проститутка. Это считалось в нашей семье вполне естественным, как и то, что мне нельзя было играть с другими детьми. Ты спросишь, почему проститутка согласилась возиться с ребенком? Из-за денег. У нас говорят, что «деньги даже чертей привлекают». Наняли ее потому, что проститутки считаются лучшими воспитателями для мальчиков, а солдаты – для девочек. Просветившись в вопросах пола, дети рано женятся, сами рожают детей и тем услаждают своих предков.

Всей науке Кошачьего государства меня обучали, кроме проститутки, пятеро учителей, похожих на чурбаны. Потом один из учителей перестал ходить на чурбан и сбежал с моей кормилицей, а остальные постепенно уволились. Когда я вырос, отец послал меня за границу. Он считал, что человек, умеющий сказать несколько фраз на иностранном языке, все постиг. Ему нужен был эрудит. За границей я прожил четыре года, все понял, но вопреки желанию отца, не все постиг, а только набрался иностранных замашек. К счастью, он не перестал из-за этого любить меня, по-прежнему дает мне деньги, и я имею возможность веселиться со Звездочкой, Цветком и Дурман. Внешне я наследник отца, его полномочный представитель в вопросах культуры, а фактически всего лишь паразит. На дурные дела я не размениваюсь, но и на хорошие не способен. Приспосабливаюсь: мне все больше нравится это слово! – улыбнулся Маленький Скорпион, и Дурман засмеялась вместе с ним.

– Дурман – моя подруга, – продолжал Маленький Скорпион, предвосхитив мой вопрос, – подруга, с которой я живу, помимо жены. Это тоже иностранная привычка. Кормилица меня уже к шести годам всему научила, так что в двенадцать лет, когда я женился, меня отнюдь нельзя было назвать профаном. Моя жена все умеет, особенно рожать; отличная женщина, как говорит мой отец. Но мне больше нравится Дурман. У отца двенадцать наложниц, поэтому он и меня убеждает взять Дурман в наложницы, хотя ненавидит ее. Ко мне он относится лучше, потому что объясняет все иностранными замашками, но иногда злится и на меня. Дело в том, что мое сожителство с Дурман оказывает сильное влияние на нашу молодежь. Ты ведь знаешь, что отношения мужчин и женщин у нас сводятся только к блуду. Ради этого женятся, берут наложниц, ходят к проституткам, заключают свободные союзы. На первом месте дурманские листья, на втором – блуд. Поскольку для молодежи я образец, теперь все, кроме жен, имеют любовниц. Но старики ненавидят меня, потому что для любовниц по иностранному обычаю нужно снимать специальное жилье, тратить на них деньги, ссориться с родителями, если денег не хватает. В общем, мы с Дурман большие преступники.

– А совсем порвать с семьей ты не можешь? – спросил я.

– Что ты! Денег нет. Свободный союз – иностранный обычай, но он отнюдь не устраняет национальную привычку требовать деньги у стариков. Если эти обычаи не примирить, то к жизни не приспособишься.

– Почему же старики не разлучат вас?

– А что они могут сделать? Они-то и завели этот порядок, держат наложниц и, естественно, не борются по-настоящему со свободным браком. Ни они, ни мы – никто ничего не может

поделать. Старики домогаются наложниц, молодые – свободы; внешне идет борьба за принципы, а на самом деле за сожителство с кем захочешь. Во всех случаях рождается множество котят, которых некому ни кормить, ни воспитывать. Так делали и деды, и отцы, и мы так делаем. На свете нет ничего противнее ответственности.

– Но как же к этому относятся сами женщины?

– Скажи, Дурман! Ты ведь женщина, – попросил Маленький Скорпион.

– Я? Я люблю тебя, и мне нечего больше сказать. Если ты хочешь вернуться к жене, которая умеет рожать, иди. Когда я узнаю, что ты разлюбил меня, я просто съем сорок дурманных листьев, и все будет кончено!..

Комната осталась за мной, хотя ни я, ни Маленький Скорпион не говорили об этом. На следующий же день я начал свою исследовательскую работу. Никакого определенного плана у меня не было. Просто ходил и смотрел.

В конце улицы дети почти не показывались – все они сосредоточились здесь, около культурных учреждений, и я обрадовался: по-видимому, люди-кошки не забывают своих детей, воспитывают их, сейчас, должно быть, послали в школу.

Кошачьи дети – самые жизнерадостные существа в мире. Грязные (невероятно грязные, невозможно описать, до чего грязные), худые, вонючие, уродливые, безносые, прыщавые, но очень жизнерадостные. Я видел одного мальчишку, у которого физиономия вспухла, как глиняный горшок, рот даже закрыться не мог, щеки в кровь исцарапаны, а он прыгал, бегал и смеялся вместе со всеми. Мое оптимистическое настроение моментально улетучилось. Я не мог представить себе такого мальчишку в нормальной семье или школе. Живость? Только общество идиотов могло породить грязных, худых, вонючих, уродливых, безносых, но все-таки жизнерадостных детей. Это подражание взрослым и наказание им. Когда эти дети вырастут, страна станет еще грязнее, вонючее и уродливее. Я снова увидел грозный перст, занесенный над Кошачьим государством. Многоженство, свободные союзы, блуд – и ни единой мысли о будущем. Что за беспечность!

Но я все-таки не хотел спешить с заключениями и вслед за детьми направился к школе. Это была пустая площадка, окруженная стеной. Дети вошли в ворота, а я стал наблюдать с улицы. Одни школьники катались по земле, другие лезли на стену, третьи что-то рисовали на ней. Учителей не было. Наконец вдали появились трое взрослых, худых как скелеты. Казалось, они с самого рождения ни разу не ели досыта. Учителя – их профессию было теперь легко определить – шли медленно, держась за стену; при каждом дуновении ветерка останавливались и долго дрожали. Когда они вползли в ворота, школьники продолжали кататься, шуметь, лазать на стены. Чтобы отдышаться, учителя сели на землю, закрыли глаза и заткнули уши, так как дети шумели все больше. Потом учителя поднялись и стали уговаривать детей сесть, но те, видимо, решили ни за что не соглашаться. Промучавшись примерно с час, учителя догадались воскликнуть:

– За воротами иностранец!

Тут дети плюхнулись на землю и уже больше не смели повернуть головы.

Один из учителей заговорил.

– Первым делом споем государственный гимн, – сказал он.

Но никто не запел; все оторопело смотрели на учителя.

– Тогда восславим императора.

Все по-прежнему молчали.

– Помолимся богам!

Тут дети, не выдержав, начали толкать друг друга, кричать и ругаться.

– За воротами иностранец!

Школьники снова стихли.

– С вами хочет говорить директор.

Директор вышел вперед и воззрелся на склоненные головы.

– Сегодня для вас торжественный день, вы кончаете институт...

Я чуть не упал в обморок. Как?! Это институт, и эти сопляки кончают его? Но не надо давать волю чувствам, лучше внимательно послушать.

– Вы кончаете высшее учебное заведение, – продолжал директор, – и должны осознать, какая это торжественная минута. Теперь вы овладели всеми науками, и важнейшие дела государства легли на ваши плечи. Это огромная честь! – Директор протяжно и громко зевнул. – Все!

Преподаватели яростно заплодировали, а «студенты» снова начали шуметь.

– Иностранец!

Все стихли.

– Слово преподавателям.

Преподаватели долго пререкались, уступая друг другу очередь. Наконец один из них, особенно худой, сделал шаг вперед. Я сразу понял, что этот господин – пессимист, потому что в уголках его глаз повисли две огромные слезы.

– Господа, – сказал он с невыразимой печалью. – Сегодня вы кончаете высшее учебное заведение и должны осознать, какая это торжественная минута. – Одна из его слезиц капнула. – В нашей стране все учебные заведения высшие, это особенно приятно! – Упала вторая слезица. – Не забудьте добро, которое делали вам директор и преподаватели. Для нас большая честь быть нашими учителями, но вчера вечером умерла от голода моя жена, это... – Он долго боролся с собой и наконец взял себя в руки. – Не забудьте своих учителей, помогайте им чем можете: деньгами или дурманными листьями. Вы, наверное, знаете, что мы уже двадцать пять лет не получаем жалованья. Господа!.. – Он не мог больше продолжать и, пошатнувшись, сел на землю.

– Сейчас будут выдаваться дипломы.

Директор вытащил из-под стены кучу каменных пластинок, на которых было что-то написано (что именно, я не разглядел), положил их перед собой и произнес:

– Вы все заняли первое место, можете гордиться. Теперь подходите и берите любой диплом. Они абсолютно одинаковые, потому что все вы заняли первое место. Торжественное собрание объявляю закрытым.

Директор повернулся и медленно побрел к воротам, следом за ним поплелись преподаватели. Но студенты даже не думали о дипломах – они предпочли снова карабкаться на стенку, орать или кубарем кататься по земле.

«Что за чертовщина?!» – подумал я и пошел за объяснением к Маленькому Скорпиону. Его не оказалось дома; пришлось вернуться и продолжить наблюдения.

Наискосок от «института», который я только что видел, было другое учебное заведение, наполненное юнцами лет по пятнадцать-шестнадцать. Несколько юнцов прижали кого-то к земле и явно пытались его оперировать. Рядом толпа учащих связывала сразу двоих. Это, наверное, был семинар по биологии. Хотя подобные опыты показались мне слишком жестокими, я решил досмотреть до конца. Между тем связанных бросили к стене, а у оперируемого отрезали руку и подкинули ее в воздух!

– Посмотрим, как он теперь будет руководить нами, дохлая тварь! – кричали юнцы. – Ты хотел, чтобы мы учились? И еще не разрешал трогать девушек? Общество разложилось, а ты заставлял нас учиться?! Вырвать у него дьявольское сердце!

В воздух взлетело что-то кроваво-красное.

– Тех двоих связали? Тащите сюда одного!

– Директора или историка?

– Директора!

Я застыл от ужаса. Оказывается, они резали учителей! Вполне возможно, что эти учителя ничего хорошего не заслуживали, но я никогда не видел, чтобы школьники сами чинили расправу, да еще такую жестокую. Взбешенный этим фантастическим произволом, я выхватил пистолет и нажал курок, забыв, что для людей-кошек достаточно моего окрика. Отсыревшие

после дождя стены не выдержали натиска убежавших и рухнули, завалив и учителей, и их убийц. Я растерялся. Конечно, директор заслуживал смерти: засыпал в стену какую-то труху, а деньги, отпущенные на строительство, небось присвоил. Однако надо помочь придавленным. Я лихорадочно бросился разгребать мусор и выгасил многих, но каждый убегал от меня как сумасшедший, даже не стряхнув с себя грязи. Тяжелораненых не было. Я облегченно вздохнул и даже нашел это приключение забавным. В конце концов удалось извлечь директора и уцелевшего преподавателя, которые не убежали, потому что были связаны. Положив их в сторонке, я стал ворошить ногами мусор, стараясь определить, нет ли там еще кого-нибудь. Но больше никого не осталось, и я вернулся к связанным, чтобы снять с них путы.

К счастью, они очнулись без всякого лекарства, которого у меня и не было, и медленно сели, со страхом озираясь по сторонам. Я усмехнулся и задал первый из множества интересовавших меня вопросов:

– Кто из вас директор?

Они испуганно переглянулись и показали друг на друга.

«Совсем ошалели», – подумал я.

Они так же медленно поднялись, закивали головами и вдруг побежали, как две стрекозы, гоняющиеся друг за другом. Я решил, что они хотят размяться, но их уже и след простыл. Состязаться с людьми-кошками в беге было бесполезно. Я вздохнул и сел на землю.

Вот оно в чем дело! Едва очнувшись, они уже дрожали за свою шкуру, поэтому и показывали друг на друга, считая, что я тоже хочу убить директора! Я горько засмеялся – не над ними, а над обществом, в котором они живут. Всюду у них царит подозрительность, эгоизм, подлость, жестокость. Ни капли доверия, доброты, благородства! Раз ученики режут директора, значит он не смеет назваться директором даже перед другими. Мрак, мрак, крошечный мрак! Неужели они не видели, что я спас их? А-а, им, наверно, никогда никто не помогал! Я вспомнил посланницу с ее молодыми кошками. Должно быть, они до сих пор там гниют. Директора, преподаватели, учителя, посланницы, молодые распутницы... Где же люди? И вообще, что вокруг происходит?!

Чуть не заплакав, я снова отправился за объяснениями к Маленькому Скорпиону.

Вот что рассказал Маленький Скорпион:

– Кошачье государство древнее и имело свою систему образования еще тогда, когда многие страны Марса были населены дикарями. Но современные учебные заведения, которые ты сегодня видел, мы заимствовали из-за границы. Это отнюдь не значит, что подражание вредно; напротив, оно необходимо и является одной из движущих сил прогресса. Кроме того, оно показывает, кто вырвался вперед, а кто отстал. Недаром нашу систему образования никто не заимствовал, а мы были вынуждены заняться подражанием еще двести с лишним лет тому назад. Если бы мы подражали правильно, то давно стали бы вровень с другими государствами, но мы даже подражать не умеем, и получилась у нас одна глупость. Собственное не развили, чужому не научились... Да, я пессимист и считаю свою нацию слабой. Переделывать ее смешно, так же как и надеяться на наше образование. Ты спрашиваешь, почему маленькие дети у нас учатся в институтах?! Ты слишком наивен, вернее – недогадлив. Эти дети вовсе не учились, они пришли сегодня впервые. Если уж разыгрывать комедию, так до конца – этим только мы и славимся. История нашего образования за последние двести лет – это история анекдотов; сейчас мы добрались до заключительной страницы, и ни один умник уже не способен выдумать анекдот, который был бы смешнее предыдущих. Когда новое образование еще только вводилось, в наших школах существовали разные классы, учеников оценивали по качеству знаний, но постепенно экзамены были упразднены (как символ отсталости), и ученик кончал школу, даже если не ходил в нее. К сожалению, выпускники начальных школ и университетов пользовались неравными привилегиями, и это вызвало недовольство учащихся начальной школы: «Ведь мы ходим на уроки не меньше, чем студенты!» Тогда была проведена кардинальная реформа, согласно которой день поступления в школу считался одновременно днем окончания университета. А потом... Прости, «потом» не было. Какое тут может быть «потом»?

Реформа оказалась прекрасной – для Кошачьего государства. По статистическим подсчетам, наша страна сразу заняла первое место на Марсе по числу людей с высшим образованием. Мы очень обрадовались, хотя и не возгордились: люди-кошки любят только факты. Это же факт, что у нас больше всего людей с высшим образованием, поэтому все удовлетворенно улыбались. Император был доволен реформой потому, что она свидетельствовала о его любви к народу, к просвещению. Учителя были довольны тем, что все они стали преподавателями университетов, что все учебные заведения превратились в высшие, а все ученики стали первыми. Отцы семейств с удовлетворением взирали на своих семилетних сопляков, которые кончали университеты, так как умные дети – гордость отцов и матерей. Об учениках я уже не говорю: они были просто счастливы, что родились в Кошачьем государстве. Достаточно им было не умереть к семилетнему возрасту, как высшее образование обеспечено. Еще больший эффект принесла эта реформа с экономической точки зрения. Раньше императору приходилось ежегодно выделять средства на образование, а образованные люди часто начинали вредить ему. За свои же деньги такие неприятности! Теперь стало иначе: император не тратил ни монеты, число людей с высшим образованием все увеличивалось, и ни один из них даже не думал затронуть Его Величество. Правда, многие учителя померли с голоду, но крови проливалось куда меньше, чем прежде, когда преподаватели ради заработка подсиживали друг друга, ежедневно губили своих коллег и подбивали студентов на волнения. Сейчас император просто не давал им жалованья, из-за которого можно было бы соперничать. На протесты Его Величество не обращал внимания или посылал в качестве арбитров солдат. Прежде учителей защищали студенты, но теперь учащиеся

непрерывно менялись и помогать никому не желали. Преподавателям оставалось только ждать голодной смерти, а это смерть благородная: против нее император не возражал. Разрешилась и проблема платы за обучение. Теперь отцам семейств достаточно было послать ребенка в школу и дать ему немного еды, если она была. Если же еды не было, то не все ли равно, где голодать: дома или в школе? По крайней мере отпрыск получит высшее образование. На книги и письменные принадлежности тратиться не приходилось, потому что в школу ходили не учиться, а получать диплом. Ну скажи, разве не прекрасная реформа?

Ты спрашиваешь, почему люди еще соглашались быть директорами или преподавателями? Это связано с двухвековой исторической эволюцией. Сначала предметы в школах были разные и специалисты из этих школ выходили разные. Одни изучали промышленность, другие – торговлю, третьи – сельское хозяйство... Но что они могли делать после окончания? Для тех, кто изучал машины, мы не приготовили современной промышленности; изучавшие торговлю были вынуждены становиться лоточниками, а стоило им начать дело покрупнее, как их грабили военные; специалистам по сельскому хозяйству приходилось выращивать только дурманные деревья. Словом, школы никак не были связаны с жизнью, и у выпускников оставалось два основных пути: в чиновники или в преподаватели. Для того чтобы стать чиновником, нужно было иметь деньги и связи, лучше всего при дворе, тогда ты одним скачком мог оказаться на небе. Но у многих ли бывают сразу и деньги, и связи? Большинству приходилось идти в учителя, потому что люди, получившие новое образование, неохотно становились ремесленниками или лоточниками.

Постепенно общество разделилось на два класса: окончивших и не окончивших школу. Первые старались стать чиновниками или преподавателями, а вторые довольствовались ролью простолудинов. Сейчас я не буду говорить, как это повлияло на политику, но наша система образования превратилась в заколдованный круг. Скажем, я закончил школу и начал учить твоих детей, твои дети закончили школу и начали учить моих внуков. Учили все время одно и то же, учителя вырождались, все больше юнцов кончало школы, и выпускники, кроме немногих, становившихся чиновниками, также начинали преподавать. А откуда наберешь столько школ? Опять анекдот! Это циклическое образование основывалось лишь на нескольких канонизированных учебниках и совершенно не требовало нравственного воспитания. О благородстве и добродетели было забыто. Не удивительно, что борьба за преподавательские места иногда выливалась в настоящую войну, сопровождающуюся кровопролитиями и убийствами, – войну, которую объясняли тягой к просвещению. Тем временем император, политики и военные начали присваивать учительское жалованье, и учителя, вынужденные кланяться себе на пропитание, совершенно прекратили готовиться к занятиям. Учащиеся раскусили своих наставников, перестали ходить на уроки и подняли движение, о котором я только что говорил, – за то, чтобы кончать школу не учась. Император, политики и военные поддержали эту кампанию и совсем перестали отпускать средства на просвещение – им давно уже казалось, что учителя вовсе не нужны. Но школы они не могли закрыть, боясь насмешек иностранцев, поэтому объявили о праве кончать университет в один день. Так циклическая система обучения превратилась в отсутствие какого-либо обучения. Школы по-прежнему были открыты, а расходов – ни гроша.

В разгар этого движения наставников молодежи охватила особая страсть к «науке»: днем и ночью они ссорились из-за школьного имущества, например, из-за столов и стульев. Когда ассигнования на школы были прекращены, директора и преподаватели стали тайком распродавать это имущество, стремясь перейти в те школы, где столов и стульев осталось больше. Снова начались кровопролитные драки. Но император был гуманен и не мог запретить преподавателям, которых он сам разорил, торговать столами и стульями. Школы превратились в

рынки, а затем в пустыри, окруженные стенами.

Теперь ты сам можешь понять, откуда берутся директора и учителя. Ведь они все равно бездельничают, почему бы при этом не числиться на службе? Кроме того, преподавательское звание почетно: студент превращается в учителя, учитель в директора школы, продвигаясь по несуществующей служебной лестнице. Жалованья преподавателям не платят, но иногда они могут стать чиновниками, а это уже дело нешуточное. Если в школе ничему не учат, то как научиться читать? По старинке: надо откопать настоящего учителя и пригласить его на дом. Конечно, это доступно только богатым – большинство детей вынуждено ходить в школы.

Раньше в школах чему-то учили. Но ведь наука непрестанно движется вперед, ищет истину, а когда эта наука попадала к нам, она седела и плесневела. Мы как будто отрезали кусок чужого мяса, налепливали его на себя и ничуть не заботились о том, чтобы оно приросло. Вызубрив кучу сведений, мы не умели самостоятельно мыслить. Это было профанацией науки, но тогда, по крайней мере, верили, что налепленный кусок чужого мяса поможет Кошачьему государству сравняться с другими странами. А сейчас все думают, что школы предназначены лишь для борьбы за директорские места, для избиения преподавателей и потасовок, так что от профанации наук мы перешли к ниспровержению наук.

В домашних школах новые знания тоже нельзя получить; здесь штудируются только древние каменные книги, которые за последнее время подорожали в десять раз. Мой дед страшно доволен этим, считает, что все эти заморские новшества потерпели крах и достоинство нации спасено. Отец также доволен, но по другой причине: он послал меня за границу специально для того, чтобы я выучился разным новациям и помог ему обманывать владельцев каменных книг. Как хитрый человек, он понимает, что расцвет государства могут обеспечить лишь люди, приобщенные к иностранной учености. Однако большинство наших граждан солидарны с дедом, воображая, будто новые науки – это дьявольские фокусы, которыми морочат людям головы, натравливают молодежь на родителей, на учителей и так далее. От подобного ниспровержения наук очень близко до гибели государства.

Ты спрашиваешь, чем вызван крах нашей системы образования? Я не знаю точно... Думаю, что утратой человечности. Даже в самом начале знакомства с новыми науками они понадобились только для наживы, для создания всяких ценных безделушек, а не для познания истин, которые можно передать потомкам. Такой взгляд на образование лишил воспитателей главного – обязанности воспитывать, развивать в учениках способность к самостоятельному мышлению. Да, в новых школах не оказалось людей: директора и преподаватели ссорились из-за денег, ученики готовились к тому же; словом, в школах занимались чем угодно, кроме воспитания. Человечности не было ни у императора, ни у политиков, ни у народа – естественно, что страна обеднела, а в стране, где даже едят не досыта, люди еще больше теряют человеческий облик. Но это не оправдывает воспитателей. Они должны были понимать, что страну можно спасти только знаниями и человечностью, должны были пожертвовать мелочной выгодой, раз уж согласились стать директорами школ или учителями. Возможно, я предъявляю к ним чрезмерные требования. Все люди боятся голодной смерти – от проститутки до преподавателя; я, пожалуй, не имею права упрекать их. Но ведь есть женщины, которые готовы умереть, но не торговать собой. Так почему же мои соотечественники, занимающиеся воспитанием, не могли сохранить в себе хоть каплю человеческого достоинства?

Конечно, правительство всегда обижает честных людей, и обижает тем больше, чем они честнее. Но даже самое дурное правительство не может вовсе не считаться с народом. Если бы наши воспитатели были настоящими людьми и пытались вырастить таких же настоящих людей, общество рано или поздно оценило бы их усилия, особенно если бы эти усилия принесли плоды. Тогда задумалось бы и правительство, которое сейчас презирает образование и не дает на него

средств. У нас часто говорят, что страна погружена во мрак. А кто должен просвещать ее, как не культурные люди?! Если они не будут помнить о своей ответственности, не будут чувствовать себя звездами в темной ночи, нам не на кого будет надеяться! Мой взгляд односторонен, идеалистичен, но должен же быть у нас какой-то идеал? Я знаю, что ни правительство, ни общество не любят помогать культурным людям, но ведь темному народу вообще никто не будет помогать.

Ты видел, как режут преподавателей? Удивляться нечему – это результат воспитания. Когда жестоки учителя, жестоки и ученики; они деградируют, впадают в первобытное состояние. Прогресс человечества идет очень медленно, а регресс – мгновенно: стоит утратить гуманность – и ты снова дикарь. К тому же наши «новые» школы существуют больше двухсот лет, и все это время ежедневно шли драки между директорами, преподавателями, учащимися. Битье способствует одичанию, поэтому убийство директоров или преподавателей сейчас самое заурядное явление. И не сокрушайся о них: благодаря нашей циклической системе учащиеся, в свою очередь, станут директорами либо преподавателями, и их тоже прирежут. В этом мрачном обществе люди звереют, едва родившись на свет. Они рыщут повсюду за лакомым куском, за ничтожной выгодой и всегда готовы пустить в ход и зубы и когти. Ради одного-единственного дурманного листа они способны усеять землю трупами. Для молодежи волнения естественны, но у нас они приобретают особый характер. Ухватившись за какой-нибудь громкий лозунг, учащиеся рушат дома, ломают вещи, а затем разворовывают кирпичи и обломки. Отцы семейств очень довольны этим, потому что после каждого студенческого волнения в доме оказывается несколько лишних палок или кирпичей. Уцелевшие директора школ и преподаватели получают новый повод для воровства – в общем, все они негодяи, которые соперничают друг с другом. Таково наше воспитание. Оно превращает человека в зверя – значит, его нельзя назвать бездейственным!

Слушая Маленького Скорпиона, я не мог не учитывать его склонности к скепсису, но ведь убийство преподавателей совершилось на моих глазах. Как бы я ни сомневался в пессимистических выводах собеседника, возразить было нечего, поэтому я спросил:

– А есть ли у вас ученые?

– Есть, и очень много! – не без иронии ответил Маленький Скорпион. – Обилие ученых свидетельствует либо о расцвете культуры, либо о ее упадке. Смотря что понимать под учеными. Я не собираюсь давать собственное определение, но если ты хочешь посмотреть на наших ученых, могу кликнуть.

– То есть пригласить?

– Кликнуть! На приглашение они как раз не откликнутся – ты еще их не знаешь. Дурман, тащи сюда несколько мудрецов, скажи, что я дам им листьев. Пусть Звездочка и Цветок помогут тебе.

Девушка со смехом вышла. Мне так хотелось повидать ученых, что я забыл обо всех других вопросах и сидел молча. Но вскоре появилась Дурман с подругами, пока что без ученых. Они сели вокруг меня.

– Осторожнее, назревает допрос! – шутливо предупредил Маленький Скорпион.

Девушки захихикали.

– Можно нам и в самом деле кое о чем спросить тебя? – начала Дурман.

– Пожалуйста, только я не мастер любезничать, – ответил я, невольно подражая игривому тону Маленького Скорпиона.

– Скажи, как выглядят ваши женщины?

Я почувствовал, что могу потрясти их воображение:

– Наши женщины тоже пудрятя. (Все ахнули.) Но выделяют разные красивые штуки со своими волосами: то отращивают их, то подрезают, то расчесывают на пробор, то укладывают в пучок, то мажут ароматным маслом или обрызгивают духами. (Мои слушательницы взглянули на кудрявые волосы друг друга и разочарованно закрыли свои смешные круглые рты.) В уши они вдевают серьги с жемчугом или драгоценными камнями, которые кольшутся и поблескивают, когда женщина ходит. (Девушки схватились за свои крохотные ушки, а одна – кажется, Цветок – даже попыталась немного вытянуть их.) Руки, ноги и шею они часто оставляют открытыми, но остальное закрывают: это еще соблазнительнее, чем ходить совсем голыми. – Я нарочно подсмеивался над девушками. – Голый человек может пленить только красотой тела, но оно у всех почти одинаково, а разноцветные одежды придают ему особую прелесть. Поэтому-то наши женщины и одеваются, даже летом, хотя они умеют и раздеваться. Еще они носят туфли – кожаные, матерчатые, с высокими каблуками, с острыми носами, иногда вышитые или разукрашенные. (Рты девушек походили на безмолвную букву «О».) В той стране, где я родился, женщины раньше бинтовали ноги, и они были у них совсем маленькие. Сейчас уже перестали бинтовать...

– Почему?! – закричали все, не дожидаясь продолжения. – Глупые! Ведь маленькие ножки – это так красиво!..

Видя, что девушки совсем потрясены, я пошел на попятную:

– Не волнуйтесь! Дайте договорить! Они перестали бинтовать ноги, но зато начали носить туфли на высоком каблуке и стали выше, стройнее. Правда, при этом у них искривились кости, и им иногда приходится ходить, держась за стены. Они часто ковыляют, падают, особенно если

каблуки сломается...

Все притихли, проникшись уважением к земным женщинам, и спрятали собственные ноги. Я уже хотел переменить тему разговора, но туфли с высокими каблуками оказались слишком притягательными.

– А какой высоты эти каблуки? – спросила одна.

– На туфлях рисуют цветы, да? – подхватила другая.

– Когда идешь, каблучки стучат?!

– Как же искривились кости? Сами собой или нужно сначала искривить кости, а потом туфли надевать?

– Ты говорил про кожаные туфли. Человеческая кожа для них годится?

– А какие вышивки, какого цвета?

Я мог бы крупно разбогатеть, если бы умел выделывать кожу или шить туфли. Но едва я успел сообщить, что наши женщины умеют не только наряжаться, как пришли ученые.

– Дурман, – сказал Маленький Скорпион, – приготовь сок из листьев. А вы, – обратился он к остальным девушкам, – ступайте обсуждать туфли на высоком каблуке где-нибудь в другом месте.

Ученых явилось сразу восемь. Поклонившись Маленькому Скорпиону, они сели на пол и возвели очи горе. Меня они не удостоили даже взглядом.

Дурман дала им по чашке сока, они выпили и закрыли глаза, давая понять, что решительно не желают смотреть на меня. Это было очень кстати, потому что я мог подробно рассмотреть их.

Все ученые оказались страшно худыми и грязными; даже их маленькие уши были набиты грязью. Двигались они еще медленнее, чем Большой Скорпион.

Сок дурманных листьев, видимо, произвел свое действие: они открыли глаза и снова устремили их ввысь. Наконец один из мудрецов заговорил:

– Я первый ученый во всем Кошачьем государстве!

Его коллеги беспокойно зашевелились, стали чесаться, скрипеть зубами и хором воскликнули:

– Ты первый?! Ты такой же мерзавец, как твои отец и дед!

Я подумал, что они кинутся друг на друга, но первый ученый, видимо, привык к ругани и только засмеялся:

– Наш род уже три поколения изучает астрономию. Астрономию! А вы кто такие?! Заморские астрономы используют множество всяких приборов, подзорных труб, а мы уже три поколения наблюдаем звезды простым глазом – вот где настоящие способности! Мы изучаем влияние звезд на человеческую судьбу, на счастье и несчастье – разве иностранцы понимают что-нибудь в этом? Вчера ночью, когда я наблюдал звезды, Венера стояла прямо над моей головой. Кого же следует назвать первым ученым нашей страны?

– Меня, – пошутил Маленький Скорпион, – потому что мне Венера улыбалась.

– Вы совершенно правы, господин! – ответил астроном и умолк.

Остальные ученые тоже подтвердили, что Маленький Скорпион совершенно прав, после чего все они погрузились в глубокомысленное молчание.

– Ну говорите же! – приказал Маленький Скорпион.

– Я первый ученый во всем Кошачьем государстве, – изрек другой, бросив вокруг победоносный взгляд. – Что такое астрономия? Чистейшая ерунда. Ученость начинается с письмен, и это единственная наука. Я тридцать лет изучал письмена. Кто посмеет не признать меня первым ученым?!

– Пошел к собачьей матери! – откликнулись остальные ученые мужи.

Но специалист по письменам был не так робок, как астроном. Вцепившись в одного из

своих коллег, он заорал:

– Так ты не признаешь?! Отдай сперва свой долг – дурманный лист, который ты у меня занял! Иначе я сверну тебе башку, не будь я первым ученым!

– Я, всемирно известный ученый, буду занимать у тебя дурманный лист?! Оставь меня в покое, не пачкай мою руку!

– Съел чужой дурманный лист и еще отнекиваешься?! Хорошо, погоди, когда я сочиню историю письмен, я докажу, что среди древних слов не было твоей фамилии! Погоди!

Ученый, не признавший долга, испугался и стал умолять Маленького Скорпиона:

– Господин, одолжи мне скорее один лист, я рассчитаюсь с ним! Ты ведь знаешь, что я первый ученый, в нашей стране, а ученые всегда без денег. Может, я и брал у него этот проклятый лист, не помню точно. И еще молю тебя, господин: попроси у своего отца, чтобы он давал ученым больше дурманных листьев. Другие без них в состоянии обойтись, но мы (особенно я, первый ученый) просто не можем иначе заниматься наукой. Недавно я выяснил, что наши предки действительно сдирали кожу с живых соплеменников. Скоро я напишу об этом статью и буду умолять твоего отца передать ее императору. Тогда Его Величеству будет удобнее восстановить этот интересный и имеющий глубокие исторические корни род казни. Разве такое открытие не делает меня первым ученым? Подумаешь, изучение письмен! Только история – подлинная наука!

– А разве история не пишется? Отдавай мой дурманный лист! – Позиция лингвиста была непоколебимой.

Маленький Скорпион велел одной из девушек принести историку лист, но тот отломил половину, прежде чем передать его лингвисту.

– Возвращаю тебе, хотя и не следовало бы.

– Ах, ты отдаешь только половину?! – завопил лингвист. – Будь я проклят, если не украду твою жену!

Тут все ученые необычайно заволновались и стали жаловаться Маленькому Скорпиону:

– Господин, почему у нас, ученых, бывает только по одной жене? Не удивительно, что мы вынуждены думать о похищении чужих женщин! Мы трудимся во славу своего государства, наши потомки пронесут через века научный опыт многих поколений, почему же каждому из нас нельзя иметь хотя бы по три жены?

Маленький Скорпион молчал.

– Возьмем, к примеру, звездные скопления. Там вокруг большой звезды всегда много маленьких. Если небо так создано, то и у людей должно быть так же, во всяком случае, у меня, первого ученого. К тому же моя жена совсем старая, она ни на что не годится.

– А вспомним форму письменных знаков, которые издревле содержали изображение частей женского тела. В одной своей работе я совершенно неопровержимо доказал, что у ученого должно быть много жен...

Далее пошли туманные и не совсем приличные доказательства, из которых, однако, было ясно, для чего ученым нужны жены. Маленький Скорпион по-прежнему молчал.

– Может быть, вы устали, господин? Мы...

– Дурман, дай им немного листьев, и пусть убираются! – проговорил наконец Маленький Скорпион.

– Благодарим вас, господин, извините! – зашумели ученые мужи.

Потом они схватили дурманные листья, поклонились Маленькому Скорпиону и, переругиваясь, выкатились за дверь. На смену им тут же влетела стая молодых ученых. Они давно ждали за дверью и не входили только потому, что боялись встретиться со своими старшими коллегами. Когда встречались представители старых и новых наук, совершалось, по

крайней мере, два убийства.

У молодых ученых вид был гораздо лучше, чем у старых: не грязные, вполне упитанные и жизнерадостные. Прежде чем сесть, они поздоровались не только с Маленьким Скорпионом и со мной, но даже с девушкой. Я приободрился: видимо, у Кошачьего государства еще есть надежда.

– Это те ребята, которые учились по несколько лет за границей и все постигли, – прошептал мне на ухо Маленький Скорпион. Его замечание меня несколько охладило, особенно когда гости вцепились в предложенные им дурманные листья.

Поев, молодые ученые начали разговаривать, но я ничего не понял, хотя от Маленького Скорпиона уже знал немало новых слов. В ушах стояли какие-то «варэ», «вский» [2] и прочее. Я заволновался, потому что гости явно обращались ко мне. Наконец до меня дошел смысл одного из вопросов:

– Что это на вас надето, господин иностранец?

– Штаны, – ответил я, чувствуя себя довольно неловко.

– А зачем они?

– О какой ученой степени они свидетельствуют?

– Наверное, ваше общество делится на классы штанных и бесштанных?

Я выдавил из себя лишь глупую усмешку. Они были очень раздосадованы, пощупали мои рваные штаны, потом снова затараторили. Мне стало скучно. Наконец молодые ученые ушли, и я спросил Маленького Скорпиона, о чем они говорили.

– Ты меня спрашиваешь? – улыбнулся Маленький Скорпион. – А я кого спрошу? Ничего они не говорили.

– Ну как же? Они говорили «варэ», «вский»...

– Это обычные иностранные слова, означающие «химия» и «роль» [3], только эти субъекты употребляют их без понятия, как придется. Умеющие произносить такие выражения и называются учеными нового типа. Слова «варэ», «вский» да еще «изм» стали в последнее время особенно модными. Первые два слова, сливаясь, означают все, что угодно: «Родители бьют ребенка», «Император ест дурманные листья», «Ученый покончил с собой»... Произноси их – и тебя тоже сочтут ученым. Главное – существительные. Глаголы не нужны, а прилагательные образуются от существительных.

– Почему они спрашивали меня про штаны?

– А почему девушки расспрашивали о туфлях на высоком каблуке? Молодые ученые похожи на женщин: они тоже стараются быть чистыми, красивыми и модными. Старые ученые напрямик требуют девок, а молодые сперва хорохорятся. Вот погоди, через несколько дней они все наденут штаны...

Мне показалось, что в комнате стало слишком душно; я извинился перед Маленьким Скорпионом и вышел на улицу. Цветок и ее подруги, привязав к пяткам куски кирпича и держась за стену, учились ходить на высоких каблуках.

Да, у этого пессимиста было что позаимствовать. Он, по крайней мере, сначала размышлял, а потом уж предавался своему пессимизму. Возможно, Маленький Скорпион недалновиден или труслив, но мне он все больше нравился, да и на молодых ученых я еще не поставил крест. Даже если они не уступают в глупости старым, они хоть живые и веселые. Маленькому Скорпиону стоило бы позаимствовать у них оптимизм, и тогда, быть может, он совершил бы немало полезного. Мне захотелось еще раз повидать молодых ученых, и я узнал у Дурман, где они живут.

По дороге я прошел мимо многих школ, или институтов, то есть пустырей, окруженных стенами. Когда я видел учеников, разгуливавших по улице, мои глаза наполнялись слезами. Эти юнцы (особенно те, что были постарше) выглядели невероятно самодовольными: точь-в-точь как Большой Скорпион, возлежавший на головах семи кошек. Они, наверное, воображали себя божественными избранныками и не понимали, что их государство самое жалкое во вселенной. Только очень глупые воспитатели могли взрастить столь невежественных юнцов. И все же, думал я, к двадцати годам человек должен что-то соображать, а не чувствовать себя в аду, как в раю. Я чуть было не начал спрашивать у них, чем они так довольны, но вовремя сдержался.

Один из молодых ученых, к которому я шел, заведовал музеем, что было весьма кстати. Музей оказался довольно большим зданием из двадцати или тридцати комнат. У входа, прислонившись к стене, сидел привратник и сладко спал. Кроме него, здание никто не охранял, а все двери были открыты. Удивительно, ведь люди-кошки воруют что попало. Не осмелившись потревожить привратника, я вошел в музей, прошел через два пустых зала и здесь наткнулся на своего нового знакомого. Он очаровал меня своим весельем, опрятностью, вежливостью. Фамилия его была Кошкарский. Я чувствовал, что она иностранного происхождения, и боялся, как бы, сопровождая меня по музею, он не замучил меня незнакомыми словами. Лишь бы он не называл экспонаты «варэ» или «вский», и тогда все будет в порядке.

– Пожалуйста, проходите сюда! – радушно пригласил Кошкарский. – Это зал каменной утвари восьмого тысячелетия до нашей эры. Утварь разложена по новейшей системе. Посмотрите!

Я оглянулся – ничего нет. Что за наваждение?! Но Кошкарский уже показывал на стены:

– Перед вами древний каменный сосуд, на котором вырезана какая-то иностранная надпись, стоит три миллиона национальных престижей.

Теперь я действительно заметил надпись, но не на сосуде, а на стене – там, где когда-то, видимо, стоял драгоценный сосуд.

– Перед вами каменный топор, которому исполнился десять тысяч один год, цена двести тысяч национальных престижей, это – триста тысяч престижей, это – четыреста тысяч...

Мне нравилось только одно – что он так бегло называет цену экспонатов. Мы вошли в следующий пустой зал. Кошкарский продолжал все тем же бодрым и почтительным тоном:

– А тут хранятся древнейшие книги мира, которым перевалило за пятнадцать тысяч лет. Разложены по новейшей системе.

Он начал перечислять названия книг и их цену, но я не увидел ничего, кроме нескольких тараканов на стене.

Когда мы вышли из десятого пустого зала, мое терпение иссякло. Я уже хотел распрощаться с Кошкарским и уйти, как вдруг перед последним залом увидел около двадцати солдат с дубинками. Видимо, они что-то охраняют? В зале действительно были экспонаты, и я возблагодарил небо и землю. Хоть в одном из одиннадцати залов что-то есть – значит, я пришел

не напрасно.

– Вы пришли очень удачно, – подтвердил Кошкарский. – Через каких-нибудь два дня вы бы и этого не увидели. Перед вами глиняная утварь десятого тысячелетия до нашей эры, разложенная по новейшей системе. Двенадцать тысяч лет назад эти сосуды были самыми прекрасными в мире, но потом, начиная с шестого тысячелетия до нашей эры, мы утратили секрет гончарного искусства и до сих пор не можем вновь обрести его.

– Как же так? – спросил я.

– О, вский! – воскликнул мой гид, приведя меня в полнейшее недоумение. – Это самые драгоценные предметы на Марсе, но они уже проданы иностранцам за три биллиона национальных престижей. Если бы правительство не поторопилось, оно могло бы выручить за них, по крайней мере, пять биллионов, потому что два биллиона мы получили даже за каменные сосуды, которым нет еще десяти тысячелетий. Правительство просчиталось, и мы, посредники, получим меньше комиссионных. Это ужасно! Чем мы будем кормиться? Жалованья нам не выдают уже несколько лет. Правда, на комиссионных можно неплохо заработать, но ведь мы ученые нового типа, и нам нужно во много раз больше денег, чем старым ученым. Мы пользуемся только импортными вещами, а каждая такая вещь могла бы прокормить дюжину старых ученых!

Безмятежная физиономия Кошкарского вдруг помрачнела.

– Как случилось, что утрачен секрет гончарного искусства? О, вский! Почему продаются древности? Чтобы заработать на них. У меня уже не осталось никаких иллюзий в отношении новых ученых. Мне лишь хотелось обнять оставшиеся сосуды и разрыдаться. Итак, торговля музейными редкостями служит одним из источников правительственного дохода, а ученые получают комиссионные да докладывают посетителям цены.

– Что же будет, когда вы продадите последние экспонаты и не сможете больше получать комиссионных?

– О, вский!

Я понял, что это слово означает для него приспособленчество, в тысячу раз более подлое, чем у Маленького Скорпиона. Кошкарский с его восклицаниями стал мне омерзителен, но дурманные листья располагают к апатии, и я не надавал своему гиду пощечин. С какой стати мне, китайцу, вмешиваться в дела людей-кошек?

Не попрощавшись с Кошкарским, я вышел, и мне чудилось, будто за мной вдогонку несутся стенания похищенных реликвий.

На улице я немного успокоился и подумал, что для кошачьих древностей, пожалуй, счастье попасть за границу. Раз люди-кошки все разворовывают и уничтожают, пусть уж лучше их реликвии хранят иностранцы. Разумеется, это ничуть не оправдывает Кошкарского. Хотя торговля затеяна не им, он бессовестно поддерживает ее и вообще забыл о чести и совести. Мне всегда казалось, что человечество чтит свою историю, а люди-кошки безжалостно порывают даже с отечественной историей. К тому же Кошкарский образован. Если так поступают ученые, то что же творит невежественная масса?!

У меня пропало желание идти к другим новым ученым и смотреть культурные учреждения. Показавшаяся впереди библиотека вновь сулила «хитрость с пустой крепостью» [4]. Само здание было неплохое, хотя явно не ремонтировалось уже много лет. Но когда из библиотеки вышла группа школьников, которые, должно быть, читали там книги, во мне снова пробудилось любопытство.

Войдя в ворота, я увидел на стенах множество свежих надписей: «Библиотечная революция». Интересно, против кого она направлена? Размышляя об этом, я вдруг споткнулся о лежащего человека, который тотчас заорал: «Спасите!»

Рядом с ним валялись еще больше десяти жертв, связанных по рукам и ногам. Едва я развязал их, как они трусливо сбежали – все, кроме одного, в котором я узнал молодого ученого. Это он просил о помощи.

– Что здесь происходит?! – изумился я.

– Снова революция! На этот раз библиотечная.

– Против кого же она?

– Против библиотек. Посмотри, господин! – Ученый показал на свои ляжки.

Я увидел короткие штаны, на которые прежде не обратил внимания. Но как они связаны с библиотечной революцией? Ученый объяснил мне это:

– Ведь ты носишь штаны, и мы, ученые, призванные знакомить народ с передовой наукой, передовой моралью и обычаями, тоже надели штаны. Это революционный акт...

«Вот так революция!» – подумал я.

– К сожалению, студенты соседнего института узнали о нашем революционном акте, явились сюда и потребовали каждый по паре штанов. Я – заведующий библиотекой, и прежде, когда торговал книгами, постоянно давал часть своей выручки студентам. Дело в том, что они преданы кошкизму, а кошкисты – народ опасный. К сожалению, они ревностно проводят свои принципы и потребовали у меня штаны. Я не мог на них напасть, и студенты восстали. Мой революционный акт состоял в том, что я надел штаны; их – в том, чтобы сшить штаны, каких нет ни у кого. В общем, они связали нас и похитили все мои ничтожные сбережения!

– Надеюсь, книги они не растащили? – воскликнул я, беспокоясь о библиотеке, а не о его сбережениях.

– Нет, их не могли растащить, потому что последняя книга продана пятнадцать лет назад. Сейчас мы занимаемся перерегистрацией.

– Что же вы регистрируете, если книг нет?

– Дом, стены... Готовимся к новой революции, хотим превратить библиотеку в гостиницу и получать хотя бы небольшую аренду. Фактически здесь уже несколько раз квартировали солдаты, но с гражданской публикой было бы как-то удобнее...

Мне очень хотелось уважать людей-кошек, и именно поэтому я не стал больше слушать, иначе я мог бы перейти на брань.

Ночью снова полил дождь, который в Кошачьем городе был лишен всякой поэтичности. Трудно предаваться лирическому настроению, когда слышишь треск и грохот стен, падающих одна за другой. Город походил на морской корабль в бурю. Каждую минуту он сотрясался, ожидая своей гибели, но разве это было бы так уж плохо? Я вовсе не жаждал крови и лишь желал людям-кошкам легкой смерти, от обычного дождя. Ради чего они живут? В их истории произошла какая-то нелепая ошибка, за которую они теперь вынуждены расплачиваться. Впрочем, собственные мысли тоже казались мне пустыми и эфемерными.

Ладно, поразмышляю – все равно не уснуть. Что означает, например, кошкизм или другие слова, которыми умудрились немало навредить себе люди-кошки? Я вспомнил о студентах, «преданных кошкизму». На Земле студенчество всегда было носителем передовой мысли, но иной раз его горячность оказывалась поверхностной, а политическая острота сводилась к жонглированию несколькими новыми словами. Если здешние студенты именно таковы, то мне остается лишь закрыть глаза на будущее Кошачьего государства. Винить во всем студенчество несправедливо, но я не должен идеализировать его только потому, что возлагаю на него надежды. Мне так захотелось познакомиться с кошачьей политикой, что я не спал почти всю ночь. Хотя Маленький Скорпион и отрицал свою причастность к политике, я могу узнать у него исторические факты, без которых невозможно понять современную жизнь.

Чтобы не упустить Маленького Скорпиона, я встал очень рано и сразу же обратился к нему с вопросом:

– Скажи мне, что такое кошкизм?

– Политическое учение, согласно которому люди-кошки живут друг для друга, – ответил он, жуя дурманный лист. – При кошкистском строе общество представляет собой большой слаженный механизм, каждый человек в нем играет роль винтика или шестеренки, но все работают спокойно и счастливо. Совсем неплохое учение.

– Какие-нибудь государства на Марсе уже осуществляют подобный строй?

– Да, уже более двухсот лет.

– А ваша страна?

Маленький Скорпион задумался. Мое сердце прыгало от нетерпения. Наконец он сказал:

– Мы тоже пытались, шумели. Я даже не помню учения, которое бы мы не пытались осуществить.

– Что значит «шумели»?

– Предположим, у тебя непослушный ребенок. Ты его ударил. Я узнал об этом и ударил своего ребенка – не потому, что он непослушный, а просто в подражание тебе. Поднимается шум, шумиха. То же самое и в политике.

– Расскажи, пожалуйста, подробнее, – попросил я. – Может, шумиха – это не так уж плохо, если она приводит к переменам.

– Перемены – не всегда прогресс...

Я улыбнулся. Ну и ядовит же этот Маленький Скорпион! А он продолжал после недолгого молчания:

– На Марсе больше двадцати стран, у каждой свое политическое направление, своя история. А мы случайно узнаем о какой-нибудь стране и поднимаем у себя шумиху. Потом услышим, что в другой стране произошла реформа – снова не обходимся без шумихи. В результате другие страны действительно проводят реформы, а мы – нет. Особенность наша в том, что чем больше мы

шумим, тем хуже нам живется.

– Пусть не по порядку, но говори конкретнее, – снова попросил я.

– Хорошо, начну со свор.

– Свор?!

– Это заимствование, нечто вроде штанов. Не знаю, есть ли что-либо подобное у вас на Земле. Собственно, это организация, в которую объединяются кошки, одержимые политическими амбициями. Почему эти объединения называются сворами, я еще поясню... С древности мы беспрекословно подчинялись императору, не смели даже пискнуть и считали высшей добродетелью так называемую «моральную чистоту». И вдруг из-за границы прилетела весть о том, что народ тоже может организовываться и участвовать в правлении. Как ни листали мы древние книги, но подходящего слова на кошачьем языке найти не могли: единственное объединение, которое удалось обнаружить, принадлежало собакам, поэтому мы и назвали свои организации сворами. С тех пор в нашей политике произошло немало изменений, однако я уже говорил тебе, что политикой не занимаюсь, знаю только факты.

– Да, да, факты, – подхватил я, боясь, как бы он не умолк.

– Первая политическая реформа состояла в том, что императора попросили сделать правление более гуманным. Он, конечно, не согласился, тогда реформаторы приняли в свою свору множество военных. Видя, что Дело плохо, император даровал важнейшим реформаторам высокие чины, они увлеклись службой и забыли, чего хотели. Тем временем прошел слух, что император вовсе не нужен. Образовалась свора массового правления, поставившая себе целью изгнать императора. А он, проведав об этом, создал собственную свору, каждый член которой получал в месяц тысячу национальных престижей. У сторонников массового правления загорелись глаза, потекли слюнки. Они стали ластиться к императору, но он предложил им только по сто национальных престижей. Дело бы совсем расклеилось, если бы жалованье не было повышено до ста трех престижей. Однако на всех не хватило, и возникли оппозиционные своры из десяти, двух и даже одного человека.

– Извини, я перебыю: были в этих организациях люди из народа?

– Я как раз хотел сказать об этом. Конечно, нет, потому что народ оставался необразованным, темным и излишне доверчивым. Каждая свора твердила о народе, а потом принимала деньги, которые император с него содрал. Своры и сами были не прочь содрать с народа деньги; если же народ не поддавался обману, то привлекали на помощь военных. В общем, чем больше становилось свор, тем больше беднела страна.

– Неужели в этих сворах не было ни одного благородного человека, действительно болевшего душой за народ?

– Разумеется, были. Но ты ведь знаешь, что благородным людям тоже хочется есть и любить, а для этого нужны деньги. Получив деньги, хорошие люди добывали еду и жен, становились рабами семьи и уже больше не могли подняться. Революцию, политику, государство, народ они старались поскорее забыть.

– Выходит, люди, имеющие работу и еду, у вас совсем не участвуют в политическом движении? – усомнился я.

– Да, не участвуют, потому что боятся. Стоит им шевельнуть пальцем, как император, военные или очередная свора ограбят их до нитки. Им остается либо терпеть, либо купить небольшой чиновничий пост. Заниматься политикой у нас могут только учившиеся за границей, хулиганы или полуграмотные военные, которым нечего терять: в своре они получают еду, а без своры вообще останутся голодными. Перевороты в нашей стране стали своего рода профессией; политика изменяется, но не улучшается; о демократии кричим, а народ по-прежнему беднеет. И молодежь становится все более поверхностной. Даже те, кто в самом деле хочет спасти страну,

только попусту таращат глаза, когда захватывают власть, потому что для правильного ее использования у них нет ни способностей, ни знаний. Приходится звать стариков, которые тоже невежественны, но гораздо хитрее. Внешне правят «сторонники нового», а по существу – старые лисы. Не удивительно, что все смотрят на политику как на взаимный обман: удачно обманул – значит выиграл, неудачно – провалился. Поэтому и учащиеся перестали читать: только зубрят новые словечки да перенимают разные хитрости, воображая себя талантливыми политиками.

Я дал Маленькому Скорпиону отдохнуть, а потом напомнил:

– Ты еще не рассказал о кошкизме.

– Сейчас скажу. Итак, народ становился беднее, потому что во время раздоров и драк не обращали внимания на экономику. И тут появился кошкизм – он вышел из народа, вырос именно из экономических проблем. Раньше перевороты не приводили к свержению императора: монарх объявлял, что целиком верит какой-нибудь из свор, иногда даже становился ее вождем, поэтому один поэт торжественно назвал нашего императора «хозяином всех свор». Только кошкисты первые убили императора. Но после того, как власть перешла к ним, было истреблено немало народу, потому что они требовали уничтожить всех, кроме преданных кошкистов и мяуистов. Убийства, конечно, никого не удивили – в Кошачьем государстве всегда легко убивали. Если б вместо негодяев действительно встали у власти крестьяне и рабочие, это было бы совсем неплохо. Но кошки остаются кошками и во время переворотов: они не убивали, например, тех, кто платил выкуп. В результате невинные погибли, а негодяи уцелели. Эти спасшиеся проходимцы влезли в свору, начали интриговать, и с тех пор расправы утратили уже всякий смысл.

Кроме того, чтобы улучшить жизнь, нужно было первым делом изменить экономическую систему, а во-вторых, воспитать в людях желание жить друг для друга. Но наши кошкисты не имели никакого понятия об экономике и тем более о новом воспитании. Кончив убивать, они вытаращили глаза, захотели помочь крестьянам и рабочим, но обнаружили, что ничего не смыслят ни в сельском хозяйстве, ни в промышленности. Поделили между крестьянами землю, долго думали, сажать ли дурманные листья, и, прежде чем деревья выросли, все голодали. Для рабочих дела вообще не нашлось. Снова начали убивать. Так иногда сдирают шкуру вместо того, чтобы почесаться.

Кошкизм разделил судьбу многих заимствованных нами учений. В других государствах они становятся прекрасным средством лечения общества, а у нас превращаются в сплошное самобичевание. Мы никогда не думаем, не смотрим правде в глаза, поэтому и получаем от переворотов одни разрушения. Другие извлекают из них новые мысли, новые планы, а мы устраиваем революции только ради шумихи, потому что ничего не знаем, ничего не делаем, забываем о том, что революционное дело требует от человека высоких духовных качеств, – только нападаем друг на друга, прибегая к самым подлым приемам. Пока мы занимались убийствами да таращили глаза, вождь кошкистского движения сам стал императором. Кошкизм и император – это ведь совершенно несовместимо, похоже на дурной сон! Но у нас такие вещи не удивительны, потому что мы абсолютно не разбираемся в политике. Кошкизм тоже привел к воцарению Его Величества, и все успокоились. Император благоденствует, по-прежнему зовется «хозяином всех свор», а кошкизм прозябает между этими сворами!

Я впервые увидел на глазах Маленького Скорпиона слезы.

Хотя Маленький Скорпион всегда говорил мне правду, его критика вновь показалась мне бесплодной, слишком мрачной. Конечно, я приехал из спокойного, счастливого Китая, поэтому и считал, что не может быть все так безнадежно. Здоровому человеку нелегко понять пессимизм больного. Но надежда обязательно должна быть, это мать усилий, своего рода долг человечества. Я не верил, что люди-кошки не способны ничего добиться. Они все-таки люди, а люди могут преодолеть все.

Я решил пойти к Большому Скорпиону и познакомиться через него с политическими деятелями. Если я встречу среди них здравомыслящих людей, то они должны сообщить мне что-нибудь обнадеживающее. Конечно, еще полезнее было бы поговорить с народом, но простые кошки слишком боятся иностранцев и вряд ли разбираются в политике. Хотя преклонение перед героями мне всегда было чуждо, я решил поискать свой идеал среди политиков, способных что-то сделать для народа.

Как раз в это время Большой Скорпион пригласил меня на званый обед. Он был видной фигурой, среди его гостей должны оказаться политики. Кроме того, я давно уже не выбирался из дому. Улица по-прежнему была заполнена прохожими, которые напоминали муравьев – но только суматошностью, а не трудолюбием. Я не мог понять, какой притягательной силой обладает этот жалкий город, почему люди-кошки так стремятся в него. Видимо, в деревне уже совсем скверно. Единственное изменение к лучшему, которое я заметил, состояло в том, что меньше воняли улицы: в последние дни лил дождь и вместо жителей провел «Движение за чистоту».

Большого Скорпиона не оказалось дома, хотя я пришел вовремя. Встретил меня человек-кошка, который в дурманной роце носил мне еду; мы были знакомы, поэтому он и решился заговорить со мной.

– Если тебе назначают встречу в полдень, приходи вечером или на следующее утро. Можно и через два дня – это наш обычай.

От души поблагодарив его за науку, я спросил, кто еще приглашен. У меня было сильное желание уйти, если гости окажутся неподходящими, но он ответил:

– Все важные персоны. Иначе не пригласили бы тебя, иностранца.

Ладно, останусь. Но что делать до пира, который неизвестно когда начнется? Тут я вспомнил, что в кармане у меня есть несколько национальных престижей, и дал их старому слуге. Все остальное свершилось само собой. Вскоре я уже сидел на помосте и слушал небезынтересные сведения. Деньги – лучший ключ, отмыкающий людям-кошкам рты.

– Чем зарабатывают на жизнь горожане? – первым делом осведомился я.

– Эти? – переспросил слуга, указывая в сторону людского моря за стеной. – Ничем.

– Как так? Что же они едят?

– Известно что: дурманные листья.

– Но ведь их нужно откуда-то брать...

– Достаточно одному служить чиновником, чтобы многие были обеспечены. Чиновник выращивает дурманные листья, торгует ими, а часть дает родственникам и друзьям. Мелкий чиновник, наоборот, покупает листья, но все равно помогает родственникам и друзьям. Остальные ждут, пока у них появится свой чиновник.

– Видимо, чиновников очень много?

– Да, все, кроме безработных, считаются чиновниками. Я тоже чиновник, – улыбнулся

слуги. Этой не веселой, а презрительной улыбкой он отплатил за клочок шерсти, который я когда-то у него вырвал.

– А чиновники получают жалованье?

– Конечно, от Его Величества.

– Откуда уже у императора деньги, если столько народу бездельничает и ничего не производит?

– От продажи драгоценностей, земель... Ведь вы, иностранцы, любите покупать их! Пока они есть, о деньгах нечего беспокоиться.

– Музеи и библиотеки вам неплохо помогают... Но неужели ты сам не чувствуешь, что лишаться книг и древностей нехорошо?

– Какое это имеет значение. Были бы деньги!

– Выходит, у вас нет никаких экономических затруднений?

Этот вопрос был слишком сложен, и на него слуга ответил не сразу:

– Раньше были, а теперь уже нет.

– Что значит раньше: когда все работали?

– Да. Сейчас деревни почти опустели, в городах торгуют иностранцы, нам незачем работать, поэтому люди и отдыхают.

– Откуда же тогда чиновники? Ведь не могут они все время бездельничать! Зачем становиться чиновником, если дурманные листья и так дают?

– Крупный чиновник получает столько, что, кроме дурманных листьев, может покупать иностранные вещи, заводить себе новых жен, а нечиновному едва на листья хватает. Кроме того, быть чиновником совсем нетрудно: больше привилегий, чем работы. И хотел бы делать что-нибудь, да нечего.

– Скажи, пожалуйста, чем питалась вдова посланника? Ведь она не ела дурманных листьев.

– Можно и другое есть, только дорого очень. Мясо, овощи – все ввозится из-за границы. Когда ты в деревне не хотел есть дурманные листья, мы на тебя немало денег потратили. Вдова посланника тоже была странной женщиной, но ее капризам никто не потакал. Вот и приходилось ей вместе с девками собирать дикие плоды или коренья.

– А мясо они ели?

– Мясо не соберешь, его даже купить трудно. Мы давным-давно перебили всю живность – еще когда ели не только дурманные листья. Ты видел у нас хоть одного зверя или птицу?

Я задумался.

– Зверя действительно нет, а птиц видел – коршунов с белыми хвостами.

– Да, только они и остались, потому что у них мясо ядовитое, иначе и им бы несдобровать.

«Быстро вы действуете! – подумал я. – Муравьи и пчелы тоже не размышляют о своем будущем, но их спасает инстинкт, а у вас и этого нет. Интересно, какой император или бог лишил вас природных инстинктов, не дав взамен разума? Ловко он посмеялся над вами! Школы без образования, политики без головы, люди без человечности, души без стыда. Не слишком ли жестокая шутка?»

И все-таки я решил повидать политиков – может быть, они уже придумали что-то разумительное. Наверное, есть какой-нибудь простой способ: предположим, разделить поровну дурманные листья, устроить своего рода дурманный кошкизм. Конечно, это уж последнее дело. Чтобы не погибнуть, им надо вернуться к прежним временам, запретить дурманные листья, восстановить сельское хозяйство и промышленность. Но кто все это сделает? Слишком много нужно сил, твердости и решительности, чтобы из животных превратиться в людей! Я стал почти таким же пессимистом, как Маленькая Скорпион.

Пришел Большой Скорпион. Он сильно похудел с тех пор, как приехал в город, но выглядел

еще хитрее и подлее. Перед ним я не собирался расточать вежливых слов.

– Зачем позвал?

– Да так просто, поговорить хотелось.

Наверняка что-то задумал! Я снова почувствовал к нему отвращение.

Потом начали прибывать гости – все незнакомые иве и мало походившие на обычных людей-кошек. Каждый называл меня старым другом. Я достаточно бесцеремонно заявил, что прилетел с Земли и не имел чести дружить с ними, но они спокойно проглотили пилюлю и продолжали называть меня старым другом.

Гостей пришло больше десятка. Мне везло – все они оказались политиками.

По моему беглому впечатлению, их можно было разделить на три группы. К первой, самой старшей, принадлежал Большой Скорпион. Они называли меня другом очень непринужденно, но с едва заметным неудовольствием. Это были старые лисы, по определению Маленького Скорпиона. Члены второй группы, помоложе, отнеслись ко мне с особым вниманием, в котором сквозило зазнайство, и все время бессмысленно смеялись. Видно было, что они выучились кое-каким приемам старых лисов, но еще не совсем освоились. Третья, самая младшая, группа произносила слова «старый друг» совсем неестественно, даже несколько смущенно. Именно их особенно рекламировал Большой Скорпион:

– Эти друзья только что *оттуда*.

Я не очень понял его, но вскоре сообразил, что «оттуда» – значит из школы, института. Это были новички в политике, и я решил посмотреть, как они будут обращаться со старыми лисами.

Начался пир – мой первый пир на Марсе. Все гости уселись за стол и стали есть дурманные листья. Этого я ожидал, но дальнейшее было для меня новинкой.

– Сегодня мы приветствуем друзей, только что пришедших *оттуда*, – изрек Большой Скорпион, – поэтому им предоставляется право самим избрать проституток.

Молодые политики гордо улыбнулись, зажмурили глаза, опять смутились и начали что-то бормотать о кошкизме. Мне стало так больно, как будто я потерял любимого человека. Так вот каковы их принципы! Ладно, не буду возмущаться, буду наблюдать.

Когда женщины пришли, все снова принялись за дурманные листья. Молодые политики с покрасневшими под серой шерстью физиономиями украдкой поглядывали на Большого Скорпиона. Он засмеялся:

– Выбирайте, господа, выбирайте! Не стесняйтесь!

Юнцы ухватили по проститутке и отправились на нижний этаж.

Едва они удалились, как хозяин подмигнул оставшимся политикам:

– Ну вот, теперь их нет, и мы можем поговорить о делах.

Выходит, я догадался – он действительно что-то замышляет.

– Вы уже слышали? – спросил Большой Скорпион.

Старейшие никак не реагировали на его вопрос: казалось, они углубились в самосозерцание. Один из тех, что помоложе, кивнул, но, поглядев на остальных, тотчас вскинул голову и устремил глаза ввысь.

Я расхохотался. Все стали еще серьезнее, однако хихикнули вслед за мной – ведь я был иностранцем. Наконец заговорил другой представитель среднего поколения:

– Кое-что слышали, но не знаем, совсем не знаем, достоверно ли это...

– Разумеется, достоверно! Мои солдаты уже потерпели поражение! – воскликнул Большой Скорпион с озабоченностью, вызванной, по-видимому, тем, что это были именно его солдаты.

Все молчали, на этот раз очень долго и дружно, даже почти не дышали, словно опасаясь потревожить волосы в ноздрах.

– Господа, может быть, пригласим еще нескольких проституток? – предложил Большой

Скорпион.

Политики оживились:

– Конечно, конечно! Без женщин ничего не придумаешь. Зовите!

Снова пришли проститутки, мужчины оживились еще больше; солнце клонилось к закату, а о политике так никто и не заикнулся.

– Спасибо за угощение! До завтра! – говорили гости, уводя с собой проституток.

Навстречу им двигались юнцы – уже не с красными, а с серо-зелеными физиономиями. Они даже спасибо не говорили, а только бормотали о кошкизме.

«У них, наверное, возникла какая-нибудь междоусобица, – подумал я. – Большой Скорпион потерпел поражение, попросил помощи, а ему отказывают. Если я правильно догадался, ничего трагического не произошло». Но лицо Большого Скорпиона выглядело озабоченным, и перед уходом я все же спросил, почему его солдаты потерпели поражение.

– Иностранцы вторглись!

Солнце еще не зашло, а все жители попрятались по домам, лишь на стенах белело множество лозунгов: «Соппротивление до конца!», «Спасение государства – это спасение самого себя!», «Долой проглотизм!»...

От этих громких слов у меня закружилась голова, как у быка, которого все время поворачивают. Мне не хватало воздуха, хотя на улице был я один. «Иностранцы вторглись!» – звучало у меня в ушах, словно звон погребального колокола. Почему вторглись?! Большой Скорпион был явно напуган, иначе рассказал бы мне подробнее. Однако испуг не помешал ему устроить пир, звать проститутток, а этим политикам – веселиться с проститутками.

Пришлось снова идти к Маленькому Скорпиону – он был здесь единственным здравомыслящим человеком, хотя и слишком желчным. Но мог ли я упрекать его за желчность после того, как увидел кошачьих политиков?

Солнце уже село, загорелась розовая заря, легкий туман еще больше оттенял красоту неба и жалкое безмолвие земли. Стояла полнейшая тишина, лишь ветерок ударял мне то в спину, то в мокрое от слез лицо. Доисторическая пустыня была, наверное, не такой мертвой, как этот огромный город!

Войдя к Маленькому Скорпиону, я увидел в темноте сидящего человека. Он был явно выше ростом, чем мой приятель.

– Кто это? – громко спросил незнакомец.

Уже по его решительному, прямому вопросу я понял, что имею дело не с обычным человеком-кошкой.

– Иностранец, с Земли.

– А, земной господин! Садись! – Его приглашение походило на приказ, но опять-таки подкупало своей прямоотой.

– А кто ты? – спросил я, в свою очередь, садясь рядом с ним, чтобы разглядеть его как следует.

Он оказался не только высок, но и широк в плечах; уши, нос и рот утопали в густых волосах, оставались лишь большие горящие глаза.

– Я – Большой Ястреб, – сказал он. – Это мое прозвище, а не настоящее имя. Почему меня так называют? Да потому, что боятся. Честных людей в нашей стране считают страшными, отвратительными!..

Небо совсем потемнело, осталось одно красное облако, которое, словно огромный цветок, стояло над самой головой Большого Ястреба. Я смотрел на облако как зачарованный и вспоминал недавнюю красную зарю.

– Днем я не решаюсь выходить, но вечерами иногда навещаю Маленького Скорпиона, – нарушил молчание мой собеседник.

– А почему не решаешься днем?..

– Кроме Маленького Скорпиона, все мне враги. Я живу в горах, всю прошлую ночь я шел, потом скрывался весь день. Дай мне что-нибудь пожевать – ничего не ел целые сутки.

– Вот дурманные листья.

– Нет, уж лучше с голоду помереть, чем это!

Такого решительного человека я видел в Кошачьем государстве впервые. Я позвал Дурман, чтобы достать еды; девушка была дома, но выйти к нам не захотела.

– Оставь ее. Женщины тоже боятся меня. Все равно смерть уже близко – можно и

поголодать.

– Иностранцы вторглись? – вспомнил я.

– Да, поэтому я и пришел к Маленькому Скорпиону.

– Он излишне пессимистичен и в то же время чересчур легкомыслен. – Откровенность несколько скрашивала мой укор.

– Он умен, поэтому и пессимист. А что ты сказал дальше? Я не совсем понял. Если мне нужно решить что-нибудь серьезное, я всегда иду к нему. Пессимисты боятся жизни, но не смерти. А наши соотечественники чересчур веселы, даже когда еле на ногах держатся от голода. Они с самого рождения не умеют горевать, вернее – думать. Только Маленький Скорпион умеет, его можно считать вторым честным человеком после меня.

– Ты тоже пессимист? – спросил я, не сомневаясь в его достоинствах, но затрудняясь отнести к ним самоуверенность.

– Я? Нет. Поэтому все и боятся меня. Если бы я горевал, как Маленький Скорпион, меня бы не прогнали в горы. В этом наше различие. Он ненавидит этих безголовых и жестоких людей, однако не осмеливается тронуть их. А у меня нет к ним ненависти. Я хочу прочистить им мозги, показать, что они не очень-то похожи на людей, поэтому я задеваю их. Но когда надвигается опасность, мы с Маленьким Скорпионом заодно – мы не боимся.

– Ты, наверное, занимался политикой?

– Да. В свое время я выступал против дурманных листьев, проституции, многоженства, убеждал, чтобы и другие выступали. А в результате и старые, и новые деятели объявили меня закоренелым преступником. Ты должен знать, что человек, в чем-то отказывающий себе или стремящийся к наукам, считается у нас лицемером. Если ты вздумаешь ходить пешком, окружающие не поймут, что тебе противно ездить на чужих головах, не станут подражать тебе, а ославят лицемером. Наши государственные деятели и студенты все время твердят об экономике, политике, разных «измах» и «аниях», но стоит тебе спросить, что это такое, как они возмущенно закатят глаза. А простолюдины?! Предложи им монету – они поднимут тебя на смех, посоветуй меньше есть дурманных листьев – скажут, что ты ханжа. От императора до простого люда – все считают дурные поступки естественными, а хорошие – лицемерными. Поэтому они и занимаются убийствами, искореняя, как они считают, лицемерие.

По-моему, каких бы политических взглядов ты ни придерживался, всякое преобразование нужно начинать с экономики и проводить его честно. А среди наших деятелей нет ни одного честного человека, и в экономике они ничего не смыслят. Власть для них – только средство угнетать да притеснять. Между тем сельское хозяйство и промышленность в полном развале. Когда находится человек вроде меня, который хочет построить политику на научных и гуманных принципах, его объявляют лжецом, потому что иначе деятелям пришлось бы признать собственную неправоту. Кстати, даже если бы они решились ее признать, их все равно бы не поняли.

В свое время бесчестная политика родилась как результат экономического развала. Сейчас об экономике вообще никто не беспокоится; восстановить ее не легче, чем воскресить мертвеца. Мы пережили слишком много политических потрясений, и с каждым из этих потрясений все человеческое обесценивалось, а злодеи побеждали. Теперь они ждут последней победы, и тогда выяснится, кто же из них злее всех. Стоит мне заговорить о человечности, как меня оплевывают с ног до головы. Любая теория, которая успешно применяется за границей, попадая к нам, становится отвратительной; лучшие дары природы превращаются у нас в дурманные листья! Однако я не отчаиваюсь: человеческая совесть сильнее меня, она ярче солнца. Я не боюсь протестовать и делаю это при каждом удобном случае. Знаю, что не увижу плоды своих трудов, но ведь моя совесть долговечнее моей жизни!

Большой Ястреб замолчал, слышалось только его шумное дыхание. Я невольно восхитился этим человеком: ведь он не баловень толпы, не предмет бездумного поклонения, а тысячекратно оплеванная и обруганная жертва, мессия, которому предстоит снять позор с людей-кошек.

Вернулся Маленький Скорпион. Он никогда не приходил так поздно.

– Как ты кстати! – воскликнул он, обнимая Большого Ястреба, который кинулся ему навстречу.

Из глаз обоих потекли слезы. Я не решался спросить, чем они так взволнованы, а Маленький Скорпион продолжал:

– И все же твой приход мало поможет.

– Я знаю. Не только не поможет, а помешает тебе. Но я не мог не прийти. Пробил мой час!

– Что ты задумал?

– Смерть в бою я предоставляю тебе. Сам я умру бесславно и все-таки не понапрасну. Сколько у тебя войска?

– Немного. Отцовские солдаты уже отступили, а другие собираются отступить. Только солдаты Большой Мухи могут послушаться моего приказа, но если они узнают, что ты здесь, отпадут даже они.

– Понимаю, – хмуро ответил Большой Ястреб. – А ты не можешь повернуть отцовских солдат на врага?

– Боюсь, ничего не получится...

– Казни для острастки парочку офицеров!..

– Ими командует отец...

– Соври им, скажи, что у меня много солдат, что ты послал меня на фронт, но я ослушался твоего приказа...

– Предположим. Хотя у тебя нет ни одного солдата, я могу сказать, будто их сто тысяч. А что потом?

– Потом убей меня и выставь мою голову на улице. Тогда солдаты подчинятся тебе – ведь они знают меня!

– Боюсь, что это в самом деле единственный выход... Но я еще должен сказать им, будто отец передал мне командование.

– Да, и поскорее, потому что враг уже подходит. Чем больше ты успеешь набрать солдат, тем лучше. А я, друг, покончу с собой, чтобы тебе не пришлось стать моим палачом.

– Погодите! – воскликнул я дрожащим голосом. – Погодите! Что это даст вам?

– Ничего, – все так же хмуро ответил Большой Ястреб. – У врага гораздо лучше и солдаты, и оружие, мы вряд ли одолеем его даже всей страной. Но если наша гибель будет замечена, она сможет повернуть ход истории Кошачьего государства. Иностранцы, по крайней мере, не будут нас так презирать. Наша гибель – не жертва и не путь к славе, а насущная необходимость. Мы не желаем быть рабами! Человеческая совесть долговечнее жизни. Вот и все. Прощай, земной господин!

– Постой! – окликнул его Маленький Скорпион. – Лучше съесть сорок дурманных листьев, так легче умереть.

– Можно, – усмехнулся Большой Ястреб. – Странно складывается жизнь! До сих пор я не ел дурманных листьев, и меня считали ханжой. Пусть теперь у них хоть доказательство будет. Дурман, неси листья! Я никуда не пойду, в минуту смерти я хочу быть с друзьями...

Девушка принесла охапку листьев и тотчас вышла. Большой Ястреб решительно принялся за них.

– А как же твой сын? – произнес Маленький Скорпион с раскаянием в голосе. – О, я не должен был об этом говорить!

– Но ведь гибнет страна... – тихо ответил Большой Ястреб.

Он продолжал жевать листья, но очень медленно – наверное, уже захмелел.

– Я хочу спать, – еле слышно сказал он, опускаясь на пол.

Я взял его за руку, он поблагодарил, и это были последние слова Большого Ястреба, хотя рука оставалась теплой и дыхание прервалось лишь в полночь.

Да, я не мог назвать его смерть жертвой, потому что он сам не считал себя героем. Сбудутся ли его надежды, я пока еще не знал, но видел, что его отрубленная голова торчит на шесте посреди города. Я, конечно, пришел посмотреть не на голову, а на жителей Кошачьего города, для которых подобное зрелище представляло особое удовольствие. Маленький Скорпион давно исчез и не появлялся даже у Дурман, поэтому я решил пойти» на улицу.

Город по-прежнему выглядел оживленным – пожалуй, еще более оживленным, чем раньше. Ведь можно было полюбоваться отрубленной головой, это гораздо интереснее, чем камешек на дороге. Говорили, что в толкотне у шеста уже задавлены три старика и две женщины, но никто не горевал, потому что смерть ради удовольствия считалась почетной. Люди-кошки еще больше толкали и бранили друг друга. Никто не спрашивал, чья это голова, за что отрублена. В толпе слышались примерно такие восклицания:

– У, какая волосатая!

– А глаза-то закрыты!

– Жаль, что только голову выставили! Надо бы и тело...

Пожалуй, Большой Ястреб принял правильное решение. Стоит ли жить рядом с подобными людьми?

Выбравшись из толпы, я пошел к императорскому дворцу. Идти было трудно, потому что во всех направлениях шествовали отряды музыкантов, которые нещадно дули и били в свои инструменты. Слушатели бросались за ними то в одну, то в другую сторону, но все равно не успевали и наверняка досадовали, что у них так мало ног, ушей и глаз. По воплям зевак я понял, что это свадебные оркестры, однако из-за обилия людей не видел паланкинов с невестами и не мог определить, сколько людей-кошек должны их нести. Впрочем, гораздо больше меня интересовал другой вопрос: почему в минуту опасности так торопятся со свадьбами?

Спросить было не у кого – люди-кошки страшились разговаривать с иностранцем. Я вернулся к Дурман. Она сидела в комнате и плакала, а при виде меня зарыдала еще сильнее, как будто я ее обидел. Пришлось долго утешать ее, прежде чем она сказала:

– Маленький Скорпион ушел на фронт! Это ужасно!..

– Ничего, он еще вернется! – соврал я, искренне желая, чтобы моя ложь оказалась правдой. – Он обязательно вернется, и я пойду вместе с ним.

– Правда? – улыбнулась она сквозь слезы.

– Конечно! А сейчас пойдем прогуляемся. Довольно плакать здесь одной.

– Я вовсе не плачу, – сказала Дурман, вытирая слезы и пудрясь.

– Почему сейчас так много свадеб? – спросил я по дороге.

Это был праздный вопрос, но я утешал себя тем, что отвлекаю женщину от мрачных мыслей. Сказать по правде, я отвлекал и себя, потому что предчувствовал неизбежную гибель Маленького Скорпиона.

– Когда наступает смутное время, все спешат со свадьбами, чтобы солдаты не обесчестили девушек, – объяснила Дурман.

– Зачем же праздновать их так пышно?

Я не мог думать ни о чем другом, кроме начавшейся войны, но кошачье отношение к жизни на этот раз оказалось разумнее человеческого.

– На свадьбах необходима пышность. Война скоро кончится, а брак – на всю жизнь!

Поверив моим словам о возвращении Маленького Скорпиона, Дурман успокоилась и даже

предложила мне посмотреть пьесу.

– Сегодня министр иностранных дел устраивает представление на улице по случаю женитьбы сына. Пойдем?

Мне казалось, что убить министра, который во время войны занимается подобной чепухой, намного достойнее, чем смотреть спектакль, но на роль убийцы я не годился, а кошачьего театра еще не видел. Я решил пойти – в последнее время мое диалектическое мышление заметно кошкоизировалось.

Перед домом министра иностранных дел стояло множество солдат. Представление уже началось, но простой народ близко не подпускали: тот, кто рвался вперед, получал дубиной по голове. С собственным мирным людом кошачьи солдаты воевали отлично! Меня они, конечно, не посмели бы ударить, но я сам не очень рвался вперед, потому что доносившаяся из театра музыка отнюдь не усладила мне слух. Долго я слушал пронзительные звуки, прерываемые воплями актеров, однако так и не почувствовал никакого удовольствия.

– Нет ли у вас пьес получше этой? – спросил я у Дурман.

– Есть, иностранные. Их я смотрела в детстве, они гораздо тоньше. Потом их перестали играть, так как никто в них ничего не понимал. Министр иностранных дел сам выступал за новые пьесы – до тех пор, пока один иностранец не сказал, что наш театр тоже очень интересен. Тогда министр вернулся к старому театру.

– А если другой человек скажет, что иностранный театр лучше?

– Это уже будет бесполезно. Иностранные пьесы действительно хороши, но слишком глубоки. Когда министр ратовал за них, он вряд ли их как следует понимал, поэтому и уцепился за лестное мнение о наших пьесах. Сам он вообще не разбирается в театре, хотя и норовит прослыть его пропагандистом. А старый театр легче рекламировать, у него больше поклонников. У нас часто так бывает: новое едва возникнет и тут же вытесняется старым. Для того чтобы понимать новое, нужно слишком много сил и энергии.

Я чувствовал, что это не ее мысли, а Маленького Скорпиона, потому что сама она продолжала потихоньку протискиваться вперед.

Мне было неудобно ловить ее на слове, но больше я выдержать не мог.

– Уйдем?

После всего сказанного о театре Дурман было неловко не согласиться. Не протестовала она и тогда, когда я предложил сходить к императорскому дворцу.

Он был самым большим, но не самым красивым зданием Кошачьего города. Сегодня дворец выглядел особенно неприятно: перед стенами солдаты, на стенах солдаты... Кроме того, стены были вымазаны свежей грязью, а вода по рву воняла сильнее обычного.

– Иностранцы любят чистоту, – пояснила Дурман, – грязь – лучшее ограждение от них.

У меня не хватило сил даже рассмеяться.

На стену вылезло несколько фигурок, которые долго усаживались верхом, по-видимому, боясь свалиться. Дурман возбужденно закричала:

– Высочайший указ!

– Где? – спросил я.

– Смотри!

Люди на стене двигались так медленно, что у меня занули ноги. Наконец гонцы спустили на веревке камень с белыми знаками. Дурман, обладавшая острым зрением, охнула.

– Что случилось? – заторопил я.

– Перенос столицы! Император уезжает! Беда! Как же мы будем без него?! – запричитала Дурман, очевидно тревожась о Маленьком Скорпионе, а не об императоре.

Тем временем со стены спустили еще один камень.

– «Солдатам и народу, – начала читать девушка, – повелеваем оставаться на местах. Переезжаем только Мы и чиновники».

Я поразился мудрости Его Величества и пожелал ему на полпути свернуть себе шею. Но Дурман неожиданно обрадовалась:

– Это еще ничего. Раз многие остаются, мне не страшно!

«Интересно, где они будут получать дурманские листья после отъезда чиновников?» – подумал я, но в этот момент появился новый камень.

– «С сего дня запрещаем именовать Нас „Хозяином всех свор“. В минуту грозной опасности народ должен быть сплочен, поэтому Мы становимся „Хозяином одной своры“. Все на борьбу с врагом!» – прочитала Дурман и добавила: – Лучше бы совсем без свор...

Мы подождали еще немного, но поняли, что указов больше не будет, так как глашатаи скрылись за стеной. Дурман очень хотелось вернуться и посмотреть, не пришел ли домой Маленький Скорпион, а я отправился к государственным учреждениям, где могли вывесить еще какие-нибудь указы. В восточной стороне, куда пошла Дурман, по-прежнему гремела музыка, но здесь стояла полнейшая тишина. Похоже, что свадьбы были в тысячу раз важнее всех государственных проблем.

Особенно интересовало меня министерство иностранных дел, перед которым никого не оказалось. Ах да, министр ведь празднует свадьбу сына и, должно быть, отпустил своих подчиненных. Еще вопрос, есть ли у людей-кошек иностранные дела, хотя министерство существует.

Воспользовавшись отсутствием чиновников, я решил выяснить этот вопрос. Бесцеремонно вошел – внутри никого. Комнаты не заперты, в них тоже никого и ничего, кроме кучи каменных пластинок с надписью «Протест». Их, наверное, рассылают во всех подходящих и неподходящих случаях: ведь дипломаты – специалисты по протестам. Я хотел найти какие-нибудь документы, присланные из-за границы, но не нашел. Видимо, иностранцы, стремясь облегчить себе дипломатические отношения, никогда не отвечали на кошачьи «протесты».

Незачем было смотреть другие учреждения. Если министерство иностранных дел так гениально просто, то в остальных организациях, поди, нет даже каменных пластинок.

А учреждений мне встретилось много: министерство проституции, институт дурманских листьев, управление кошачьими, эмигрантами, министерство борьбы с иностранными товарами, палата мяса и овощей, комитет общественной торговли сиротами... Некоторых интересных названий я просто не понял. Чтобы обеспечить всех чиновников службой – или бездельем, – требовалось как можно больше учреждений. Мне показалось, что их уж слишком много, но людям-кошкам, по-видимому, было недостаточно.

Я шел прямо на запад, намереваясь заглянуть в иностранный квартал. Нет, пойду лучше домой, посмотрю, не вернулся ли Маленький Скорпион. Я пошел обратно по другой улице и вдруг увидел группу студентов, которые не любовались спектаклем или отрубленной головой, как их сверстники, а стояли на коленях перед большим камнем с надписью: «Памятник великому святому Мяу». Зная, что они тотчас разбегутся, если увидят меня, я тихонько подошел сзади, тоже опустился на колени и стал слушать, о чем они говорят.

Один из студентов впереди выпрямился во весь рост и крикнул:

– Да здравствует мяуизм! Да здравствует кошкизм!

Все подхватили его возглас. Вдоволь накричавшись, первый студент приказал остальным сесть на землю и произнес речь.

– Мы должны свергнуть всех богов и поставить на их место великого святого Мяу! – провозгласил он. – Мы должны низвергнуть родителей, преподавателей и восстановить нашу свободу! Мы должны низложить императора и осуществить кошкизм! Сейчас мы схватим

императора и подарим его иностранцам, чтобы они нас поддержали. Такого великолепного случая может больше не представиться, поэтому будем действовать немедленно. Затем мы уничтожим старших родственников, учителей, и тогда все дурманные листья, женщины, народ и сам кошкизм будут нашими. Вспомните, что говорит великий святой Мяс: «Вперед! На дворец!»

Никто не тронулся с места. Студент крикнул снова – опять никто не шевельнулся.

– Может быть, сначала лучше разойтись по домам и убить отцов? – предложил один. – Во дворце слишком много солдат, как бы по нарваться!

Все повскакали с земли.

– Погодите! Сядьте! Значит, начинаем с отцов?

Студенты заспорили, засомневались:

– Если мы убьем отцов, кто нам будет давать дурманные листья?

– Правильно! Сначала нужно забрать все дурманные листья, а уже потом убить их владельцев!

– Раз у нас нет единого мнения, можно разделиться, – предложил другой. – Антиимператорская фракция пойдет во дворец, а антиотцовская – по домам.

– Но великий святой Мяс говорил только об убийстве императора, а не отцов...

– Контрреволюция!

– Если мы убьем их, мы нарушим завет великого святого!

Я решил, что юнцы передерутся, но они ограничились воплями. Постепенно крикуны распались на несколько групп, каждая из которых обращалась к памятнику святого Мяс. Затем студенты рассеялись, но по-прежнему осаждали памятник. Наконец все устали, из последних сил выкрикнули: «Да здравствует мяуизм!» – и разошлись. Что за дьявольщина?

Мне уже расхотелось критиковать людей-кошек, потому что никакая критика не сделает из камня прекрасной скульптуры. Все, что можно было извинить, я извинял, а оставшееся приписывал неблагоприятным природным условиям их государства.

Я ждал Маленького Скорпиона, чтобы вместе с ним отправиться на фронт – посмотрю, как они воюют. О других марсианских странах я почти ничего не знал, а Дурман сообщила мне только одно: что у иностранцев пудра тоньше и белее. В ответ на остальные вопросы она качала головой и восклицала:

– Почему он до сих пор не возвращается?!

Я не мог ответить на это, а лишь молился за всех женщин, чтобы в мире никогда больше не было войн.

Дурман буквально не находила себе места. Все кошачьи чиновники удрали, на улицах стало менеелюдно, до многие еще любовались отрубленной головой Большого Ястреба. Получить вести с фронта было невозможно; никто понятия не имел о государственных дедах, хотя слово «государственный» употреблялось здесь особенно часто: дурманские листья – это государственная пища, Большой Ястреб – государственный преступник, грязь в канаве – государственная защита... Пойти за новостями в иностранный квартал значило разминуться с Маленьким Скорпионом, если он вернется. А Дурман приставала ко мне:

– Все убежали, даже Цветок! Может, и нам убежать?

Я молча качал головой.

Наконец он вернулся. Дурман так обрадовалась, что не смогла выговорить ни слова, а только уткнулась заплаканной мордочкой ему в грудь. Но сам Маленький Скорпион выглядел печальным, с его лица сошла обычная усмешка.

– Ну, как дела? – спросил я, дав ему перевести дух.

– Безднадежны, – вздохнул он.

Дурман бросила взгляд на меня, потом на Маленького Скорпиона и нерешительно выдавила вопрос, который давно ее мучил:

– Ты снова уйдешь?

Не глядя на девушку, он отрицательно покачал головой. Я не решился продолжить расспросы, чтобы случайно не огорчить Дурман. Впрочем, она и сама, наверное, почувствовала, что Маленький Скорпион говорит ей неправду.

Он отдохнул еще немного и сказал, что хочет повидаться с отцом. Дурман промолчала, но видно было, что она твердо решила следовать за ним. Поняв, что его ложь раскрыта, Маленький Скорпион беспокойно заходил по комнате; я не мог поддержать его, потому что меня сковывал взгляд девушки. Наконец Дурман не выдержала в расплакалась.

– Куда пойдешь ты, туда и я!

Он опустил голову, подумал.

– Хорошо!

Я тоже заявил, что пойду вместе с ними, хотя вовсе не жаждал увидеть Большого Скорпиона.

Мы двинулись на запад, но весь народ, даже солдаты, шел навстречу.

– Почему они идут сюда, если враг на западе? – невольно спросил я.

– Потому что на востоке безопаснее! – скрипнул зубами Маленький Скорпион.

Нам встретилось множество старых и новых ученых, которые шествовали по разным

сторонам улицы, необычайно радостные.

– Мы идем к императору! – крикнули они Маленькому Скорпиону. – Его Величество приказал созвать научную конференцию, поскольку оборона страны – общее дело и пальма первенства принадлежит здесь ученым. Перед нами стоит множество вопросов, например: сколько солдат на фронте, захватят ли враги Кошачий город. Если они действительно намерены его захватить, то мы советуем Его Величеству передвинуться еще дальше на восток. Мудрый император, он не забывает об ученых. Мудрые ученые, они до конца верны императору!

Окрыленные надеждой увидеть Его Величество, ученые даже не обратили внимания на то, что Маленький Скорпион ничего не ответил. Но едва эта ликующая группа прошла, как появилась другая, с понурыми, убитыми лицами.

– Помогите нам, господин! Почему Его Величество не пригласил нас на научную конференцию?! Ведь найди знания, наши добродетели ничуть не меньше, чем у этих мерзавцев! Если мы не попадем на конференцию, то нас вообще перестанут называть учеными! У вас такие связи, господин, походатайствуйте, чтобы нас не обошли приглашением!

Маленький Скорпион по-прежнему молчал, однако на этот раз его молчание было воспринято иначе.

– Если вы не поможете нам, мы начнем критиковать правительство, и тогда всем достанется!

Схватив Дурман за руку, Маленький Скорпион пошел быстрее. Ученые в голос зарыдали.

Показался строй каких-то особых солдат, у которых на шее висели красные шнуры. Я никогда не видел подобной армии, но не решился тревожить вопросом Маленького Скорпиона, уже достаточно взбешенного учеными. Однако он заметил мое недоумение и горько рассмеялся:

– Это так называемая красноверевочная, или государистская, гвардия. Красные шнуры – ее отличительный знак, как и в других странах. Но там государизм означает крайний, даже фанатический патриотизм, а наша красноверевочная гвардия из того же патриотизма стремится в местечко: поспокойнее, где ей ничто не угрожает. Ведь если иностранцы перебыют ее, она больше не сможет проявлять свою любовь к родине!..

Один из гвардейцев ехал на головах десяти с лишним людей-кошек, и шнур на его шее был особенно толстым.

– Это командующий красноверевочной гвардией, – тихо добавил Маленький Скорпион. – Он намерен сосредоточить в своих руках всю государственную власть, потому что другие страны таким способом стали сильнее. Сам-то он и теперь сильнее остальных, то есть хитрее. Я убежден, что сейчас он едет за императором только для того, чтобы осуществить свой план. Убежден!

– Может быть, тогда ваша страна действительно станет сильнее? – заколебался я.

– Нет. Хитростью можно только захватить власть, а не укрепить страну. Он поглощен собственным честолюбием, но никак не заботами о государстве. Настоящий патриотизм – это борьба с врагом.

Я понял, что междоусобицы людей-кошек были своеобразной приманкой для вторжения иностранцев. От шнуров красноверевочной гвардии у меня зарябило в глазах: передо мной расстилалось зловещее кровавое море, по которому плыли гвардейцы.

Мы уже вышли из Кошачьего города, и я почему-то подумал, что могу больше не увидеть его. Вскоре нам встретились еще одна процессия: странные существа с блаженно глупыми мордами и с травинками в лапах. Дурман, давно не подававшая голоса, воскликнула:

– О, святые идут!

– Что? – гневно спросил Маленький Скорпион, который раньше никогда не сердился на девушку.

Она робко уточнила:

– Нет, нет, я в них не верую.

– О каких святых идет речь? – осведомился я, надеясь, что мое неведение отвлечет

Маленького Скорпиона.

Маленький Скорпион долго молчал и вдруг сам задал мне вопрос:

– Скажи, каков основной недостаток людей-кошек?

Я не знал, что ответить, и когда мой приятель сказал: «Глупость!» – искренне обрадовался, что это он говорит не про меня.

– Да, – продолжал Маленький Скорпион, – глупость – наша главная беда, потому что мы обычно подражаем другим, делаем вид, будто все знаем и понимаем, а на самом деле не знаем и не понимаем ничего. В минуту настоящей опасности мы, забыв о своих претензиях, зовем маму, как дети, и тогда обнажается пустота наших душ, вся наша глупость. Наши мяуисты, например, вопят о великом святом Мяу. Сейчас они эвакуируют его приближенных, рядовых «святых», которые умеют только держать травинку перед своим вождем. В мире нет никого тупее и глупее их.

Сначала мы отмахиваемся от проблемы, а когда разрешить ее уже нельзя, призываем на помощь святых. Нет, наша гибель неизбежна. Если дурно организованные экономика, политика, образование, армия могут погубить государство, то массовая глупость способна погубить всю нацию, потому что глупцов попросту презирают. Захватив вашу страну, враги полностью уничтожат нас, и никто из соседей не вознегодует. Скот пошел под нож – что в этом особенного? Люди всегда жестоки к тем, кого презирают.

Я очень хотел познакомиться с кошачьими святыми поближе, но боялся потерять Маленького Скорпиона и Дурман. На отдых мы расположились в деревушке, которая представляла собой несколько полуразвалившихся домиков без единого жителя.

– Во времена моего детства эта деревня выглядела иначе. Как быстро все приходит в запустение, – задумчиво сказал Маленький Скорпион.

Я не знал, отчего погибла деревня, но не стал допытывать его расспросами, потому что уже слышал о нескольких странных революциях, а за ними – войнах, после которых никто не знал, что делать. Все то же невежество и ханжество, каждый переворот сопряжен с увеличением армии, с ростом числа алчных чиновников. Крестьяне голодают, даже если трудятся в поте лица, и бегут в город или за несколько дурманных листьев пополняют собой армию. Да, опасное это дело – революция без подлинной цели! Ничто не спасет людей-кошек, если они не поймут, что их душит собственная глупость.

Вдруг Дурман вскочила и закричала:

– Смотрите, смотрите!

На западе клубилась огромная туча серого песка, словно поднятая налетевшим вихрем.

Губы Маленького Скорпиона задрожали.

– Это бегут отступающие солдаты!

– Спрячьтесь! – приказал Маленький Скорпион без страха, но и без тени прежней иронии. – Наши солдаты не очень бойки в наступлении, во отступают как безумные. Друг, поручаю Дурман тебе!

Горящими глазами он смотрел на запад, а руки его тянулись к девушке, точно он хотел приласкать ее. Дурман взяла его за руку и, дрожа всем телом, прошептала:

– Мы умрем вместе!

Я не знал, что делать: прятать Дурман или остаться с ними. Смерть меня не страшила, но я хотел принести хоть какую-нибудь пользу. Впрочем, если на нас обрушится несколько сотен обезумевших солдат, то не поможет даже мой пистолет. Схватив друзей за руки, я хотел броситься с ними в первую попавшуюся хижину, чтобы потом, когда отряд промчится мимо, поймать одного из отставших солдат и узнать, что происходит на фронте.

Маленький Скорпион не желал прятаться, Дурман тоже не слушалась меня. Между тем туча пыли нарастала с молниеносной быстротой.

– Глупо так умирать, я не допущу этого!

– Все кончено, не беспокойся обо мне, – твердо сказал Маленький Скорпион. – И о Дурман тоже: пусть делает что хочет.

Но физической силой он не мог со мной соперничать: я обхватил его и поволок. Дурман последовала за нами. Мы спрятались в одном разрушенном домишке, я положил на стену несколько кирпичей и сквозь щели между ними стал наблюдать за бегущим войском.

Оно налетело как смерч, захлестнуло нас серым песком и испуганными воплями. Я зажмурился, но усилием воли снова открыл глаза. Солдаты бежали с пустыми руками, глядя себе под ноги. Еще никогда мне не встречалось войско без знамени, без оружия, без лошадей, без формы – одни голые люди-кошки, близкие к сумасшествию, отчаянно вопящие и мчащиеся по горячему песку. Теперь я не испугался бы даже целой армии этих дикарей.

Несколько минут – и главная масса солдат схлынула. Я подумал, что они, наверное, принадлежат Большому Скорпиону и захотят рассчитаться с ним за свое поражение. Если так, то Маленький Скорпион шел на верную смерть, когда отказывался прятаться от них. Мне снова захотелось поймать кого-нибудь из отставших солдат, но они бежали даже быстрее передних – должно быть, пытались нагнать их. Ловить было безнадежно, оставалось подстрелить. Нет, этот способ не для меня: я все же не военный, чтобы прибегать к такой жестокости.

Солдат становилось все меньше. Я выскочил из укрытия, решив стрелять только в самом крайнем случае. Жизнь иногда бывает сложнее, чем ее себе представляешь, но иногда проще. Если бы солдаты продолжали бежать, то за ними не угнаться бы. На счастье, один из них поступил иначе и, завидев меня, оцепенел, словно лягушонок перед водяной змеей. Остальное было совсем просто. Я взвалил его, полумертвого от усталости и страха, к себе на спину, и он даже не пискнул.

В нашем убежище он долго не открывал глаз, а едва открыл и увидел Маленького Скорпиона, как дернулся, будто ему всадили штык в живот. Глаза солдата загорелись, он явно хотел броситься на молодого хозяина, но моя рука легла ему на плечо.

Маленький Скорпион, неподвижно сидевший рядом с Дурман, не проявил к пленнику никакого интереса, и я понял, что мне придется расспрашивать самому. Не добившись ничего добром, я припугнул солдата и спросил, почему они потерпели поражение.

Солдат снова оцепенел, стал что-то вспоминать и вдруг показал на Маленького Скорпиона:

– Все из-за него!

Маленький Скорпион усмехнулся.

– Все из-за него! – яростно повторил солдат.

Я знал, что люди-кошки очень вспыльчивы, и выжидал, когда его гнев уляжется.

– Мы не хотели воевать, а он обманул нас и послал на фронт! И еще не разрешил взять национальные престижи, которые нам давали иностранцы! Красноверевочную гвардию и другие армии он тоже послал, но они преспокойненько взяли национальные престижи и отступили; одну нашу армию разгромили в пух и прах! Мы солдаты его отца, а он не позаботился о нас, бросил вас в бой, не захотел отпустить, как собирался сделать его отец. Если хоть один из нас останется в живых, не видать тебе хорошей смерти! Другие преспокойненько отступили, даже пограбили немного, – не то что мы! Как нам теперь жить?!

Маленький Скорпион слушал внимательно, но с подавленным видом. Для меня же было интересно каждое слово солдата, который, на мое счастье, продолжал:

– Вы отняли у нас и землю, и дома, и семьи! Сегодня вам нужно одно, завтра другое! Чиновников все больше, а народ нищает! Вы грабите нас, обманываете, заставляете идти в солдаты, чтобы мы для вас грабили. Сами получаете всю добычу, а нам даете крохи, и то потому, что боитесь, как бы вас не оставили. Когда иностранцы нападают на вас, хотят отнять ваше добро, вы посылаете нас на смерть! Но какой дурак будет за вас умирать? Мы просто отбываем повинность, потому что не умеем работать, потому что вы еще наших отцов превратили в солдат. Мы с детства не знаем другой доли в иначе жить не можем.

Он остановился, чтобы набрать воздуха, а я воспользовался случаем и спросил:

– Если вы знаете, кто виновники и чем они плохи, почему вы не казните их и не станете управлять страной сами?

Солдат выпучил глаза. Я решил, что он не понимает меня, но он всего лишь задумался.

– Ты хочешь сказать, почему мы не устроим переворот?

Я никак не ожидал, что он знает это слово, – забыл, сколько переворотов было в Кошачьем государстве.

– А-а, никто уже не верит! От переворотов мы только теряем, а они приобретают. Когда разделили землю, все радовались, но каждый получил так мало, что не смог посадить и десятка дурманных деревьев. И сажали – голодали, и не сажали – голодали. Наши вожди ничего не могли сделать. Они старались, особенно молодые, но мы все равно голодали – значит, они были дураками. Мы перестали им верить, хотя и сами ничего не знали. Нам оставалось только служить тем, кто давал дурманные листья, а сейчас мы и солдатами быть не можем. Мы должны убить хотя бы одного чиновника. Ведь они послали нас драться с иностранцами, то есть на верную смерть! Если нас убьют, как мы будем служить и есть дурманные листья? У чиновников горы листьев, целые толпы женщин, а нам даже обглоданного листа не дадут, посылают драться с иностранцами. Нет, уж мы лучше с чиновниками станем драться!

– Вы бежали специально для того, чтобы убить его? – показал я на Маленького Скорпиона.

– Да, для этого! Он послал нас в бой, не разрешил нам взять у иностранцев национальные престижи!

– Ну и что вы стали бы делать, если б убили его? – спросил я.

Солдат промолчал.

У меня не было ни времени, ни охоты объяснять пленнику, что Маленький Скорпион – едва ли не единственный думающий человек-кошка, что ненавидеть его глупо. Солдат, видимо, считал Маленького Скорпиона крупным чиновником, он не мог уничтожить все чиновничество, поэтому и хотел сорвать злобу хоть на одном. Я вновь убедился в том, что даже умный человек, старающийся разрешить политические и экономические проблемы, тонет среди этих проблем,

если не обладает необходимыми знаниями, что многократные перевороты умножают народные горести, но вряд ли делают народ умнее: он чувствует себя обманутым, а что делать – не знает. Сверху донизу сплошная глупость! Она зияет на теле Кошачьего государства, словно кровавая рана, и все-таки недостаточно причиняет боль, чтобы заставить его воспрянуть.

Куда же деть пленника? Если отпустить его, он может созвать других солдат и убить Маленького Скорпиона; если взять с собой, он нам только помешает.

Время было позднее, пора действовать, но Маленький Скорпион всем своим видом показывал, что не хочет ничего, кроме смерти, он даже говорить не хотел. Дурман как советчица в счет не шла. Возвращаться домой было опасно, идти на запад еще опаснее – все равно что самим лезть в сети. Единственный выход, пожалуй, отправиться в иностранный квартал. Однако Маленький Скорпион покачал головой.

– Лучше смерть, чем позор! И отпусти ты этого несчастного...

Я так и сделал.

Постепенно стемнело. Кругом царила необычайная, зловещая тишина. Вдали наверняка бредут отступающие солдаты, за ними идут иностранцы, а здесь напряженная тишина, как на пустынном острове перед бурей. Конечно, сам я мог перебраться в другую страну, но меня мучила судьба Маленького Скорпиона, который успел стать мне близким другом. Да и Дурман не хотелось бросать. Как это печально – в обвалившемся домишке ждать гибели государства! Именно тогда особенно остро ощущаешь связь между понятиями «человек» и «гражданин». Я думал, разумеется, не о себе, а о своих друзьях: только так я мог проникнуть в их души, взять на себя хоть часть их скорби, потому что утешать их было бесполезно. Государство гибнет от собственной глупости. Эта гибель не трагическое разрешение противоречий, не поэтическое олицетворение справедливости, а исторический факт, который не смягчишь никакими чувствительными словами. Я не книгу читал, а слышал поступь смерти! Мои друзья слышали ее, конечно, еще отчетливее, чем я. Они проклинали ее или предавались воспоминаниям. У них не было будущего, а их настоящее воплотило в себе весь позор их сограждан.

На небе, все таком же темном, сверкали звезды. Кругом по-прежнему стояла тишина, однако глаза моих друзей были открыты. Они знали, что я тоже не сплю, но никому не хотелось говорить: разящий перст судьбы придавил наши языки. В мире онемела еще одна культура, которая никогда больше не возродится. Ее последним воплем стала запоздалая песнь свободе. Душа этой культуры может попасть только в ад, потому что само ее существование было черным пятном на странице истории.

Уже к рассвету я забылся сном. Внезапно грянули два выстрела. Я вскочил, но было поздно: мои друзья лежали на земле окровавленные – рядом с Маленьким Скорпионом валялся пистолет.

Что я чувствовал тогда – невозможно описать. Я все забыл, остались только боль в сердце и страх от пристального взгляда их мертвых глаз. Да, они смотрели на меня, словно задумавшись, загадывая мне загадку, а я еще надеялся вернуть их к жизни и в то же время особенно отчетливо сознавал, как хрупка и беспомощна жизнь. Я не плакал, я был так же мертв, как они, – с той только разницей, что стоял, а они лежали. Присев, я потрогал их, они были еще теплыми, но не откликнулись. От них осталось лишь то небольшое, что знал я, остальное исчезло вместе с ними. Наверное, смерть по-своему приятна.

Мне было нестерпимо жаль их, особенно Дурман, которая была совсем не готова к героической гибели. Преступления людей-кошек обрекали на гибель их собственных жен, матерей, сестер. Будь я богом, я бы раскаялся в том, что дал женщин такой никчемной нации!

Я понимал Маленького Скорпиона и из-за этого еще больше жалел Дурман. У него были причины умереть вместе со своей страной – причины, вполне объяснимые. Человек не может жить вне своей нации и государства; если он их теряет, он гибнет, а если не гибнет, то продает свою душу, вверяет ее аду.

Дурман и Маленький Скорпион становились для меня все дороже. Я мечтал разбудить их и сказать, что они чисты, что их души принадлежат им самим. Мечтал, чтобы они улетели со мной на Землю, испытали радости жизни. Но бесплодные иллюзии лишь усиливали тоску. Друзья оставались недвижимыми; казалось, они погибли уже несколько дней назад. И жизнь и смерть были Всем, а между ними лежало безгранично великое Непознаваемое. Да, молчание смерти оказалось абсолютной истиной. Мои друзья больше не заговорят, и я сам утратил интерес к жизни.

Я просидел возле них до самого восхода. Их черты вырисовывались все отчетливее, солнечный луч упал на безмолвное, но необычно красивое лицо Дурман, на Маленького Скорпиона, прислонившего голову к стене. Его лицо все еще хранило печальное выражение, как будто он даже после смерти, не избавился от своего, пессимизма.

Если бы я продолжал сидеть здесь, я сошел бы с ума. Но одна мысль о том, что я должен их оставить, исторгла у меня слезы, которые я до сих пор сдерживал. Бросить друзей и вновь скитаться по чужому миру было еще труднее, чем в свое время покинуть Землю. К тому же их образы будут постоянно преследовать меня. Я плакал, обхватив руками их тела, и почти кричал: прощай, Маленький Скорпион, прощай, Дурман!

Хоронить их я был не в состоянии. Стиснув зубы, я подобрал свой пистолет и перелез через стену. Нет, я не вернусь, пусть даже их тела сгниют. Какой я злосчастный человек: сначала потерял товарища, с которым вместе летел, а теперь и этих друзей... Наверное, со мной вообще нельзя дружить.

Куда же идти? Конечно, в Кошачий город. Там сейчас мой дом.

Навстречу мне никто не попадался, всюду витала смерть. На серо-желтой дороге, под серым небом валялись мертвые солдаты, над которыми с радостным клекотом плясали белохвостые коршуны. Я шагал как можно быстрее, однако в ушах стоял смех Дурман, раздавался голос Маленького Скорпиона. Видения преследовали меня.

Возле Кошачьего города мое сердце забилося сильнее – то ли от страха, то ли от новой надежды. На пустынных улицах не было никого, только трупы убитых женщин. Я догадался, что

здесь проходили солдаты, и вспомнил фразу Дурман: «Цветок тоже убежала!» Да, если бы Цветок не скрылась, она попала бы в число этих мертвецов... Голова Большого Ястреба, вся исклеванная коршунами, по-прежнему торчала на шесте, но теперь не ее стерегли, она сама как будто сторожила пустой город... Дом Маленького Скорпиона оказался разрушенным.

Солдаты не оставили ничего, что я мог бы взять на память, да мне, наверное, и не следовало брать, потому что каждый кирпич, каждая частица этого дома вызывали у меня слезы.

Зная, что все жители на востоке, я пошел туда, по пути оглянулся на мертвый город, тонувший в сером воздухе, повернул к роще Большого Скорпиона, миновал безлюдные деревушки, где тоже побывали солдаты.

В роще опять-таки никого не оказалось. Я присел под деревом, но гнетущая тишина вскоре согнала меня с места. От нечего делать я пошел к отмели, где прежде купался, сел на песок и стал глядеть вдаль. Тут сквозь туман я вдруг заметил людей, идущих на запад. Было такое впечатление, что обстановка изменилась и жители возвращаются в город. Путников становилось все больше, некоторые шли с солдатами и нетерпеливо прокладывали себе дорогу обычным для именитых людей-кошек способом. Отряды сталкивались, но увидеть, кто из них побеждает, было трудно, потому что солдаты не столько били, сколько увертывались, прятались друг за друга. Один из отрядов увертывался особенно умело и, заполняя образовавшиеся пустоты, потихоньку двигался вперед. Когда он подошел ближе к отмели, я понял причину их ловкости – во главе отряда стоял Большой Скорпион.

Я не мог упустить такого случая и догнал отряд, который уже совсем вырвался на свободу и начинал ускорять шаг. Большой Скорпион, казалось, обрадовался, увидев меня, но к разговорам не был расположен. Когда я спросил, что он собирается делать, он озабоченно бросил:

– Идем с нами в столицу! Враги скоро придут туда, если уже не пришли.

«Наконец-то люди-кошки поняли, что нельзя не обороняться, и решили защитить свой город! – подумал я. – Но почему они тогда дерутся по дороге?!» Чувствуя, что мой восторг не совсем оправдан, я потребовал от Большого Скорпиона объяснений. Он, видимо, нуждался во мне и, зная мою настойчивость, не утаил правду:

– Мы идем сдаваться. Кто первый подарит столицу врагу, тот получит в награду прибыльное местечко.

– Нет уж, уволь! Сдаться ты и без меня сумеешь! – процедил я и круто повернул назад.

Военачальники, шедшие за Большим Скорпионом, тоже торопились капитулировать. Особенно усердствовал командующий красноверевочной гвардией, по-прежнему с толстым шнуром на шее.

Вдруг все остановились. Я оглянулся, увидел, что враг уже подходит, и решил все же пойти посмотреть, как Большой Скорпион будет сдаваться. Внезапно и меня, и Большого Скорпиона обогнал командующий красноверевочной гвардией. Он птицей ринулся к врагам и кинулся перед ними на колени. Остальные военачальники последовали его примеру, словно почтительные сыновья на похоронах родителей в старом Китае.

Тут я впервые увидел врагов Кошачьего государства. Большинство из них были еще ниже ростом, чем обычные люди-кошки, не очень приятны на вид и явно еще подлее и свирепее. Впрочем, я не знал ни их истории, ни их национального характера и руководствовался только первым впечатлением. В руках они держали короткие палки, похожие на железные.

Когда люди-кошки встали на колени, один из лилипутов – видимо, начальник – хлопнул в ладоши. Стоявшие за ним солдаты мгновенно подались вперед и с удивительной точностью стали бить сдающихся по головам. Жертвы без единого звука валились на землю, как будто из палок вылетали электрические разряды. Остальные люди-кошки закричали, словно петухи под ножами, и рванулись назад, давя упавших. Лилипуты не преследовали их, а продвигались

медленно, отбрасывая ногами трупы.

Недаром Маленький Скорпион говорил, что враг уничтожит всех людей-кошек до единого! Но я еще надеялся, что они окажут сопротивление. Капитуляция не спасла их от гибели, а борьба может спасти. Я не люблю войн, однако история показывает, что иногда они неизбежны, что человек порою просто обязан вступить в битву и даже погибнуть в ней. Постоять за свой народ – святая обязанность, она не чета ложному патриотизму, который мне отвратителен. После незаслуженной расправы жители Кошачьего государства, наверное, еще дадут бой, и вполне возможно, что победа будет на их стороне.

Я держался поодаль от лилипутских солдат, которые приканчивали палками раненых. Конечно, эти солдаты не показались мне культурнее людей-кошек, но они имели, по крайней мере, одно преимущество перед ними: уважение к собственной стране. Это уважение выражалось в чудовищном эгоизме, и все же лилипуты выигрывали в сравнении с жителями Кошачьего государства, каждый из которых думал лишь о собственной выгоде.

Хорошо, что, отправляясь на фронт, я захватил немного дурманных листьев, иначе умереть бы мне с голоду. Я не решался не только попросить еды у лилипутов, но даже приблизиться к ним, потому что они, чего доброго, могли принять меня за шпиона. Мы дошли до места, где лежал мой корабль, и тут лилипуты остановились. Издалека я увидел, что обломки корабля привлекли их внимание. Любопытностью пришельцы тоже превосходили людей-кошек, однако в тот момент я думал не об этом, а о прахе моего друга, который они топтали.

Отдохнув, солдаты принялись рыть землю: несколько неуклюже, но быстро, без всякой лени и сомнений. Вскоре они выкопали огромную яму, подогнали к ней толпу пленных людей-кошек, окружили их и начали сталкивать вниз. От криков несчастных разорвалось бы даже железное сердце, но у лилипутов сердца оказались крепче железа. Орудовали они металлическими палками. Среди жертв было много женщин, некоторые с детьми на руках. Не в силах спасти их, я закрыл глаза, но крики и плач раздаются у меня в ушах до сих пор. Постепенно шум стих, и я увидел, что низкорослые звери уже утаптывают землю. Всех закопали живьем! Страшное наказание за неспособность сопротивляться! Я не знал, кого сильнее ненавидеть, но чувствовал, что люди, не уважающие самих себя, не могут рассчитывать на человеческое обращение; подлость одного способна погубить очень и очень многих.

Если бы я до конца осознал все, что видел, я ослеп бы от слез. Лилипуты показались мне самыми жестокими тварями, они действительно уничтожили Кошачье государство – даже его мухи были обречены на гибель.

Потом я наблюдал, как некоторые люди-кошки пытались бороться, но небольшими группами по четыре-пять человек. Они до самого конца не научились действовать сообща. Я видел холм, на котором столпилось десятка полтора кошачьих беженцев – единственное место, еще не захваченное врагом. Не прошло и трех дней, как они переругались и передрались между собой. Когда на холм поднялись лилипуты, там осталось всего два дерущихся человека-кошки – наверное, последние жители Кошачьего государства. Победители не стали убивать их, а посадили в большую деревянную клетку, где пленники продолжали яростный бой, пока не загрызли друг друга до смерти. Люди-кошки сами завершили свое уничтожение.

Я прожил на Марсе еще полгода. Наконец туда прилетел французский изыскательский корабль, который живым и невредимым доставил меня в мой великий, светлый и свободный Китай.

notes

Иронический намек на строгие моральные правила конфуцианства, в частности на фразу древнего философа Мэн-цзы (III в. до н.э.):

«Если мужчины и женщины общаются, не приближаясь друг к другу, это соответствует церемониям».

Подражание японским и европейским словам.

Перевод так же условен, как сами «иностранные слова».

Намек на легенду об известном китайском полководце Чжугэ Ляне (III в.), который, оставшись без войска, раскрыл перед противником городские ворота; испугавшись засады, враг отступил от стен крепости.